

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 3 · № 5 · СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ · 2005

Содержание

Мир в поисках устойчивости *Фёдор Лукьянов* 5

Комментарии

Искушение авторитаризмом *Ральф Дарендорф* 8

В условиях авторитаризма люди не испытывают давления со стороны властей до тех пор, пока безропотно решают личные проблемы и не мешают государственным чиновникам заниматься своими делами.

Инвесторы после Майдана *Альберт Еганян* 13

Российский бизнес сегодня столкнулся с необходимостью не прятаться за спину государства, а самому активно включиться в борьбу за защиту своих интересов и внешнеполитических позиций страны.

Саудовская Аравия: реформы и стабилизация *Григорий Косач* 19

Завершение эпохи короля Фахда и восшествие на престол наследного принца Абдаллы вызывают необходимость не только оценить перспективы развития Саудовской Аравии, но и внимательно всмотреться в ее прошлое.

«Российская» политика Германии: что дальше? *Александр Рар* 29

Эпоха «треугольника» Москва – Берлин – Париж уходит в прошлое. Какое бы правительство ни было сформировано в Германии, ему придется уделять больше внимания трансатлантическим отношениям и опасениям центральноевропейских соседей, чем это было в эпоху Герхарда Шрёдера.

Гонка за лидером

- XXI век: контуры миропорядка** *Сергей Караганов* 36
 Призыв повернуться лицом к Азии подразумевает не многополярную политику, направленную де-факто против США, не консервацию отсталости, не торжество «евроазиатчины» под видом «самобытного пути», не отказ от европейского выбора, а движение России по пути ускоренной модернизации, без которой не будет ни процветания, ни демократии.
- Россия: не сердиться, а сосредоточиться** *Сергей Кортунов* 51
 Российская Федерация должна недвусмысленно определять себя как наследницу исторической, то есть тысячелетней, России. Придется нести ответственность за все ее ошибки, включая, как это ни тягостно, грехи СССР. Но игра стоит свеч: страна останется субъектом мировой истории, понятным и узнаваемым.
- Блеск и нищета неоконсерватизма** 62
Вероника Крашенинникова
 Религиозная энергия правящих ныне в Белом доме неоконсерваторов усиливает категоричность их суждений, и без того свойственную американским идеологам. В результате руководители США демонстрируют скорее упрямую уверенность в собственной правоте, нежели готовность к конструктивному сомнению.

Рассвет над Азией

- Азиаты переосмысливают Азию** *Ван Хуэй* 78
 Для жителей Азии современный национализм остается определяющим элементом азиатской идеи. Критика европоцентризма должна сосредоточиться не на утверждении азиацентризма, а на искоренении эгоцентристской, дискриминационной и экспансионистской логики доминирования.
- Торговая война с Китаем?** *Нил Хьюз* 88
 Экономическое влияние Китая быстро растет, и американцы обвиняют Пекин во всех преступлениях – от манипуляции валютным курсом до нечестной торговой политики. Ни одно из этих обвинений не имеет оснований, но они увеличивают вероятность американо-китайской торговой войны, которая способна нанести значительный урон обеим сторонам.
- Китай в поисках стабильных отношений с Америкой** 103
Ван Цзисы
 Из всех стран мира именно США способны оказать наибольшее воздействие на судьбы Китая. Существует много поводов для потенциальной напряженности между этими двумя державами, таких, как вопросы, связанные с Тайванем, Японией и Северной Кореей. Подлинная дружба между Вашингтоном и Пекином вряд ли возможна, но их интересы переплелись настолько, что больше всего оба государства выиграют, если будут сотрудничать.
- Северная Корея: выйти из тупика** 117
Александр Воронцов, Владимир Евсеев
 На фоне бурного развития Восточной и Юго-Восточной Азии ситуация на Корейском полуострове выглядит анахронизмом. В последнем очаге противостояния, унаследованном от эпохи холодной войны, время как будто остановилось. Может ли территория постоянного конфликта стать зоной развития и процветания?

- Индийский императив *Роберт Блэкуил* 130
Нет другой страны, кроме Индии, которая столь же полно и активно разделяла бы с США жизненные национальные интересы и ценности свободы. Существуют объективные предпосылки к тому, чтобы Дели и Вашингтон надолго остались партнерами.

- Россия, Китай и Индия в мировой экономике 143
Владимир Портяков
Многие важные аспекты взаимодействия России, Китая и Индии обусловлены местом этих стран в мировой экономике, глубиной и характером их вовлеченности в процессы глобализации и регионализации. Налаживание между ними трехстороннего сотрудничества невозможно без адекватного анализа мирохозяйственного контекста их экономического развития.

Нефть в обмен на процветание

- Повестка дня для глобальной энергетики *Владимир Милов* 160
Если Россия хочет быть полноценным членом сообщества цивилизованных стран и ключевым игроком на энергорынке, необходима ясная картина того, что в нашей правовой системе иностранным компаниям можно, а что нельзя.

- Российские углеводороды и мировые рынки 170
Александр Арбатов, Мария Белова, Владимир Фейгин
Важная роль России на мировой арене в значительной степени обусловлена богатством ее природных ресурсов. Успешное участие в современном мировом разделении труда предполагает полноценное использование подобных преимуществ, хотя и не должно сводиться к нему.

Разговор по существу

- «Только демократия может укротить рынок» 188
Фернандо Энрике Кардозо
Наш мир хоть и выглядит однополярным, но является таковым лишь до определенного предела. Со временем Европа станет сильнее, глобальное значение Китая многократно возрастет, а страны типа Индии, России, Бразилии, Мексики будут играть в этом новом мировом порядке роль балансира. Так считает бывший президент Бразилии, с которым беседует **Владислав Иноземцев**.

Рецензии

- Логика «нового милитаризма» *Владислав Иноземцев* 204
Евроскептицизм по-английски *Александр Кузяков* 210

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые энергетические проекты»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «Уралсиб»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 1982.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)
БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя
БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)
ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)
ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)
ЗВЕРЕВ С.А.
ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
*председатель
научно-консультативного
совета*
КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.
КОКОШИН А.А.
КОЛЬ Гельмут
(Германия)
КОМИССАР М.В.
КОПЬЕВ В.В.
КУЗЬМИНОВ Я.И.
ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)
ЛИВШИЦ А.Я.
ЛУКИН В.П.
ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор
МАУ В.А.
МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)
НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.
ПОЗНЕР В.В.
ПРИМАКОВ Е.М.
ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)
РЫЖКОВ В.А.
ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)
ТОРКУНОВ А.В.
УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)
ХАКАМАДА И.М.
ХОУГ Джеймс (США)
ШМЕЛЁВ Н.П.
ЭЛЛИСОН Грэм (США)
(Франция)
ЮРГЕНС И.Ю.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель
АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.
ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Журнал издается при финансовой поддержке
Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Ралченко

*Англоязычное издание
Russia in Global Affairs*

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

*Завотделом
переводной литературы*
Любовь Рыклина

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Наталья Шупленкова

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

Мир в поисках устойчивости

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Если попытаться выделить главную тему, вокруг которой осенью 2005 года формируется международная повестка дня, то таковой окажется, пожалуй, вопрос о глобальном лидерстве.

В Нью-Йорке с помпой прошел саммит Объединенных Наций, приуроченный к 60-летию этой организации. В течение нескольких месяцев государства — члены крупнейшей международной структуры пытались согласовать приемлемый для всех текст итогового документа форума. В результате вместо программы реформ ООН, необходимость которых давно очевидна практически всем политикам и экспертам, на свет появилась общая и не слишком содержательная декларация. Искать виновников неудачи бесполезно. Просто взаимоотношения в рамках того, что называют международным сообществом, в принципе не позволяют сегодня договориться о единых подходах и правилах игры.

Какие державы или объединения способны взять на себя роль лидера (а значит, и бремя ответственности) в стремительно меняющемся мире? Да и каким он станет, этот мир?

Сергей Караганов полагает, что контуры будущего определяются стремительным ростом влияния Азии, разочарованием в способности США решать глобальные проблемы и вступлением Европейского союза в период затяжного кризиса. Именно этим ключевым факторам современного развития и посвящена большая часть статей номера.

Так, сразу несколько авторов анализируют экономический и политический взлет Китая и Индии, который меняет всемирный баланс сил. К примеру, торговая экспансия КНР — это реальность, хотя, как полагает **Нил Хьюз**, масштаб угрозы пока не стоит преувеличивать. **Владимир Портяков**, сравнивший экономические потенциалы России, Китая и Индии, считает, что у этих стран есть неплохие перспективы для взаимодействия. **Ван Цзисы** рассматривает непростые отношения Пекина и Вашингтона: обе державы стремятся поддерживать баланс между соперничеством и партнерством. А в том, что США нужны особые отношения с Индией, уверен **Роберт Блэкуил**. О неразрешенном конфликте, который бурно развивающийся Азиатский

регион унаследовал от минувшей эпохи, — разделе Кореи и ядерной угрозе Пхеньяна, — напоминают **Александр Воронцов** и **Владимир Евсеев**. Наконец, о том, как жители Азии видят себя самих и окружающую действительность, пишет **Ван Хуэй**.

Соединенные Штаты с подозрением смотрят на быстрое укрепление КНР, видя в ней будущего стратегического конкурента. Впрочем, реальный вызов Вашингтону Пекин сможет бросить не ранее, чем через два-три десятилетия. Пока же позициям Америки угрожает другое: чрезмерная уверенность в собственной правоте и неспособность выйти за рамки идеологических догм, присущих правящим ныне в США неоконсерваторам. О силе и слабости единственной сверхдержавы рассуждает **Вероника Крашенинникова**.

В условиях роста международной нестабильности и отсутствия безусловных мировых авторитетов России необходима не только продуманная внешняя политика, но и прежде всего четкая самоидентификация, уверен **Сергей Кортунов**. При этом геополитический выбор и место страны в мироустройстве XXI века во многом зависит от ее энергетического потенциала. О том, как Россия планирует распорядиться своими ресурсами, — материал **Александра Арбатова**, **Марии Беловой** и **Владимира Фейгина**. Не случайно одним из

приоритетов российского председательства в «большой восьмерке» в 2006 году выбрана тема всеобщей энергобезопасности. Что Москва могла бы предложить партнерам по «элитарному клубу», претендующему на мировое лидерство? На эту тему рассуждает **Владимир Милов**.

Нашу новую рубрику «Разговор по существу» будет вести **Владислав Иноземцев**. Его первым собеседником стал **Фернандо Энрике Кардозо** — бывший президент Бразилии, страны, которую вместе с Россией, Индией и Китаем причисляют к «локомотивам» XXI века.

Актуальным темам посвящены и другие материалы номера. Эссе **Ральфа Дарендорфа** о «долине слез», которую приходится пересечь переходным обществам, прежде чем они станут на путь устойчивого развития. Статьи о смене власти в двух значимых державах — Саудовской Аравии (**Григорий Косач**) и Германии (**Александр Пар**). Наконец, **Альберт Еганиян** говорит о том, как российскому бизнесу защитить свои интересы в бывших советских республиках.

Постимперское сознание и способы его преодоления — такова главная тема следующего номера. Новейшая история знает немало стран (Великобритания, Франция, Турция), прошедших путь, по которому теперь движется Россия, и их опыт может быть для нас полезен.

Комментарии

“ Столкнувшись с трудностями переходного периода, посткоммунистическим странам придется пройти долгий путь через «долину слез». Надежды людей на демократию — по сути, на свободу — подвергнутся суровым испытаниям. И возможно, люди даже захотят вернуться в атмосферу определенности, которая существовала при рухнувшем старом строе ”

Искушение авторитаризмом *Ральф Дарендорф*

8

Инвесторы после Майдана *Альберт Еганян*

13

Саудовская Аравия: реформы и стабилизация

Григорий Косач

19

«Российская» политика Германии: что дальше?

Александр Рар

29

Искушение авторитаризмом

Ральф Дарендорф

На протяжении всего XX века Европа боролась с великими искушениями тоталитаризма. Фашизм и коммунизм, две мощные тоталитарные идеологии, тянули ее в бездну несвободы. Сегодня, к счастью, не осталось ни одного их оплота: фашизм потерпел крах в 1945 году, а в 1989-м рухнул коммунизм, пытавшийся создать альтернативу либеральному устройству общества.

Обратный отсчет истории тоталитаризма начался с создания в 1980 году польского профсоюза «Солидарность». Свержение диктатуры везде происходило по-разному, и не всегда революция была столь же «бархатной», как в Польше, которая подала пример практически мирной, не сопровождавшейся кровопролитием смены режима.

Конечно, еще остаются Куба и Северная Корея; в разных частях

земного шара продолжают существовать и другие государства, управляемые безнравственными диктаторами. Но после 1989-го тоталитаризм в буквальном смысле слова вряд ли способен где-либо вновь заявить о себе. Я имею в виду тотальную мобилизацию общества, проводимую во имя квазирелигиозной идеологии какой-либо могущественной партией, заполучившей в свое распоряжение универсальные инструменты беспощадных преследований и принуждения.

Все это, однако, не означает, что мы приблизились к концу истории нашего мира. После завершения жесткой конфронтации времен холодной войны история фактически началась заново. Окончание бесплодной конфронтации распахнуло двери глобализации и целому спектру разнообразных свобод. В то же

Ральф Дарендорф — англо-германский социолог, член британской Палаты лордов, в прошлом видный немецкий политик, ректор Лондонской школы экономики, руководитель Колледжа св. Энтони в Оксфорде. В основе данной статьи — выступление на конференции «От “Солидарности” к свободе», посвященной 25-летию движения «Солидарность» (Варшава, август 2005 г.).

время история в очередной раз продемонстрировала двусмысленность, точнее, даже двойственность человеческих устремлений.

Новое начало истории вызвало к жизни и новые угрозы свободе — правда, не столь серьезные, как тоталитаризм. Такие угрозы требуют бдительности и деятельной защиты тех ценностей, которые возобладали сначала в Польше в 1980-м, а потом во всей Европе в 1989 году.

Особую опасность несут угрозы, порождаемые крушением надежд. Весной 1990-го, после продолжительной беседы с тогдашним польским президентом Войцехом Ярузельским, я высказал предположение, что, столкнувшись с трудностями переходного периода, посткоммунистическим странам придется пройти долгий путь через «долину слез». Речь шла о том отрезке времени, когда старые структуры, в первую очередь в экономике, оказались демонтированы, а новые еще не возникли. Уже тогда для меня было очевидно: прежде чем жизнь в этих государствах станет лучше, произойдет заметное ухудшение. Ведь так случалось при любой смене режима, даже в Германии после валютной реформы 1948 года.

Тогда же я утверждал, что путешествие через эту «юдоль печали» будет долгим и четырех-пяти лет, срока одного парламентского созыва, не хватит для того, чтобы выбраться на торную дорогу. В про-

цессе перестройки надежды людей на демократию — по сути, на свободу — подвергнутся суровым испытаниям. И возможно, люди даже захотят вернуться в атмосферу определенности, которая существовала при рухнувшем старом строе и к которой они наверняка будут испытывать чувство ностальгии.

Спустя полтора десятилетия после памятного 1989-го подобные настроения наблюдаются почти во всех посткоммунистических странах. Наверное, это естественно: нельзя требовать от людей, чтобы после всех тягот и сомнений последних лет они продолжали безоговорочно верить обещаниям, сулящим процветание. Новейшая история Польши, например, не раз демонстрировала, чем чревата политика, уходящая корнями в эпоху крушения надежд, когда старое уже кануло в Лету, а новое еще не утвердилось. Но польский народ не терял надежду, долго странствуя через «долину слез», и сегодня его оптимизм впервые начинает возрастать. Стала, наконец, реальностью постоянно подпитывавшая эту надежду перспектива вступления Польши в Европейский союз.

Важнейшую роль сыграли так называемые копенгагенские критерии, установленные в 1993 году в качестве необходимых условий для вступления той или иной страны в Евросоюз. Эти критерии демократии, власти закона и рыночной

экономики продемонстрировали выдающийся образец позитивного вмешательства во внутренние дела других государств. Одним из примечательных и уникальных аспектов всего процесса присоединения к ЕС, можно сказать, стала очевидная приостановка принципа незыблемости суверенитета, действующего уже более 300 лет.

Прежде мои опасения были связаны с тем, что крушение надежд вызовет к жизни новые формы фашизма. Однако теперь я убежден: риск подобного развития событий в странах — членах Европейского союза незначителен. А вот к востоку от его границ такая опасность, и весьма реальная, существует. И чем дальше от нас расположены страны, находящиеся в процессе всеобъемлющей модернизации, тем глубже разочарования, испытываемые людьми, и тем более весьма нешуточная опасность угрожает свободе. Это характерно для некоторых латиноамериканских государств, но наиболее актуальную проблему представляют собой азиатские страны и, по сути, весь мусульманский мир. Причина кроется не в исламе как религии, а в повсеместной утрате иллюзий, особенно в среде молодежи, охватившей население стран, уже вкушающих соблазнительные плоды модернизации, но не способных обеспечить ими всех сограждан.

Страны с запоздалой модернизацией неизбежно вступают в такую

фазу развития, при которой старые ценности и структуры традиционного общества утрачивают свою силу, а новые еще не успевают оформиться. Люди видят образцы нового «западного» мира, понимая, однако, что не являются его частью. В гигантской «долине слез» вершатся великие преобразования. Они порождают миллионы разочарованных, чьи сердца полны негодования по отношению к современному миру, обманувшему их ожидания. Кое-кто из обиженных рассчитывает добиться успеха, покидая свою страну несбывшихся надежд и отправляясь в поисках счастья в Соединенные Штаты или Европу, где одни из них преуспевают, а другие снова терпят неудачу.

Эти люди — тот самый материал, из которого проповедники ненависти готовят свое ядовитое зелье. Таким проповедником был Гитлер, который раньше других оценил потенциал рухнувших надежд и воспользовался тяжелейшим кризисом в Веймарской республике. Однако современные глашатаи ненависти (а они, конечно же, действуют не только в мусульманском мире), как правило, не способны привлечь под свои знамена большую часть населения. Но им удается мобилизовать отдельных индивидов и вовлекать их в безнадежную войну, которую мы сегодня называем терроризмом.

Наверное, следует изобрести какой-нибудь другой термин. Терро-

ризм исторически ассоциируется с распознаваемыми целями, обычно тесно связанными с тем, что мы, к несчастью, стали называть самоопределением народов. Лидеры движений, боровшихся за право своего народа самому решать собственную судьбу, также апеллировали к неоправдавшимся надеждам для достижения личных целей. Но самая большая опасность нашего времени — мощная атака на ценности Просвещения и либеральное гражданское общество. В конечном итоге эта атака, несомненно, обречена на провал. Смесь современного оружия и ценностей, отрицающих сегодняшние реалии, почти ни на что не годится. Но пока политика опирается на разочарованных и обиженных, она всерьез угрожает свободному миру.

В некоторых странах «политика рухнувших надежд» помогает порочным режимам удерживать власть. Так было в Ираке при Саддаме Хусейне, но могут появиться и другие режимы, похожие на саддамовский. Поэтому тем из нас, кто верит в либеральный порядок, следует задуматься о путях устранения этой угрозы. На мой взгляд, одним из основных пунктов повестки дня мирового сообщества, и прежде всего Организации Объединенных Наций, должен стать вопрос об управляемом вмешательстве во внутренние дела злонамеренных тиранических режимов.

Ведь такие режимы не только наносят вред гражданам своих стран, но, как правило, опасны и для окружающих государств. Их правители вполне могут стремиться к обладанию собственным оружием массового уничтожения. Мы не имеем права позволить им добиться этого, хотя пока нет действенных способов борьбы с такой угрозой. И мы еще не знаем, как нам, которым судьба уготовила жребий жить в свободном мире, следует организовать себя, чтобы наиболее эффективно противостоять терроризму. Борьба против террора, похоже, способствует нарастанию авторитаризма, тем самым только укрепляя тенденцию, так или иначе свойственную многим демократиям.

«Ползучий» авторитаризм подразумевает постепенное сведение на нет участия граждан в управлении своими делами: инициатива в принятии решений незаметно переходит к исполнительной власти — к правительству, подотчетным квазигосударственным организациям и учреждениям и к тем органам, которые выходят из-под контроля известной системы сдержек и противовесов. Правительства под сурдинку лишают граждан элементарных прав вплоть до нарушения принципа личной неприкосновенности. Посягая на права человека и гражданина, они пытаются присвоить себе всё больше полномочий. Словом, на наших глазах происходит

то, что можно назвать похищением демократии и власти закона.

Авторитаризм — это не тоталитаризм. Люди в условиях авторитаризма не испытывают давления со стороны властей до тех пор, пока безропотно решают личные проблемы и не мешают государственным чиновникам заниматься своими делами. Как ни удивительно, иногда усиление авторитарной власти на руку и самому терроризму.

Но в любом случае новую тенденцию нарастания авторитаризма в свободном мире необходимо остановить. В деле свободы не может быть

поставлена точка — ведь демократия и власть закона здесь не ограждены от опасности. И хотя нынешние угрозы не столь явные и очевидные, как в эпоху тоталитаризма, это не должно нас успокаивать. Важнейший урок, преподанный нам польским движением «Солидарность», состоит в том, что люди, стремящиеся к либеральному порядку и жаждущие его процветания, должны что-то делать для нейтрализации всех возможных угроз. Ни одна Конституция не сможет обеспечить нам наши основные права. Единственная гарантия — это мы сами.

Инвесторы после Майдана

Альберт Еганян

В последнее время российский бизнес сталкивается в странах СНГ с серьезными трудностями. За минувший год Грузию, Украину, Киргизию (а фактически и Молдавию) накрыла волна «цветных» революций, и в результате эти государства, которые отечественные корпорации еще недавно считали своей вотчиной, вдруг оказались недружественной территорией. В штаб-квартиры российских компаний поступают предложения пересмотреть ранее заключенные тарифные соглашения, активы фактически замораживаются, звучат обвинения в коррупционных связях со свергнутыми режимами, следуют указания снизить цены, доплатить за чересчур «дешевые» покупки. Говорится даже и об угрозе деприватизации.

Политическая стабильность – рай для инвесторов?

И общественность, и политики, и сами бизнесмены связывают новые риски именно с последствиями

«цветных» революций. На самом деле российские инвесторы подвергались и подвергаются политическому давлению и в таких вполне стабильных странах, как Белоруссия, Туркменистан, Узбекистан. Еще один пример – Казахстан. Эту республику обычно выделяют среди прочих государств СНГ как «рай для инвесторов». А «цветными» революциями здесь и не пахнет, хотя президентские выборы не за горами.

Тем не менее даже политическая стабильность не гарантирует соблюдения прав инвесторов. Так, одновременно с принятием в 2003 году казахстанского Закона «Об инвестициях» (в его разработке принимали участие Совет иностранных инвесторов, казахстанские представительства Американской торговой палаты, Европейской ассоциации бизнеса, Ассоциация нефтяников Казахстана) была отменена «легендарная» статья 6 ранее действовавшего Закона «Об иностранных инвестициях» от 1994-го. В соответствии с ней иностран-

А.С. Еганян – управляющий партнер, юридическая фирма «Вегас-Лекс».

ные инвесторы получили ряд преимуществ, в частности гарантировалась стабильность законодательного регулирования при реализации долгосрочных инвестиционных проектов в недропользовании.

Вместе с тем беспокойство вызывают поправки, внесенные в конце прошлого года в республиканский Закон «О недрах и недропользовании» от 1996 года. Согласно этим поправкам, государство получило приоритетное право на выкуп долей участия в проектах по добыче полезных ископаемых. Государство, таким образом, стремится оговорить для себя возможность участвовать в любой сделке и проекте, при этом инвесторам приходится запрашивать разрешение на каждую операцию со своими активами. Яркий пример применения данной нормы — история продажи компанией *British Gas* своей доли (16,7 %) в проекте разработки месторождения Кашаган. О намерении сделать это *BG* объявила еще до внесения изменений в закон, которые, собственно, и были предложены правительством на фоне продолжавшихся жестких переговоров с этой компанией. В результате в конце марта текущего года *BG* продала 50 % своей доли государству, а остаток — другим участникам консорциума. Государство заплатило за «свою» половину пакета 639 млн дол., причем общая сумма сделки составила 1,8 млрд долларов. А не так давно президент Казахстана зая-

вил, что не позднее чем через 30 лет контроль над нефтяными богатствами должен вернуться к государству.

Так что дело вовсе не в «цветных» революциях, а в очевидной тенденции. Национальные элиты стран СНГ прилагают все больше усилий в стремлении взять под свой контроль наиболее привлекательные местные активы, а судебные системы подвержены сильному экономическому и политическому давлению. При таком взгляде на проблему оказывается, что разговоры о деприватизации в Украине — это лишь одна из множества форм борьбы местных элит (и связанного с ними крепнущего национального бизнеса) за право хозяйничать на своей территории. Соответственно российские инвесторы обречены сталкиваться со все более ощутимыми проявлениями экономического национализма даже в самых стабильных с политической точки зрения государствах.

Российский бизнес стоит перед выбором: отстаивать ли свои интересы, как это подобает игрокам, претендующим на глобальный статус, или же обратиться к привычному методу — достижению закулисных договоренностей с местными властями? Создается впечатление, что в общем и целом наши предприниматели склоняются ко второй опции. К примеру, в последние месяцы российские компании одна за другой объявляют о новых инвестиционных проектах в Украине, несмот-

ря на все разговоры о деприватизации. С одной стороны, они надеются, что политические риски касаются только крупнейших акторов, приобретших стратегические активы при поддержке бывшего руководства страны. С другой — и сами налаживают «продуктивные» отношения с чиновниками, пользуясь неразберихой в новом украинском руководстве. Но является ли такая тактика решением проблемы? Ведь не исключено, что после очередной перетряски правительства «дружественные» чиновники потеряют свои посты, и тогда списать на «цветные» революции неспособность компаний отстаивать свои интересы правовыми методами не удастся.

Новая жизнь «случайных» соглашений

Начиная с середины 1990-х Россия заключила со странами СНГ ряд межправительственных соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций и капиталовложений. В итоге российские бизнесмены имеют сегодня в своем распоряжении такие же международно-правовые механизмы защиты своих интересов за рубежом, как и их западные коллеги.

Такие соглашения весьма распространены в международной практике, в том числе и в отношениях России со многими странами дальнего зарубежья. Не зря крупные корпорации, принимая решение об инвестировании в те или иные регионы ми-

ра, рассматривают наличие подобного рода межправительственных соглашений в качестве одной из основных гарантий сохранности и возвратности вложений. Вслед за Чехией, Мексикой, Аргентиной, Малайзией в действенности таких документов убедились на собственном опыте многие страны СНГ: Украина, Узбекистан, Казахстан и др.

В рамках СНГ Россия заключила двусторонние соглашения о защите инвестиций с Украиной, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Арменией, Молдавией, однако полностью они ратифицированы лишь с Украиной и Казахстаном. За пределами СНГ такие соглашения подписаны у нас с Турцией, Литвой, Болгарией, Грецией, Албанией, Чехией, Хорватией, Македонией, Кубой, Румынией, Югославией.

В основе такого рода межправительственных соглашений лежит обязательство каждой из сторон поощрять у себя инвестиционную деятельность инвесторов из другого государства. Более того, стороны гарантируют **полную и безусловную** правовую защиту инвестиций на своих территориях. Эти обязательства носят не просто декларативный характер: в действительности любой инвестор, «обиженный» теми или иными действиями государства, на территории которого он осуществил инвестиции, имеет право непосредственно адресовать ему свои требования.

Фактически речь идет о недопустимости со стороны государства и его представителей (государственные органы, госкомпании и др.) каких-либо действий, направленных на возможное ущемление прав и интересов инвесторов. Под «полной и безусловной» правовой защитой подразумевается, например, недопустимость экспроприации, национализации, дискриминации в любой форме, в том числе действий, препятствующих управлению и распоряжению своими инвестициями. Потенциально это и необеспечение государством адекватного судебного покрытия в национальной юрисдикции или исполнения судебных актов.

В целом каждая из стран — участниц соглашения обязана обеспечить инвестициям, осуществленным инвестором из другой страны-участницы, и деятельности, связанной с такими инвестициями, режим не менее благоприятный, чем тот, какой предоставляется собственным инвесторам или инвесторам из любого иного государства. При этом исключается применение любых дискриминационных мер, препятствующих управлению и распоряжению инвестициями. Естественно, речь идет о вложениях не только в госконтракты, госактивы или госкомпании, но и в частный сектор. Если инвестор изменит объем, существо и форму своих инвестиций, то это не повлияет на их характер в качестве инвестиций, на которые распространяет-

ся межправительственное соглашение об их защите. Кроме того, государство гарантирует инвестору беспрепятственное перемещение финансовых потоков (как «тела» инвестиций, так и доходов, займов и пр.) сразу же после оплаты налоговых обязательств.

Одно из основных обязательств привлекающего инвестиции государства — гарантия полной и безусловной правовой защиты вложений. Естественно, речь идет и об обеспечении надлежащего уровня судебного покрытия инвестиционных операций, а также о наличии адекватной системы исполнительного производства. Таким образом, если государство ущемит права инвесторов, но решит придать этому действию большую легитимность, прикрываясь решением национального суда, то адекватность и юридическая состоятельность такого решения также могут стать предметом разбирательства в рамках спора «инвестор — государство».

За последние годы различными международными арбитражными институтами рассмотрено несколько инвестиционных споров в отношении, например, Украины. Наиболее известные из них — иски компании *Generation Ukraine Inc.* против Украины на сумму 9,5 млрд дол., компании *Monde Re* против Национальной акционерной компании «Нафтогаз Украины» и Украины на сумму 88 млн дол., литовского инвестора

Tokios Tokeles против Украины на сумму около 7 млн дол., американского гражданина Джозефа Чарлза Лемира против Украины. В случае положительного решения отвечать за действия государства, его органов и корпораций приходится госбюджету.

Особенно важны условия исполнения принятых международными арбитражными трибуналами инвестиционных решений, прописанные в соглашениях. Во-первых, в самих соглашениях стороны отмечают, что подобное арбитражное решение будет признаваться окончательным всеми сторонами процесса. Это — весьма важное дополнение, поскольку существенно минимизирует, хотя и не сводит на нет возможности пересмотра арбитражных решений в национальных судах. Например, при попытке обжаловать решение Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты в национальной судебной системе Швеции наверняка возникнут существенные проблемы.

Во-вторых, в межправительственных соглашениях стороны признают обязательность для себя подобного арбитражного решения и обязуются исполнить его добровольно. Принцип добровольности весьма важен в подобной ситуации. Но как быть, если проигравшая сторона не выполняет своих обязательств?

На этот случай существует практика принудительного исполнения таких решений в соответствии с нью-йоркской Конвенцией об исполне-

нии решений международных арбитражей. Оно может быть проведено против активов государства, находящихся за рубежом (недвижимость, счета, движимое имущество и т. д.). Иными словами, именно госбюджет всегда отвечает за нарушение прав инвесторов, которые тем самым избавляются от необходимости искать конкретного виновника нанесенного ущерба и взыскивать с него средства. Более того, бывало, что взыскание оказывалось направленным и против активов государственных корпораций (в том числе и украинских, и казахстанских).

Международное право в данном контексте — это не только и не столько «дубина» для выбивания компенсации за пропавшие инвестиции. В первую очередь подобные соглашения представляют собой инструмент «мягкого» давления на государство со стороны инвесторов.

Например, соглашениями предусмотрен обязательный период предварительных переговоров после возникновения конфликта. Инвестор должен уведомить о конфликте надлежащего представителя государства, т. е. компетентный госорган, потом ему предоставляется шесть месяцев для того, чтобы подготовиться к делу (хотя в реальности подготовка начинается намного раньше). Но этот срок устанавливается прежде всего и для того, чтобы попытаться достичь мирового урегулирования с государством: обязанность сторон предпринять та-

кую попытку напрямую прописана в соглашениях. Только после того как конфликт не удастся разрешить путем переговоров, стороны вправе обратиться в арбитражный трибунал.

Подобные процедуры, конечно, могут быть весьма продолжительны: в среднем они занимают год-полтора, что, с другой стороны, может оказаться на руку российским инвесторам, поскольку позволит им вести подготовку к разбирательствам в рамках этих соглашений, не афишируя своих действий перед местными властями и продолжая переговоры. Если последние увенчаются успехом, ничто не мешает инвесторам в любой момент заключить мировую.

Сама возможность обращения к этим международным соглашениям вынудит быть более сговорчивыми правительства стран СНГ, которые пока ведут себя с российскими ин-

весторами так, как будто уверены в своей безнаказанности.

На протяжении последних лет отечественный бизнес демонстрировал как способность добиваться желаемого результата на мировой арене, так и умение играть при этом по принятым там правилам. Это было особенно заметно на фоне не всегда расторопных и действенных шагов государственных органов, ответственных за представление интересов страны за рубежом.

Российский бизнес не должен прятаться за спину государства — ему самому следует активно включиться в борьбу за защиту своих интересов и внешнеполитических позиций страны. Победа в этой борьбе вовсе не обязательно достанется тому, кто сильнее. Успеха добьется тот, кто лучше овладеет правилами игры на мировой арене.

Саудовская Аравия: реформы и стабилизация

Григорий Косач

Саудовская Аравия — крупнейший производитель и поставщик углеводородов на мировые рынки, и любое серьезное изменение в этом государстве способно вызвать разнообразные международные последствия. Завершение эпохи короля Фахда и восшествие на престол наследного принца Абдаллы диктуют необходимость не только оценить перспективы развития страны, но и внимательно всмотреться в ее прошлое, в котором тоже можно найти ответы на важный вопрос об особенностях политики Саудовской Аравии на международной арене.

И древняя, и молодая

Саудовская Аравия возникла из религиозно-политической конфедерации арабских племен, возглавляемой семьей Аль ас-Сауд — одной из династий племени анайза. С XVIII века она проводила экспансионистскую политику, распространяя на

всю территорию Аравийского полуострова собственную власть и свою — ваххабитскую — версию ислама. В конце 20-х годов прошлого столетия контроль над эмиратом Неджд и королевством Хиджаз окончательно установил правитель Абд аль-Азиз (1880–1953), известный как Ибн Сауд. В 1932-м его владения были провозглашены Королевством Саудовская Аравия.

Изначально задача Саудидов (потомки Ибн Сауда) состояла в том, чтобы установить жесткую иерархию среди родоплеменных образований. Добиваясь легитимации своих действий, Саудида апеллировали к ваххабизму. Это аскетическое религиозно-реформаторское учение, основанное шейхом Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом (1703–1792) в рамках наиболее строгой в суннитском исламе ханбалистской правовой школы, ставит во главу угла неукоснительное исполнение предписаний

Г.Г. Косач — д. и. н., профессор Института стран Азии и Африки при МГУ, эксперт Института Ближнего Востока.

ислама. Оно особенно жестко отвергает любую форму многобожия, что имело для Саудидов политический подтекст — искоренение сепаратизма на всей подвластной им территории.

Вновь созданное королевство опиралось на союз между кланом Аль ас-Сауд и потомками Абд аль-Ваххаба — семейством Аль аш-Шейх. Между двумя группами установилась своего рода взаимозависимость: если первая играла роль «политического класса», то вторая — носителя необходимой этому «классу» религиозно-политической идеологии. Соответственно система исполнительной власти основывалась на своеобразном распределении обязанностей между двумя внутренними центрами силы. Ведомство внутренних дел, армия, экономика и внешнеполитические сношения были монополией династии Аль ас-Сауд, а исполнение религиозных функций, поддержание устоев «исламской» морали и идеологическая индоктринация — обязанностью клана Аль аш-Шейх. Институты представительной власти исключались, потому что подданные при возведении нового монарха на престол приносили ему клятву в полном и безусловном подчинении.

С самого начала внутренняя и внешняя политика определялась ценностями, исповедуемыми правящей политической элитой. «Точно так же, — отмечает саудовский исследователь А.Х. ас-Суэйг, — американская внешняя политика опирает-

ся на систему либеральных ценностей... а советская внешняя политика черпала собственную легитимность... из марксистско-ленинской идеологии. Анализ же саудовской внешней политики показывает, что ее ценности уходят корнями в ислам, который и определяет ее черты, направления и приоритеты».

Не только в период деятельности Ибн Сауда, но и в эпоху правления его сыновей ислам выступал в качестве единственного инструмента легитимации правления династии, являлся орудием объединения разрозненных племенных сообществ, автономность которых (значительно ограниченная) очевидна и сегодня. Ислам использовался как средство для «освящения» и модернизационных преобразований, и присоединения к системе международных (включая и сферу экономики) отношений.

Сегодня королевство подчеркнуто позиционирует себя как «консервативное государство», поскольку «руководствуется идейными нормами ислама, содействуя их распространению и защите». Религиозная основа саудовской политики стабильна и способствует восприятию Саудовской Аравии как носителя Божественного благоволения и вытекающей из него миссии, тем более что здесь расположены святыни ислама, а монарх носит титул «Служитель Двух Святынь» (Мекка и Медина). Если в самом королевстве религия выпол-

няет функцию этнической мобилизации, то ее цель в региональном масштабе — сплочение таких же «консервативных» арабских и мусульманских государств.

После Второй мировой войны Саудовская Аравия установила широкие экономические контакты с Западом (в первую очередь с США), что содействовало трансформации королевства в реального международного актора. В период правления короля Фейсала (с 1964 по 1975 год) была предпринята первая попытка определить роль и место Саудовской Аравии в регионе и мире. Противостояние эпохи биполярного мира раскалывало окружавшее Саудовскую Аравию региональное пространство. В нем возникали реальные антисаудовские центры (важнейший из них — Египет при Гамале Абдель Насере), использовавшие «арабскую» националистическую риторику и апеллировавшие к помощи Советского Союза.

Саудовский монарх полагал, что внешнеполитические усилия нужно сосредоточить на арабо-мусульманском сообществе, которое должно действовать на основе принципов «солидарности, взаимопомощи и совещательности». Но следовало развивать полномасштабные отношения и с миром «людей Писания» — США и странами Западной Европы, то есть самым влиятельным, по мнению Фейсала, политическим и военным блоком в мире.

Несмотря на приверженность этого блока идеалам либерализма, демократии и секуляризма, король Фейсал рассматривал входящие в него государства как «христианские», почитающие заветы одной из «богооткровенных религий». Призывы же США к «моральной ответственности» ради «защиты свободного мира» являлись в глазах монарха свидетельством основополагающего совпадения политических интересов Вашингтона и Эр-Рияда и залогом того, что арабо-мусульманское сообщество сможет стать частью этого «свободного мира».

Фейсал считал, что третьим элементом системы международных отношений являлся «блок сил коммунизма и сионизма», спаянный единством целей и ставивший себе задачей «разрушение исламской веры» и создание «перманентной угрозы» не только мусульманскому, но и христианскому сообществам. Сама же эта система окрашивалась в традиционные для мусульманской политической мысли тона: она включала в себя «землю мира» — арабо-мусульманское сообщество, «землю договора» — западное сообщество, с которым необходимо взаимовыгодно сотрудничать, и «землю войны» — лагерь противников мусульман, состоявший из Советского Союза, его сателлитов и Израиля.

«Солидарность» арабо-мусульманского мира требовалась для того, чтобы положить конец проис-

кам «коммунистов» и «сионистов». В сентябре 1969 года в марокканском Рабате по инициативе Саудовской Аравии состоялась первая встреча в верхах глав государств и правительств мусульманских стран. Там была создана Организация Исламская конференция (ОИК), которая финансируется королевством и имеет штаб-квартиру в саудовском городе Джидда.

При этом Саудовская Аравия пыталась вписать находившееся в процессе становления сообщество в контекст «свободного мира». Преамбула Основного документа ОИК делала акцент на стремлении вошедших в нее государств сохранять «приверженность Уставу ООН и Декларации прав человека, цели и принципы которых являются основой для плодотворного сотрудничества между всеми народами».

Поддерживая партнерские отношения с Западом, необходимые Саудовской Аравии для решения ее стратегических задач, Эр-Рияд не являлся безусловным союзником Вашингтона, полагая, что Запад должен адекватно понимать интересы другой стороны. Контакты с Западом рассматривались как источник современных технологий и капиталов. Запад был нужен как рынок сбыта нефти. Таким образом, «земля мира», в пределах которого Саудовская Аравия считала себя ведущей державой, и «земля договора», где аналогичную позицию занимали Со-

единенные Штаты, становились партнерами. Но в ходе арабо-израильской войны в июне 1967-го королевство впервые ввело эмбарго на поставки нефти в некоторые западноевропейские страны, в которых видело союзников еврейского государства. Позже Эр-Рияд объявил о распространении действия нефтяного эмбарго и на США, после того как президент Ричард Никсон принял решение оказать военную помощь Израилю в войне Судного дня (октябрь 1973 года).

Тогда же началось вытеснение иностранных компаний из саудовской нефтедобычи. Созданная еще в сентябре 1960-го при активном участии Саудовской Аравии Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) направляла усилия на ограничение роли зарубежных фирм в сфере ценообразования и определения масштабов добычи нефти. В 1980 году Саудовская Аравия стала собственником действовавшей на ее территории американской компании АРАМКО (Арабско-американская нефтяная компания, *Arabian American Oil Company, ARAMCO* – основана в 1933-м крупнейшими нефтяными компаниями США для эксплуатации нефтяных месторождений Саудовской Аравии. – Ред.).

Беспрецедентный рост цен на нефть в 1970-е – начале 1980-х годов имел, как минимум, два важных последствия: Саудовская Аравия вступила на путь ускоренной модер-

низации и стала крупнейшим донором государств арабо-мусульманского региона. Это, в свою очередь, привело к появлению в стране достаточно многочисленного разночинного «образованного класса» и превратило Саудовскую Аравию в важнейший центр регионального притяжения.

Эпоха короля Фахда

В 1982 году страну возглавил король Фахд ибн Абд аль-Азиз. Сын Ибн Сауда, он, как и его предшественники Сауд, Фейсал и Халед, представлял в семействе Аль ас-Сауд ведущую фракцию потомков короля-основателя — клан Судейри. Господствующее положение этого клана являлось устойчивой традицией. Тем не менее стремление к консенсусу между группировками королевской семьи, как к необходимому условию прихода к власти того или иного из сыновей Ибн Сауда, а также поддержка этого консенсуса со стороны семейства Аль аш-Шейх привели к изменению конфигурации национальной элиты. В 1982-м король Фахд провозгласил наследником престола своего сводного брата принца Абдаллу ибн Абд аль-Азиза, представлявшего второстепенный клан Шаммар. Так саудовский истеблишмент превратился в альянс кланов Судейри и Шаммар. (Возвышение Абдаллы началось давно — еще в 1960-х в связи с раздорами в самом клане Судейри, обусловленными возникновением ориенти-

ванной на Насера группы саудовских «красных принцев». В 1964 году король Фейсал назначил Абдаллу руководителем Национальной гвардии — военной опоры режима. При короле Халед Абдалла, оставаясь во главе Национальной гвардии, стал в 1974-м заместителем председателя Совета министров.)

Наиболее серьезным вызовом правящему режиму, брошенном ему за несколько лет до прихода к власти Фахда, стало формирование внутренней оппозиции, объединившейся вокруг традиционных для официальной идеологии религиозных лозунгов. Ее деятельность, самым ярким проявлением которой стал захват в 1979 году главной мечети в Мекке, явилась реакцией на укоренение в обществе модернизации и беспрецедентное повышение уровня социальной мобильности.

Возникла парадоксальная ситуация: фундаменталистский ислам против социума, живущего по законам шариата. Обвиняя «правящий класс» в отходе от «чистоты» ислама, в коррупции и в проведении прозападного курса, саудовская контрэлита использовала религиозный дискурс, свойственный как раз этому «классу». Процессы дестабилизации в Саудовской Аравии получили стимул в результате событий в соседних странах, одной из которых был постшахский Иран.

Рубеж 1970–1980-х годов был отмечен нарастающей нестабильностью

на ближне- и средневосточном пространстве, представлявшем собой зону непосредственных интересов Саудовской Аравии. Как считали в королевстве, советское военное присутствие в Афганистане создавало условия для коренного изменения регионального соотношения сил. Гражданская война в Ливане, в которой так или иначе принимали участие и Организация освобождения Палестины (ООП), и Израиль, стремившийся обеспечить безопасность своих северных границ, могла вызвать вспышку новой арабо-израильской конфронтации. Иракская же агрессия против Кувейта в августе 1990-го несла прямую угрозу безопасности Саудовской Аравии и ее союзников по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ – основан в 1981 году; в него входят Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия. – Ред.).

Курс Фахда учитывал как внутреннюю ситуацию в стране, так и резкое возрастание уровня конфликтности во всем регионе. Этот курс сохранял основные положения ранее выработанной внешнеполитической доктрины, помещавшей мусульманский мир в центр системы международных отношений. Преодоление внутренней и региональной нестабильности требует от Саудовской Аравии усиления роли королевства в интересах сплочения арабского и ис-

ламского мира – эту мысль неоднократно повторял Фахд. Если королевство становилось неотъемлемым элементом системы мирохозяйственных связей и частью глобального миропорядка, то в этот миропорядок должны были включиться и страны, видевшие в Саудовской Аравии лидера исламского мира.

Решимость Фахда превратить страну в посредника между Западом и арабо-мусульманским миром проявилась и в его активной поддержке афганских моджахедов, и в подходе к разрешению арабо-израильского конфликта. Еще в августе 1981 года, в ходе 12-го саммита Лиги арабских государств (ЛАГ) в марокканском Фесе, будущий король представил план ближневосточного мирного урегулирования, в котором впервые был поставлен вопрос о возможном общеарабском признании Израиля.

В равной мере это относилось и к саудовской позиции в период ирано-иракской войны – первого серьезного испытания внешнеполитической линии короля Фахда, перед которым стояла задача не только обезопасить свое государство, но и не допустить распространения военных действий на страны – члены ССАГПЗ. Наконец, политика Саудовской Аравии в период кувейтского кризиса в 1990-м (включая и предоставление кредитов Советскому Союзу) доказывала, что Фахд стоит на стороне тех членов мирового сообщества, которые го-

товы внести свой вклад в прекращение иракской агрессии.

Курс на защиту национальных интересов и сохранение стабильности подразумевал активизацию усилий по экономической модернизации. Во время правления Фахда был построен комплекс нефтехимических предприятий в Джубейле и Янбо, созданы современные сети морских портов, шоссежных дорог и аэропортов. В 2003 году началась «саудизация» рынка труда — замена иностранцев национальными (в том числе и женскими) кадрами рабочих и служащих (эта программа была провозглашена принцем Абдаллой, ставшим фактическим правителем королевства после того, как в 1995-м король Фахд перенес инсульт. — **Ред.**).

Не стоит, однако, считать, что экономическое развитие в годы правления Фахда было безоблачно. Прекращение в первой половине 1980-х годов роста цен на нефть завершило эпоху процветания и беспрецедентных финансовых накоплений. В конце последнего десятилетия истекшего века Всемирный банк определял Саудовскую Аравию как государство со средним уровнем доходов. Трансформация ее статуса определялась не только изменением мировой нефтяной конъюнктуры, но также и огромными расходами на развитие инфраструктуры, закупку вооружений и участие в финансировании международной опера-

ции «Буря в пустыне» — военных действий по освобождению Кувейта. В саудовской экономике все более проявляли себя стагнационные тенденции, определявшиеся выбранной моделью хозяйственного развития, основанной на всеобъемлющем господстве принципа планового государственного контроля. Сохранение достигнутого положения в системе мирохозяйственных связей требовало иных подходов к развитию. В начале 1990-х годов в Саудовской Аравии был впервые поставлен вопрос о необходимости проведения структурных реформ, включавших начало курса на поощрение деятельности частного сектора и робкие заявления о возможности частичной приватизации ряда отраслей экономики.

В конечном итоге это обстоятельство вызвало к жизни преобразования в политической сфере. В 1992-м обнародованы четыре важнейших закона: Основной закон правления (по сути, Конституция. — **Ред.**), Закон о Консультативном совете, Закон об управлении провинциями и Закон о Совете министров. Консультативный совет — это своего рода «протопарламент», члены которого назначаются королем из числа «людей науки или других требующих специальных знаний профессий». Закон об управлении провинциями устанавливал, что в состав «Совета провинции» вводится «не менее десяти жителей» — ученых, бизнесменов и т. п. По сути, зародился парламент, закла-

дывались основы регионального самоуправления.

Принятие этих конституционных актов свидетельствовало о твердом намерении принца Абдаллы привлечь к управлению государством новый «образованный класс», возникший в ходе модернизации. Именно эта прослойка развернула активность в Консультативном и муниципальных советах. Ее сегодняшние представители в депутатском корпусе — это преимущественно (80 %) выпускники западных университетских центров, накопившие опыт предшествующей работы в государственных учреждениях или частных компаниях, в сфере госуправления, высшего образования и предпринимательства. 65 % депутатов имеют докторскую степень, 14 % — магистерскую, а 21 % — степень бакалавра. Официально объявленный фактическим лидером страны — наследным принцем Абдаллой — в начале 2000 года курс на реформирование государства сделал тенденцию введения «образованного класса» в систему управления необратимой.

Это доказали первые в истории королевства муниципальные выборы (прошли в 2005-м в три этапа и завершились победой умеренных исламистов. — Ред.) и заявление о возможном проведении частичных выборов в Консультативный совет. Саудовская политическая система медленно реформируется, и сегодня это уже отнюдь не застывшая в своем

развитии страна, опирающаяся на два внутренних центра силы.

Хотя крушение биполярной системы международных отношений и требовало внести коррективы во внешнеполитический курс Эр-Рияда, в нем сохранялась инерция старого мышления. Система религиозной благотворительности по-прежнему была направлена на поддержку сил, открыто апеллировавших к исламским лозунгам как к средству изменения сложившихся политических отношений. Связи с афганским движением «Талибан», финансирование палестинских экстремистов, «специфическая» деятельность саудовских фондов на территории бывшей Югославии, в России и на остальном постсоветском пространстве — яркие проявления этой тенденции.

Инерция старого мышления в саудовской внешней политике определялась необходимостью противостояния внутренней фундаменталистской оппозиции. Орудием этого противостояния была, однако, последовательная «регенерация» исламских ценностей в жизни саудовского общества. Так восстанавливалось «общенациональное единство», для которого возникали внешние условия, казавшиеся саудовскому «политическому классу» благоприятными. Первоначально речь шла о советском военном присутствии в «мусульманском» Афганистане, а в дальнейшем — о «сербской агрессии» против «мусульман Боснии и

Косово», как и о «российской агрессии» в «исламской» Чечне.

Туда (а также в Таджикистан периода гражданской войны и в Кашмир) отправлялись молодые саудовцы, недовольные собственным режимом и им же поощрявшиеся к отъезду. Там, за пределами своей страны, в лагерях «Аль-Каиды» они реализовывали идеи джихада, усвоенные ими в результате «регенерации» мусульманских ценностей внутри королевства. В свою очередь, саудовская помощь (в самых многообразных ее аспектах) «мусульманским народам и меньшинствам», как в то время считал саудовский правящий класс, могла не только консолидировать национальный социум, но и наиболее адекватно канализировать контрэлитарные настроения и практику. Оппозиционность режиму выносилась за пределы королевства, вместо прежней «разрушительности» она приобретала «конструктивный» характер.

Таким образом, саудовский истеблишмент «выдавливал» из страны сторонников исламской оппозиции. В итоге именно саудовские граждане не только пополняли ряды «воинов джихада» по всему миру, но и составили большинство среди террористов, осуществивших атаку на США 11 сентября 2001 года. Сегодня они «возвращают» свою разрушительную деятельность на территорию самого королевства.

Тем не менее саудовскому правящему классу в целом удалось скор-

ректировать внешнеполитический курс. Присоединившись к антитеррористической коалиции, Саудовская Аравия участвует в послевоенном восстановлении Афганистана и Ирака, в арабо-израильском урегулировании (например, большой резонанс получила выдвинутая принципом Абдаллой инициатива по возобновлению ближневосточного мирного процесса, одобренная Бейрутским саммитом ЛАГ в марте 2002-го). Королевство последовательно декларирует свою приверженность стабильности на мировом нефтяном рынке.

К завершению эпохи короля Фахда внутренняя и внешняя политика Саудовской Аравии окончательно сформировалась. Ее содержание – продолжение экономической модернизации и общественно-политических реформ в рамках консервативно-охранительной политики, характеризующейся «умеренностью» и стремлением к «достижению консенсуса». Эта установка предполагает укрепление региональной стабильности как неотъемлемого элемента международных отношений в целом. Важнейшие задачи на этом направлении – противодействие международному терроризму (в том числе и ликвидация наиболее одиозных благотворительных фондов, включая Исламский фонд «Аль-Харамейн») и адекватное решение проблем мирового энергетического рынка.

**Будет ли устойчив
нынешний курс?**

Принеся 1 августа 2005 года присягу в качестве короля Саудовской Аравии, Абдалла ибн Абд аль-Азиз назначил нового наследника. Им стал представитель клана Судейри принц Султан ибн Абд аль-Азиз — министр обороны и авиации с 1962-го, генеральный инспектор королевства. Таким образом, сохранено ранее сложившееся соотношение сил.

Судя по всему, это соотношение не изменится — прежде всего в силу единства саудовского правящего класса, объединенного как необходимостью противодействовать исламистской оппозиции, так и стремлением реформировать государство. В нем нет разногласий относительно подходов к решению такой ключевой для успешного подавления исламистов проблемы, как борьба с официально признанной бедностью. «Стратегический план» ее ликвидации разрабатывался в обстановке открытости. Все заинтересованы в приходе во власть представителей третьего центра силы — образованных разночинцев, для которых нынешний король остается знаменем перемен.

Поднимая вопрос о борьбе с международным терроризмом, Саудовская Аравия вновь выступает как сила, объединяющая для борьбы с террором арабский мир и тем самым включающая его в мировое сообще-

ство. Последние заявления короля Абдаллы и наследного принца Султана позволяют думать, что наиболее существенным вкладом королевства в деятельность антитеррористической коалиции станет его взвешенная позиция по вопросам, связанным с нефтяным рынком.

Консервативно-охранительный подход категорически исключает какую-либо «революционную перестройку». После принятия присяги король Абдалла совершил поездку в Мекку, подтвердив свой титул «Служитель Двух Святынь». Заявив о своей приверженности заповедям ислама как «источника Божественного благоволения», он распорядился о выделении более миллиарда долларов США на реконструкцию Харам — главной мечети Мекки. На этот раз посещение Мекки имело, помимо религиозного, и прагматический политический смысл. Находясь в священном для всех мусульман городе, монарх заявил о помиловании своих граждан, воевавших в Афганистане на стороне движения «Талибан» и переданных Саудовской Аравии после их освобождения из заключения на американской базе Гуантанамо. Король, стремящийся установить контакты с умеренным крылом исламистской оппозиции, должен открыто (и без промедления) продемонстрировать как преданность религиозным святыням, так и готовность к компромиссам.

«Российская» политика Германии: что дальше?

Александр Рар

Неожиданный исход досрочных парламентских выборов в ФРГ, на которых ни одна из основных партий не получила явного большинства в Германском бундестаге, обещает стране трудный период. Любое правительство, сформированное в такой ситуации, не сможет проводить твердый и решительный курс. Прежде всего это касается внутренней политики и экономики, но не может не отразиться и на внешнеполитических приоритетах, одним из которых для Берлина является Россия.

Между тем в 2007 году россиянам тоже предстоит избрать новый парламент. Есть основания полагать, что следующий состав депутатского корпуса продолжит поддерживать нынешний авторитарный курс. А та конфигурация власти, которая сложилась на сегодняшний день в Кремле, заставляет предполагать, что в 2008-м на смену Владимиру Путину вновь придет представитель спецслужб.

Как бы ни выглядел партийный и

персональный состав германского кабинета, споры о векторе германо-российских отношений не утихнут. Германии предстоит решить: разумным или контрпродуктивным с точки зрения европейской стабильности является стратегическое партнерство с экономически привлекательной, но авторитарной Россией? Что лучше — дистанцироваться от теперешних «особых» и «стратегических» отношений с Москвой или все же определять политический курс исходя из стратегических интересов немецкой экономики в партнерских отношениях с набирающей темпы Россией?

«Рамочные» условия российско-германского партнерства в ближайшие годы тоже будут меняться. В 2007 году закончится срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским союзом, подписанного в 1994-м (вступило в силу в 1997-м). На нем сейчас бази-

Александр Рар — директор программ по России и СНГ фонда им. Кёрбера в рамках Германского общества внешней политики.

руются стратегические отношения сторон. Не исключено, что ввиду жесткой позиции стран — новых членов ЕС, некоторые из которых даже требуют проведения по отношению к Москве политики сдерживания, дистанция между Евросоюзом и Россией увеличится. Ряды критиков Москвы вполне могут пополнить Румыния и Болгария, которые, как предполагается, вступят в Европейский союз в 2007 году. Возможно, актуальным станет вопрос о третьем раунде расширения НАТО на Восток (за счет Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана).

За последние 15 лет обоим немецким канцлерам — и Гельмуту Колю, и Герхарду Шрёдеру, — как правило, удавалось в трудные времена умиротворять Кремль и смягчать напряжение. Что бы ни происходило на мировой арене, и Борис Ельцин, и Владимир Путин всегда находили возможность вернуться к политике интеграции с Западом. Смогут ли новые лидеры Германии сохранить это тонкое влияние на Россию? И в каком направлении будут впредь развиваться отношения между обеими странами?

Старое наследие и новые устремления

Заняв пост федерального канцлера в 1998 году, Герхард Шрёдер унаследовал от Гельмута Коля и его «российскую» политику, в тот момент все еще направленную на предотвраще-

ние хаоса в России и защиту российской экономики от угрожавшего ей краха. Военные действия НАТО в Косово и вторая война в Чечне привели в 1999-м к существенному диссонансу в отношениях между Берлином и Москвой. Однако в начале 2000 года лидеры немецкой экономики заставили канцлера Шрёдера повернуться лицом к России.

За последние два года дружба Шрёдера с Путиным принесла Германии дивиденды, особенно в сфере экономики. В то время как США из-за «дела ЮКОСа» и конфликта вокруг иракской войны практически вышли из энергетического диалога с Россией и приостановили совместную с Москвой антитеррористическую деятельность, немецкие корпорации добились на российском рынке стратегических преимуществ.

Хотя экономическая тематика доминировала в немецко-российской повестке дня все последние годы, при Шрёдере и Путине в нее вошли и вопросы, связанные с безопасностью. После вступления стран Центральной и Восточной Европы в НАТО и Европейский союз правительству ФРГ пришлось сосредоточить свое внимание на стабилизации «расширенной Европы». В этих условиях энергетический альянс с Россией был призван играть связующую роль — точно так же, как Европейское объединение угля и стали способствовало консолидации Германии и Франции после Второй мировой войны.

Трехсторонние встречи Германии, Франции и России ставили целью не создание антиамериканской «оси», а образование временной неформальной структуры, позволяющей осуществить интеграцию России с Западом и достигнуть договоренностей между ЕС и Россией по другим геополитическим вопросам. Предполагалось, что эта инициатива предоставит России, не входящей ни в Евросоюз, ни в НАТО, возможность хотя бы минимально участвовать в панъевропейском строительстве. Ведь сегодня даже ОБСЕ и Совет Европы, членом которых Россия является, вместо того чтобы попытаться использовать исторический шанс совместного с Москвой строительства Европы XXI века, озабочены скорее распространением демократии на Восток.

По предложению Шрёдера Германия уступила России свое право председательствовать в 2006-м в «большой восьмерке». На тот же год назначено и вступление России в ВТО (в этом вопросе Германия последовательно выступала на российской стороне).

Коалиция, в которой ведущую роль будут играть правые, захочет скорректировать приоритеты восточной политики. С точки зрения консерваторов и либералов, тот факт, что Берлин выступает в роли адвоката России на Западе, не столько отвечает собственно национальным интересам Германии, сколько спо-

собствует возвращению ее традиционной ведущей роли в формировании консенсуса и баланса интересов больших и малых наций Европы. (Достаточно вспомнить, как правительству Коля «привело» в НАТО страны Центральной и Восточной Европы.) Даже руководство ХДС, встречаясь с российскими политиками на 131-й конференции Бергдорфского форума в Потсдаме в июне этого года, подчеркивало, что только в таком качестве Германия может вернуть себе функцию локомотива европейской интеграции. Партнерство, основанное исключительно на выгоде и позволяющее закрывать глаза на дефицит демократии в России, уступит место отношениям, которые станут напрямую зависеть от того, насколько Москва приблизится к западным либеральным ценностям.

Немецкие правые считают, что создание в 2003 году, в начале иракского кризиса, оси Берлин – Москва – Париж раскололо Европейский союз и испортило трансатлантические отношения. Они требуют решительного восстановления «трансатлантизма» и отказа от «евразийства» любого сорта. На практике это будет означать усиление координации будущей восточной политики Германии не с Францией, а с Польшей. Вместо «тройки» Германия – Франция – Россия должна, как полагают христианские демократы, появиться «тройка» Германия – Польша – Франция.

ша — Россия. А энергетический альянс с Россией будет в большей, чем когда-либо, степени, учитывать интересы центрально- и восточноевропейских стран, через территорию которых проходят транзитные маршруты экспорта энергоносителей.

Задачи на будущее

Важные условия благополучия Германии — укрепление Европейского союза и сохранение стабильности на постсоветском пространстве. Ведь Германия не является мировой державой; ее вес в международных делах зависит только от мощи интегрированной Европы. Поэтому было бы более целесообразно работать в направлении консолидации Запада совместно со сверхдержавой США и новыми странами — членами ЕС из Центральной и Восточной Европы, чем пытаться создать многополярный мировой порядок, действуя заодно с бывшими мировыми державами Францией и Россией против интересов Америки.

По этой же причине одной из насущных задач германского правительства во внешнеполитической сфере явится также стабилизация регионов — стратегических соседей Евросоюза. Но прежде европейцам предстоит четко определить, какой регион — Северная Африка, Ближний Восток или постсоветское пространство — должен оказаться в фокусе их общей Европейской политики добрососедства (ЕПД).

Россия представляет собой наиболее сложный фактор при реализации ЕПД, поскольку именно от успеха демократических преобразований в России зависит, будет ли мир в Европе XXI века. Если же Россия окончательно свернет с пути демократизации и вернется к тоталитарному правлению, Германия и Европейский союз должны будут по крайней мере предотвратить нестабильность в остальных странах — их стратегических восточных соседях. Именно поэтому для начала Европе полезно было бы наращивать и концентрировать свои усилия по распространению демократии на постсоветском пространстве. С этой целью необходимо как опираться на уже существующие области сотрудничества, так и инициировать новые стратегические партнерства.

Это, например, такие направления деятельности, как совместная борьба с нищетой в рамках «большой восьмерки»; объединенные миротворческие миссии на Кавказе; западная помощь на восстановление Чечни; региональное сотрудничество в решении проблем, связанных с запасами воды в Каспийском регионе; консолидация Совета Россия — НАТО; совместные меры по предотвращению исламского терроризма в Центральной Азии (в то время как Москва поддерживает франко-германскую мирную миссию в Афганистане, ЕС заинтересован получить статус наблюдателя в Шанхайской организа-

ции сотрудничества); взаимопомощь в борьбе против международной преступности, нелегальной миграции и наркоторговли; сотрудничество в сфере высоких технологий и авиационной промышленности, а также помощь при стихийных бедствиях и техногенных катастрофах (недавняя операция по спасению российского батискафа у берегов Камчатки — наглядный пример такого взаимодействия).

Европа не имеет права допустить, чтобы постсоветское пространство превратилось в новый очаг конфликтов. Германия должна не разделять такие страны, как Украина и Россия, а скорее обеспечивать их параллельное движение западным курсом. Многого надо сделать и для того, чтобы помочь преобразованиям в Грузии, Украине и Киргизии, которые, несмотря на революции, так и не стали подлинными демократиями. Что касается Белоруссии, то демократические перемены там, вероятно, возможны, но только в том случае, если такой поворот одновременно произойдет и в России.

Берлину стоило бы поддержать сближение между Россией и странами Центральной и Восточной Европы. Правительству ФРГ, безусловно, следует наращивать усилия для того, чтобы развеять страхи стран ЦВЕ относительно оси Германия — Россия.

После падения Берлинской стены Германия и страны «старого» Запада

исторически примирились с Россией и начали осуществлять стратегическое партнерство. С другой стороны, государства — члены бывшего Варшавского договора воссоединились с исторической Европой и пользуются покровительством США. При этом у многих из них остаются неразрешенные политические разногласия с Россией. Германии необходимо учитывать это в своей внешней политике и избегать опоры на односторонние интересы, что позволит не допустить дальнейшую самоизоляцию России. Евросоюз в свою очередь должен выработать единую и конструктивную повестку дня для России, иначе отношения России с Западом будут развиваться на двусторонней основе даже еще более интенсивно, чем ныне.

Что касается собственно политики в отношении России, то здесь новое правительство ФРГ должно проявить трезвый реализм. Потеря перспективы завоевания российского рынка — одного из крупнейших растущих рынков XXI века — противоречит интересам немецкой экономики, которую не так уж и волнует, примет ли Россия западные ценности.

Учитывая постоянную угрозу дестабилизации ситуации в Персидском заливе, Германия вряд ли откажется от энергетического альянса с Россией (равно как и с другими государствами постсоветского пространства). Надежное и эффективное сотрудничество в энергетическом секто-

ре важно еще и потому, что в долгосрочной перспективе оно может содействовать созданию общей экономической зоны Европы и Евразии, которая способна укрепить энергетическую безопасность Запада, связать между собой экономические структуры Востока и Запада и расширить инвестиционные возможности обеих сторон. Но если Германия хочет, чтобы энергетическая политика помогла направить панъевропейский союз на верный путь, она должна гарантировать государствам Центральной и Восточной Европы, а также Украине и Грузии, что они получат возможность войти в качестве равноправных партнеров в расширенный энергетический альянс и будущие энергетические консорциумы.

На конференции, недавно организованной фондом им. Ханса Зайделя в Вильдбад-Крейте, большинство ведущих немецких специалистов по России высказали мнение, что процесс укрепления в России системы «управляемой» демократии продол-

жится и после 2007–2008 годов. Как прогнозируется, в стратегически важных отраслях, связанных с производством и природными ресурсами, будут созданы холдинги, функционирующие под контролем и в интересах государства. Так что немецкой экономике не обойтись без поддержки из Берлина, чтобы достичь своих целей в стране, где наиболее важные отрасли промышленности относятся к государственному сектору.

Конечно, уровень партнерских отношений с Россией неизбежно и существенно будет зависеть от готовности Москвы продолжать сближение с Западом и ориентироваться на ценностные и правовые нормы Евросоюза. Скорее всего, в предстоящие годы в России сохранится напряжение, обусловленное позитивным экономическим развитием, с одной стороны, и отсутствием гражданского общества – с другой. Устранение этого разрыва может стать долгосрочной целью «российской» политики Германии.

Гонка за лидером

“ США переживают период беспрецедентного падения своей популярности, на которой еще недавно основывалось их международное влияние. В результате событий последних лет престижу и влиянию Вашингтона нанесен ощутимый ущерб. Внешнеполитические трудности Соединенных Штатов усугубляются структурными проблемами американской экономики ”

XXI век: контуры миропорядка *Сергей Караганов*
36

Россия: не сердиться, а сосредоточиться *Сергей Кортунов*
51

Блеск и нищета неоконсерватизма *Вероника Крашенинникова*
62

XXI век: контуры миропорядка

Сергей Караганов

За последний год в международных отношениях отчетливо проявились несколько тенденций, которые позволяют говорить о начале нового политического этапа. Период, сменивший эпоху холодной войны, закончен. Грядущие события едва ли возможно предсказать, однако основные факторы, которые определяют будущее развитие, очевидны уже сейчас. Сразу оговорюсь: за рамками данной статьи остались очень существенные моменты, такие, как начавшееся распространение ядерного оружия, прогрессирующее ослабление систем международного управления, расширение круга падающих или несостоявшихся государств и др.

АЗИЯ: ПРОРЫВ В ЦЕНТР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
Центр международной политики неуклонно смещается в Азию. Китайская Народная Республика, ВВП которой вырос в четыре раза со времени начала экономических реформ в 1978 году, продолжает наращивать свой потенциал. Ежегодные темпы роста китайской экономики колеблются в пределах 8,5–10 %, причем, по некоторым предположениям, истинные масштабы своего роста Пекин сознательно держит в секрете. Возможно, он стремится тем самым скрыть реальный рост расходов на оборону.

Большинство аналитиков приходят к выводу, что темпы развития Китая останутся высокими и страна «обречена» превратиться в ближайшие 20 лет во вторую державу мира по основным показателям. Она и сейчас является таковой с точки зрения покупа-

С.А. Караганов — д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития, 1858 год

тельной способности ВВП. Один только объем ценных бумаг США, имеющих в распоряжении КНР, дает стране серьезные возможности воздействия на Соединенные Штаты и мировую финансовую систему. Многие, правда, предсказывают, что слишком быстрые реформы приведут Пекин к неизбежному кризису, но такие пророчества звучат уже два десятилетия.

Согласно ряду прогнозов, к 2040–2050 годам на долю Китая придется 14–16 % мирового ВВП. Наличие этих перспектив выступает своего рода мультипликатором нынешней экономической, политической и военной мощи, дополнительно увеличивая международный вес Пекина. Неудивительно, что борьба за влияние на него, за доступ на китайский рынок, выстраивание, с одной стороны, схем сдерживания КНР, а с другой – ее постепенной интеграции, – все это становится одной из доминант мировой политики.

Стремительный прорыв в высшую лигу мировых держав совершает Индия. За последние 10 лет ее экономика росла в среднем на 8 % в год, причем этот рост, который обеспечивается за счет преимущественно внутренних, а не иностранных инвестиций, считается более стабильным и здоровым, чем в Китае. Индия превращается в один из двигателей мирового технологического прогресса, а через 20–30 лет она, согласно прогнозам, станет третьей мировой державой после США и Китая. Индия – один из главных всемирных поставщиков программного обеспечения и ряда других высоких техно-

логий. Здесь сформировался мощный средний класс, который более многочислен, чем в Европейском союзе.

Конечно, Индия и Китай остаются относительно слабо развитыми странами с огромными массами населения, живущими в нищете. Но люди там уже не голодают, как это было еще 5–10 лет назад, что придает большую стабильность этим странам, особенно Индии, которая представляет собой вполне устойчивую демократию.

Сравнительно скромные по масштабам страны вооруженные силы (1 млн военнослужащих – меньше, чем у России) способны быстро наращивать боеготовность. Создается мощный флот – в перспективе с четырьмя авианосными группами. Налицо заявка на роль самостоятельного военно-политического гаранта стабильности в Южно-Азиатском регионе и в районе Персидского залива. Дели активизирует и миротворческую деятельность, предоставляя свои самые крупные воинские контингенты для проведения соответствующих операций ООН.

Насколько можно судить, главная цель Индии – стать важнейшим фактором влияния во всей Азии, в том числе и в ее нестабильных частях («расширенный» Ближний Восток, особенно Иран и страны Персидского залива). Проводя курс постепенного сближения с Китаем, Дели одновременно стремится играть роль противовеса Пекину, хотя и не намерен превращаться в инструмент его «сдерживания».

В Южной и Юго-Восточной Азии находится группа успешно развивающихся «азиатских тигров». Высоких показателей роста достигла Южная Корея, выходит из долгосрочного кризиса Япония. В свете вышесказанного не подлежит сомнению, что соревнование за влияние на Азиатский регион становится (как в прошлые века борьба за Европу) главной составляющей международной политики.

В отношении Китая преобладает тактика «сдерживания» и одновременного интегрирования его в глобальные структуры, причем упор делается на сохранение зависимости страны от внешних поставок энергоносителей. Индию уже никто не «сдерживает», а напротив, предпринимаются активные попытки ориентировать ее в сторону Запада. При этом сама она превращается в чьего-то союзника не торопится, предпочитая относительно самостоятельный многовекторный курс.

В Азии налицо тенденция к формированию регионального экономического центра – мягкого интеграционного блока, способного

через десятилетие стать мощнейшим средоточием экономической силы. Такой блок может основываться на Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Не исключено, что подобного рода альянс в конце концов перерастет в формальное интеграционное объединение наподобие Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) или Европейского экономического сообщества (ЕЭС) прошлых лет. Возможно усиление юаня, иены и рупии за счет доллара. Так или иначе, становлению нового объединения будет оказано серьезное противодействие (в первую очередь со стороны США), однако, этот процесс едва ли удастся остановить.

Параллельно набирает силу новое явление — рост национализма, который наблюдается в поднимающихся странах региона. Он проявляется на уровне самих государств Азии (конфликты между Японией и Китаем, Японией и Южной Кореей, связанные с различной трактовкой истории), но прежде всего по отношению к Западу. Азиатские державы, обретающие уверенность в своих силах, стремятся сбросить идеологическое и культурное господство, которое им веками навязывал Запад. Они заявляют о готовности проводить — либо при поддержке соседей, либо (пока) в одиночку — самостоятельную линию в экономике и политике.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК:

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ

Вероятность дальнейшего распространения в мире ядерного оружия растет. Северная Корея им, возможно, обладает, а Иран стоит на пороге его создания, причем большинство аналитиков скептически расценивают шансы внешнего мира остановить Тегеран. По оценкам, сделанным некоторыми представителями американской администрации, на решение вопроса дипломатическим или военным путем осталось 12–16 месяцев. По истечении этого срока процесс станет необратимым, цена урегулирования резко возрастет, в том числе и из-за приближения президентских выборов в США.

Как иранское, так и северокорейское руководство уверены в существовании значительных военных и политических угроз для каждой из стран. Большинство их соседей также испытывают тревогу за свою безопасность. Наличие ядерного оружия у Пхеньяна и/или Тегерана, весьма вероятно, вызовет цепную реакцию и приведет к размораживанию ядерных программ Японии, Южной Кореи, Египта, Саудовской Аравии и других государств. До сих пор никто не борол-

ся с причинами ядерной «болезни», пытаясь противодействовать ее симптомам. Для укрепления доверия необходимо создание региональных систем безопасности, запуск локальных «хельсинкских процессов» при участии и с гарантиями великих держав.

Попытки демократизации на «расширенном» Ближнем Востоке пока проваливаются, хотя Вашингтону удалось посредством давления приблизить к себе ряд режимов (Сирия, Египет, Ливия). По-прежнему не исключен распад Ирака; даже по оптимистическим оценкам, ситуацию там не удастся стабилизировать раньше, чем через 8–12 лет. Палестино-израильский конфликт вот-вот вспыхнет с новой силой, и последние действия премьера Израиля Ариэля Шарона, скорее всего, свидетельствуют о том, что, предчувствуя новый кризис, он заранее пытается переложить ответственность на палестинцев. Еще не ясно, готовы ли США и другие внешние участники ближневосточного процесса, в том числе Россия, к реальному «навязыванию мира».

В любом случае нынешняя концепция преобразования «расширенного» Ближнего Востока, в центре которой находится не модернизация, а демократизация (прежде всего проведение выборов по западному образцу), терпит неудачу или откладывается на неопределенный срок. Решение проблем мусульманского Ближнего Востока способна ускорить именно модернизация, начать которую следует с реформирования экономики и систем образования, с облегчения положения женщин и смягчения некоторых религиозных постулатов.

Однако невозможно приступить к модернизации, не начав принимать систематические меры по укреплению региональной безопасности. Фактор внешней опасности, будь то «западная», «израильская», «саудовская» или «иранская» угроза, станет использоваться элитами региона в качестве предлога для отказа от модернизации.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ:

ОСЛАБЛЕНИЕ ПРИ СОХРАНЕНИИ МОЩИ

США переживают период беспрецедентного падения своей популярности, на которой еще недавно основывалось их международное влияние. В результате событий последних лет престижу и влиянию Вашингтона нанесен ощутимый ущерб.

В начале XXI века Соединенные Штаты сделали двойную ставку. Во-первых, «на контролируруемую дестабилизацию» международных отношений и возможность использовать в этой ситуации

свое военное превосходство. Во-вторых, на демократизацию Большого Ближнего Востока с целью уменьшить угрозу терроризма и усилить собственные позиции в регионе.

Но попытка добиться этих целей, в частности, путем вторжения в Ирак оказалась неудачной. Иракская операция связала Вашингтону руки, ограничив его возможности воздействовать на другие кризисы (Иран, Северная Корея, палестино-израильский конфликт). Впервые за последние десятилетия американская элита раскололась по вопросу внешней политики. Выясняется, что у Соединенных Штатов достаточно военной мощи, чтобы выиграть любую войну, но не хватает ресурсов для достижения политических целей, «выигрывания мира», выгодного хотя бы им самим. Трагические события в Новом Орлеане продемонстрировали неэффективность американской государственной машины перед лицом природного катаклизма на собственной территории и показали границы возможностей единственной сверхдержавы.

Хотя США и Европа остаются частями одной политико-экономической и культурной цивилизации, расхождение между ними преодолеть не удалось и уже вряд ли удастся. Вашингтон практически не скрывает своего намерения препятствовать такой европейской интеграции, которая сделала бы Старый Свет военно-политическим игроком мирового класса. Соединенные Штаты все более явно отказываются от ориентации на Европу как на ключевого партнера, делая перспективную ставку на Азию. По всей вероятности, именно азиатское направление станет в ближайшие годы системообразующим в американской политике.

США проявляют беспрецедентную активность в разворачивающейся конкуренции за влияние на Индию. Вашингтон предлагает Дели не только «специальные отношения», места в «большой восьмерке» и Совете Безопасности ООН, но и новейшие вооружения. Америка готова участвовать в строительстве индийских АЭС: предложения поступили от компаний *General Electric* и *Westinghouse*, пользующихся политической поддержкой Белого дома. И это несмотря на то, что приобретение Индией ядерного статуса нанесло жестокий удар по режиму нераспространения.

Внешнеполитические трудности Соединенных Штатов усугубляются структурными проблемами американской экономики. По-прежнему растут и внешний долг, и внутренний долг частных лиц, образовался новый «пузырь» — переоценка недвижимости. Одновре-

менно администрация США, суперлиберальная на словах, с помощью механизма госдолга накачивает через «заднюю дверь» (по сути, неокейнсианскими методами) экономику деньгами и инвестициями, обеспечивая тем самым достаточно высокий и стабильный рост. Новый «пузырь» может спокойно сдуться, но может и лопнуть, вызвав социальные потрясения.

США — крупнейший в мире экспортер самого качественного образования и важнейших технологий. В то же время беспокойство американских экспертов вызывает уровень технического образования в стране. Дефицит покрывается, правда, лишь частично — за счет активной политики привлечения образованных иммигрантов, а также путем размещения заказов в технологически поднимающихся странах.

Скорее всего, Америка столкнется с серьезными экономическими проблемами, однако в обозримом будущем останется наиболее динамичным обществом и главной мировой сверхдержавой в экономическом, военном, дипломатическом да и в идеологическом смысле. Отказ Соединенных Штатов от активной глобальной роли маловероятен: нынешнюю энергичную интервенционистскую политику поддерживают и те круги, которые традиционно отстаивают изоляционистскую идеологию. Попытки использовать относительную непопулярность и частичное ослабление США крайне опасны: в будущем это дорого обойдется любому государству.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ:

ВОЗМОЖНОЕ РАССТАВАНИЕ С АМБИЦИЯМИ

Провал референдумов по общеевропейской Конституции во Франции и Нидерландах — крупнейший кризис Европейского союза за всю его историю — выявил многие структурные слабости ЕС, нараставшие в течение ряда лет.

Это, в частности, медленный экономический рост, стабильно высокий уровень безработицы (в большинстве стран «старой Европы» около или даже более 10 %), неспособность осуществить либеральные реформы и неприятие их большей частью населения. При этом, несмотря на осознание кризисной ситуации и пагубности низких темпов роста, шансов на резкое обновление экономической и социальной политики очень мало. Европа слишком дорожит своим благополучием, чтобы идти на болезненные реформы. Причины, порождавшие мировые войны, изжиты, с комму-

нистическим влиянием бороться не надо. Европейцы достигли почти всего, к чему изначально стремился интеграционный проект. К власти пришло поколение, считающее сложившуюся благоприятную ситуацию само собой разумеющейся. «Новые европейцы», правда, будут подталкивать «старую Европу» к реформам, но потенциал их влияния ограничен.

После провала референдумов процесс создания политического союза, или квазигосударства (последний рывок старого поколения европейцев), скорее всего, остановится по крайней мере на несколько лет. Дальнейшее расширение Евросоюза не вызывает энтузиазма у руководящих элит и не поддерживается значительной частью населения. Решение о вступлении в эту организацию в 2007 году Болгарии и Румынии, договоры с которыми уже подписаны, принималось кулуарно, чуть ли не втайне от европейской общественности — на уровне министров иностранных дел, а не глав государств, как обычно. Вопрос о членстве Турции практически снят с повестки дня ближайших лет, кандидатура Украины всерьез не рассматривается, России — тем более.

Европейский союз может потратить на дискуссии о своем будущем еще 4–5 лет и тем самым упустить столь необходимое время для проведения реформ. В ближайшие годы маловероятно формирование единой внешней или, тем более, оборонной политики. В результате тенденция к отставанию Европы от других центров, вероятно, усугубится и сделается необратимой. Предполагается, что к 2030–2050 годам объединенная Европа будет отставать по объему ВВП не только от США, но и от Китая.

В мире, где фактор военной силы вновь приобретает весомое значение, ЕС создает «поствоенные вооруженные силы», насчитывающие миллион человек, но фактически не способные не только воевать, но и эффективно участвовать в большинстве даже миротворческих операций. Распространяется точка зрения, что Старый Свет, сохранив культурную привлекательность, становится неуместным с точки зрения будущей глобальной политики, во всяком случае, утратил экономическую динамику.

В этих условиях Евросоюз, несмотря на дружественную риторику, сделал ставку на де-факто замораживание процесса сближения с Россией и начал проводить политику «мирного сосуществования», а то и жесткой конкуренции в экономической сфере. На фоне ряда не до конца решенных проблем, связанных с сельско-

хозяйственными субсидиями, ценами на энергоносители, калининградским транзитом, предпринимаются попытки подорвать конкурентоспособность российской гражданской авиации и авиапрома, раздаются угрозы выйти из договоренности по ВТО. И это после того, как Россия откликнулась на просьбу Брюсселя и согласилась подписать Киотский протокол. За счет России Европейский союз стремится создать впечатление, будто единая внешняя политика у него все-таки есть и даже эффективна.

Отсюда и попытки выступить в качестве арбитра в урегулировании проблем «замороженных кризисов» или, вернее, «непризнанных государств», и постоянные требования о выводе оттуда российских войск. Сюда же относится назначение «спецпредставителя по Центральной Азии». Европарламент почти всегда становится на сторону государств Балтии, занимающих антироссийскую позицию, а также поддержал требования Японии о «возвращении северных территорий». Одобрение «дорожных карт» не выполнило даже задачу-минимум – затушевать кризис в российско-европейских отношениях.

Сложные взаимоотношения России и Европы вызваны как трудностями внутри ЕС, так и растущим расхождением векторов их внутреннего развития. Политика, которую проводит Москва, была характерна для западноевропейских государств несколько десятилетий (от 40 до 70 лет) назад. Но эти различия преодолены, тем более что отказ России от европейского пути, наиболее соответствующего российскому менталитету и традициям страны, крайне маловероятен и означал бы саморазрушение нации.

В отношениях России с Европой не наступил «конец истории». В будущем может измениться ценностный багаж Европейского союза; возможно, что вместо дальнейшего строительства политического объединения произойдет возвращение к модели «расширенный общий рынок и социальный союз плюс единая валюта». Кроме того, сам Брюссель, видя ослабление своих мировых позиций, может, наконец, взять курс на стратегическое сближение с Россией. Поэтому тесное взаимодействие с ЕС остается императивом российской политики.

НЕФТЬ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Нынешний относительный дефицит нефти связан прежде всего не только с ростом потребления в Азии, но и с неуверенностью производителей в международной политической стабильности, что огра-

ничивает их готовность к инвестированию. Существует и проблема недостатка перерабатывающих мощностей.

Сокращения спроса на нефть не предвидится даже в случае замедления роста или спада в странах Запада. Индия и Китай увеличивают свой спрос приблизительно на 25–30 % в год. Потребность в нефтепродуктах быстро возрастает и в других азиатских государствах.

Спрос и цена на нефть не будут падать и потому, что нынешняя доля издержек на нефть в мировом ВВП значительно уступает соответствующим показателям во время предыдущих повышений цен. Кроме того, через налоговую систему страны-потребители зачастую зарабатывают на более дорогих нефтепродуктах даже больше, чем сами энергодобывающие страны.

Не следует рассчитывать и на то, что ресурсы России и Каспийского региона сколько-нибудь серьезно сократят общую зависимость от ближневосточной нефти. Именно на Ближнем Востоке (в Ираке и Иране) находятся наиболее многообещающие запасы нефти.

Ввиду удобства транспортировки нефть останется главным источником энергии на обозримое будущее, хотя ее могут потеснить газ или в меньшей степени возобновляемые источники энергии. Рост производства электроэнергии ожидается на атомных электростанциях. США и Великобритания намерены строить новые АЭС, а в ФРГ и Швеции заметно увеличились ассигнования на эту отрасль и начаты работы по продлению жизни станций, которые еще недавно предполагалось закрыть. Идет борьба за поставку атомных реакторов в Китай.

Начинается новая эра нефтяной геополитики, борьбы за контроль над месторождениями и маршрутами транспортировки нефти. Наиболее яркие ее признаки заметны в политике США. Вашингтон стремится затруднить Китаю свободный доступ к энергоресурсам, диверсифицировать пути поставки ресурсов из Каспийского региона, в отношении России проводит сравнительно дружественную, но не основанную на глубинном взаимопонимании политику, которая уже напоминает курс по отношению к Саудовской Аравии. Менее заметные проявления – борьба за будущее Ирака, упоминавшееся резкое наращивание Военно-морского флота Индии, сближение между Пекином и Дели, которые не заинтересованы в том, чтобы какая-либо третья сила использовала их конкуренцию в своих интересах.

РОССИЯ: ВРЕМЯ СЕРЬЕЗНЫХ РЕШЕНИЙ

Изменение ситуации в мире приводит к возникновению нескольких исторических вызовов России, что диктует необходимость скорректировать ее политику. Быстрое перераспределение сил на мировой арене в пользу «новой Азии» (не путать с Азией традиционной, к ценностям которой тяготеет отечественное «евразийство») настоятельно требует пересмотра российских экономических и политических приоритетов.

И речь идет не о фантомных осях Москва – Дели – Пекин, а о конкретных шагах – необходимости резкой активизации экономического и политического сотрудничества с растущими мировыми лидерами. Прежде всего это давно назревший прорыв российского энергетического комплекса на Юг и Восток, ускоренное строительство нефте- и газопроводов, значительное увеличение инвестиций в геологоразведку. Именно Россия, а не Европа должна стремиться к диверсификации путей поставки энергоресурсов, способной повысить их цену и исключить как ограничение экспорта страны, так и усиление ценового диктата.

При всем при том политико-культурный курс на сближение с Европой призван оставаться одним из приоритетов российской внешней политики. Паузу, навязанную самим Брюсселем, надо использовать для совместной активизации поисков «нового начала» российско-европейских отношений. Конструктивные отношения с США следует и впредь рассматривать как крупнейший ресурс. Необходимо, например, совместный с Соединенными Штатами, европейскими и азиатскими государствами проект нового освоения Сибири и Дальнего Востока.

Переосмысления требует политика в отношении стран СНГ. Из-за позиции Украины и частично Белоруссии большинство интеграционных проектов, в том числе и Единое экономическое пространство, в полном масштабе реализованы не будут или даже не начнут работать вообще. Жизнеспособными видятся пока лишь российско-казахстанское и российско-белорусское взаимодействие (но при качественной активизации российской политики на белорусском направлении).

В большинстве стран СНГ грядет неизбежная смена постсоветских элит. Единственной страной, где нынешнее руководство теоретически способно удержаться в седле, является Казахстан. В этой ситуации консервативно-охранительная тенденция российской политики себя не оправдывает. Там, где позволяют условия (в Белоруссии и, возможно, в Армении), России следует содействовать относительно

безболезненной смене правящих режимов, предоставляя при этом соответствующие гарантии. В остальных же республиках (в первую очередь центральноазиатских) стоит попытаться разделить ответственность за обеспечение там стабильности с третьими внешними силами (Китай, США, Евросоюз) либо вовсе устраниться от нее.

Вероятным на 30–40 % представляется уже в ближайшие годы вступление Украины, которую Запад стремится закрепить в зоне своего влияния, в Североатлантический альянс. Разногласий по этому поводу между американцами и европейцами нет, и принципиальное решение, вероятнее всего, уже принято. За Украиной последуют Молдавия, Грузия и, возможно, Белоруссия (если до тех пор Москва не сможет добиться перемен в Минске и события там будут разворачиваться по украинскому сценарию).

Расширение НАТО поставит нас перед одним из самых трудных выборов в истории. Что делать? Требовать включения в НАТО самой России? Это, наверное, малореалистично, к тому же может препятствовать необходимому усилению азиатского вектора отечественной политики. Вводить режим «реальной границы» со странами, которые связаны с Россией теснейшими, прежде всего человеческими, узами? Идти на конфронтацию с Западом в условиях отсутствия достаточных ресурсов? Но такой вариант предполагает автоматическое попадание в еще большую зависимость от Китая.

Несмотря на все имеющиеся проблемы, у России сохраняется серьезный политический, экономический и внешнеэкономический потенциал:

- относительно динамично развивающаяся экономика (хотя данный процесс затухает);
- богатые минеральные, особенно энергетические, ресурсы, которые могут быть использованы гораздо более эффективно;
- ядерное оружие;
- существенные по мировым масштабам силы общего назначения (приблизительно равные силам Индии, Китая, объединенной Европы);
- членство в Совете Безопасности ООН, «большой восьмерке» и одновременно в Шанхайской организации сотрудничества;
- выгодное геополитическое положение (ни США, ни Китай, ни Европа не хотят попадания России под влияние только одного из центров, что предоставляет ей возможность для относительно широкого маневра);

Китай vs Европа: восстание «боксеров», 1900 г.

(1) Парад союзных войск в Пекине 12 августа 1900 года. (2) Русский казак ведет пленного китайского «боксера». (3) Русские моряки, защищающие баррикаду перед зданиями посольства в Пекине от нападения «боксеров». (4) Иностранный дипломатический корпус в Пекине.

Иллюстрации из журнала «Московский листок», 1900 год

● непосредственное соседство с государствами — источниками терроризма (с нестабильным «расширенным» Ближним Востоком и неустойчивой Центральной Азией) увеличивает геополитический вес страны.

Тем не менее изменчивость глобальной ситуации, угрозы безопасности и геополитическому положению России приводят к росту ее уязвимости перед лицом внешних вызовов, которые в ряде случаев смыкаются с внутренними. Внешнеполитическое положение страны осложняется, становится все более непредсказуемым и может серьезно ухудшиться через несколько лет.

Подобное развитие событий нужно и можно предотвратить. Ключ к этому — активизация внутренних реформ, повышение эффективности политической модели и системы принятия решений, общей управляемости. Без этих мер, без интенсификации государственной, в том числе и инвестиционной, политики на основных направлениях (образование, медицина, транспортная сеть, связь, разведка ресурсов, авиостроение, космос и т. д.) не удастся изменить представление о России как о деградирующем государстве. А ведь такой образ подрывает любые внешнеполитические перспективы.

В нынешних условиях эффективность политической системы невозможно повысить без сочетания авторитарных и демократических начал. Однако чрезмерное усиление авторитаризма приводит к тому, что вертикаль власти стала терять основу — активную поддержку и участие общества.

Новые условия требуют резкого повышения внимания к внешней и внешнеэкономической политике и, конечно, координации усилий. Но главное — это добиться адекватного понимания российским руководством и интеллектуальными слоями общества беспрецедентности и остроты внешних вызовов.

В этой связи необходимо создание (воссоздание) негосударственного аналитического и прогностического механизма, призванного выполнять конкретные задачи, поставленные руководством РФ. Такой механизм должен опираться на оставшийся потенциал Российской академии наук, на возможности корпоративного сектора, а также на иностранные интеллектуальные ресурсы. Для этого, вероятно, необходимо учредить несколько научно-исследовательских центров нового поколения. (Технология создания таких небольших центров разработана и опробована.)

Пора, наконец, реализовать давно перезревшую идею создания группы центров (институтов), которые бы занимались анализом ситуации в странах СНГ и одновременно являлись каналом воздействия на них. Используя зарубежный опыт, следует на новом уровне реконструировать научно-аналитическую базу для разработки современной прагматической концепции освоения Сибири и Дальнего Востока.

Настоятельно необходимо направить средства (относительно небольшие) на подготовку и особенно переподготовку кадров, способных ориентироваться в новой геополитической и геоэкономической ситуации. В первую очередь это относится к кадрам высокого уровня для работы с ЕС. (По разным данным, в стране насчитывается около 20–25 человек достойного уровня и лишь около половины из них работают в госаппарате. Это даже меньше, чем в балтийских странах.) Требуется переподготовка специалистов по Азии, которые в большинстве своем ориентируются на «старую» Азию, практически уже исчезнувшую.

* * *

Итак, чтобы избежать ослабления своих позиций в формирующемся мире, России требуется в первую очередь следующее:

- изменить философию подхода к СНГ; фокусировать внимание только на странах, которые играют ключевую роль и в которых активная политика России имеет перспективы;
- серьезно переориентировать и диверсифицировать энергетический экспорт на Азию или на мировой рынок в целом;
- активизировать общий диалог с поднимающейся Азией;
- избегать соскальзывания к антизападной политике.

Призыв повернуться лицом к Азии подразумевает не проведение многополярной политики, направленной де-факто против США, не консервацию отсталости, не торжество «евроазиатчины» под видом «самобытного пути», не антизападный курс или отказ от европейского выбора, а движение по пути ускоренной модернизации, без которой не будет ни процветания, ни демократии. Это призыв к реальной многовекторной стратегии, нацеленной на использование в интересах страны новых тенденций мирового развития.

Россия: не сердиться, а сосредоточиться

Сергей Кортунов

Если попытаться одним словом охарактеризовать состояние дел в российской внешней политике, то наиболее подходящим будет слово «кризис». Это явление носит всеобъемлющий и всесторонний, системный и структурный характер, к тому же оно сопровождается синхронизированным и нарастающим давлением на Россию со стороны основных международных субъектов. Разговоры же о «прагматизме» курса президента Владимира Путина призваны лишь скрыть тот очевидный факт, что отечественная внешняя политика формируется стихийно, носит преимущественно ситуативный характер и строится как система ответов, а не превентивных шагов. Стоит ли удивляться, что в международных делах Москва терпит поражение за поражением?

При этом профессионализм российского дипломатического корпуса сомнений не вызывает. В чем же причины сложившегося положения?

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Во-первых, кризис носит концептуальный характер: *жизнеспособная и реалистичная концепция внешней политики просто отсутствует*. Документ, утвержденный президентом Путиным в 2000 году, содержал немало правильных выводов и положений, но в целом он, конечно, устарел. Самое же главное заключается в том, что ни концепция, ни последующие заявления президента РФ (включая его ежегодные послания Федеральному собранию) не ответили на воп-

С.В. Кортунов — профессор, председатель Комитета внешнеполитического планирования, вице-президент российской Внешнеполитической ассоциации.

рос о национальной идентичности России. К сожалению, не только окружающий мир, но и само российское общество всё еще не могут понять, кто мы такие – совершенно новое, никому не ведомое государство, возникшее на карте только в 1991-м, продолжатели СССР, добровольно «урезавшие» свою территорию и поменявшие плановую экономику на «экономику дикого рынка», или же правопреемники тысячелетней России?

Как справедливо отмечает известный американский политолог Томас Грэхэм, «успех лежит в новой самоидентификации страны в современном мире, к чему большинство россиян и политической элиты страны еще не готовы». Отсутствие самоопределения – главная причина того, что Россия до сих пор не сделала стратегический выбор, кого она хочет видеть своим союзником и «против кого дружить».

Во-вторых, кризис является институциональным: *отсутствует эффективный механизм подготовки, принятия и реализации внешнеполитических решений*. К сожалению, в период президентства Владимира Путина положение дел в этой сфере не улучшилось, а скорее наоборот. Принцип коллегиальности и прозрачности при принятии внешнеполитических решений соблюдается значительно реже, чем в годы правления Бориса Ельцина. Подобная ситуация порождает массу вопросов, связанных с мотивацией тех или иных шагов, а вся ответственность за международную деятельность персонифицирована и возложена на одного человека – президента РФ. В ряде случаев, особенно в работе со странами СНГ (Белоруссия, Украина, Грузия), МИД, Совет безопасности РФ и даже Управление внешней политики Администрации президента были оттеснены от формирования политики, а глава государства оказался заложником своего ближайшего и не всегда компетентного окружения. Вообще, усугубилась возникшая еще при Ельцине *тенденция к резкому падению государственной дисциплины в сфере внешней политики*. Не выполняются даже прямые указания президента России.

Как известно, в советское время существовал координационный механизм выработки внешнеполитических позиций – Межведомственная комиссия при ЦК КПСС (так называемая «пятерка»), которая готовила проекты решений по основным вопросам национальной безопасности с участием МИДа, Минобороны, КГБ и Комиссии Совмина СССР по военно-промышленным вопросам. Во многом благодаря этому механизму Советский Союз добился значительных успехов в сфере ограничения ядерных вооружений и других ви-

дов оружия массового уничтожения, а также обычных вооружений в Европе. Этот же механизм позволил нейтрализовать активных противников разоружения, а также настроить политических и военных руководителей страны на достижение взаимовыгодного компромисса с партнерами.

В постсоветской России ничего даже близкого по эффективности создано не было. Предпринятые в последние годы попытки создать соответствующий механизм, будь то в рамках Совета безопасности РФ или вне его, блокировались ведомствами. Деятельность межведомственных комиссий приводит лишь к распылению усилий, параллелизму в работе и в конечном счете к росту безответственности и снижению эффективности государственной политики. Межведомственные комиссии Совбеза, которым по статусу предписано заниматься согласованием позиций по вопросам безопасности, лишены возможности взять на себя процесс подготовки и принятия решений, координации деятельности министерств и ведомств. МИД же функциями координатора по вопросам внешней политики, как оказалось, наделен лишь декларативно. Не решают проблем и поистине титанические усилия помощника президента РФ по международным делам. В итоге сложилась ситуация, когда такого рода координацией на государственном уровне сейчас, по существу, не занимается никто.

Внешняя политика России не опирается на систему стратегического планирования, которая должна обеспечивать просчет краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных вариантов внешнеполитических решений, соразмерность целей и средств, адекватный анализ современной международной обстановки, для которого не годятся привычные лекала, унаследованные от советских времен.

Зародышем такой системы, вероятно, можно считать лишь ряд неправительственных организаций, таких, к примеру, как Совет по внешней и оборонной политике, общественный комитет «Россия в объединенной Европе», Экспертный совет Комитета Совета Федерации по международным делам. Однако к выводам аналитических докладов и записок этих организаций Кремль не слишком склонен прислушиваться.

Отсутствие системы стратегического планирования (созданная недавно в Совете безопасности РФ Группа стратегического планирования не в счет), опирающейся на солидную аналитику, собственно говоря, и привело к кризису внешней политики России. По су-

ти, ни одна из стратегических целей, сформулированных политическим руководством нашей страны за последние 15 лет, не была достигнута.

Существенной, хотя и не главной причиной кризиса внешней политики России является *заметное падение ее международного имиджа* (хотя в первые годы правления администрации Путина он имел тенденцию к возрастанию). Как ни прискорбно, но именно в последние годы наша страна перестала быть привлекательным партнером даже для своих соседей. Именно за минувшие год-два на нас прямо-таки обрушился шквал критических (и во многом справедливых) замечаний со стороны. Практика показала, что полуфеодальные отношения в ряде сфер нашей внутренней политики совершенно несовместимы с постиндустриальной архитектурой развитого мира, в который мы, если судить по ежегодным посланиям президента РФ Федеральному собранию и другим его официальным заявлениям, хотим интегрироваться.

Наконец, важной причиной кризиса российской внешней политики являются ее слабое кадровое обеспечение, деградация дипломатической службы, связанная во многом с тем, что *профессия дипломата в России* (в отличие от всех других стран мира и, кстати говоря, бывшего СССР), прежде всего из-за низкого материального обеспечения, *не является престижной*. Талантливых молодых кадров, которые были бы достойной сменой, увы, немногим еще оставшимся в строю ветеранам дипломатической службы, прошедшим блестящую школу советского МИДа, практически почти нет. А это означает лишь одно: Россия обречена на то, чтобы и впредь проигрывать своим партнерам и оппонентам на международной арене.

ЕСТЬ ЧТО ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ

В современном мире недопустимы ситуативные или чисто субъективные внешнеполитические решения, продуманные в лучшем случае на полшага вперед и опирающиеся лишь на конъюнктурные соображения. Именно об этом необходимо сегодня задуматься России, причем не только политическому руководству, но и всему политическому классу.

Первое. Для преодоления концептуального кризиса внешней политики Россия должна прежде всего разобраться со своей национальной идентичностью. Оставив нелепые потуги 1990-х годов предстать «белой и пушистой», некой «новой» Россией, которая

якобы строит свою государственность заново, страна должна недвусмысленно и безусловно *определить себя в качестве наследницы исторической, то есть тысячелетней, России*. Понятно, что придется взять на себя и все ее грехи, включая, как это ни неприятно, грехи СССР. Но игра стоит свеч: тогда Россия остается субъектом мировой истории, всем понятным и узнаваемым. До тех пор пока этого не сделано, наши зарубежные партнеры, включая США, вряд ли смогут правильно выстроить свою политику в отношении России и будут по-прежнему занимать выжидательную позицию.

Иными словами, мы должны определиться и объявить всему миру, кто мы есть. От этого зависят, например, российско-американские отношения. Если мы существуем лишь 15 лет, то на роль большую, чем клиент Соединенных Штатов, мы претендовать не можем. Если мы «мини-СССР», то обречены на «мини-конфронтацию» с США, на поражение в «мини-холодной войне» и в конечном счете на «мини-распад». Если же мы — тысячелетняя Россия, то партнерство и даже стратегический союз с Америкой (уже не говоря о Европе) для нас — это естественное состояние.

Настало время *объявить и о своем национальном проекте*, который на данный момент в достаточной мере не артикулирован. Но, насколько можно судить по разрозненным заявлениям первых лиц государства, в общих чертах он сводится к двум ключевым идеям:

- национальная модернизация в условиях перехода к постиндустриальному обществу со всеми его атрибутами, включая обеспечение должного качества жизни и предоставление политических свобод всем гражданам;
- осмотрительная, но достаточно быстрая интеграция России в мировое экономическое пространство на правах равного партнера наиболее развитых стран при сохранении национального суверенитета.

Эти две задачи неотделимы друг от друга: ни одну из них не решить без другой. Первая задача напрямую связана с переходом России к инновационному типу развития (в противовес мобилизационному, который сегодня уже невозможен), а в экономическом плане — с переходом к «экономике знаний», которая определяет сегодня развитие постиндустриального мира. Вторая связана с обеспечением конкурентоспособности суверенной России, ее экономики, отдельных отраслей, компаний, предпринимателей и даже просто граждан в условиях глобализации, о чем говорил Владимир Путин в своем Послании (2003 г.) Федеральному собранию РФ.

Разумный и хорошо продуманный переход к инновационной модели развития при известных обстоятельствах может обеспечить России место среди *интеллектуальных лидеров человечества*, одной из основных научных лабораторий мира.

Если за основу национального проекта принимается движение по пути инновационного развития и построения постиндустриального общества, то становятся очевидными и внешнеполитические приоритеты.

В вопросах внешней политики следует ориентироваться прежде всего на те государства, которые уже освоили инновационный тип развития и построили постиндустриальное общество, а также на страны, находящиеся в едином с Россией культурном и ценностном поле. В первую очередь это страны Западной Европы и Соединенные Штаты, представляющие общую для нас христианскую цивилизацию. Важно настаивать на европейской идентичности России. Россия — неотъемлемая часть Большой Европы, и потому европейский вектор движения — наиглавнейший.

При этом не стоит, конечно, рассчитывать на то, что современная Европа примет нас в «материнское лоно» с распростертыми объятиями. Старый Свет далеко не разобрался в самом себе и тем более не определился со своим отношением к России (не в последнюю очередь потому, что не самоопределились мы). Нам еще предстоит доказать европейцам: Большая Европа (не нынешний Европейский союз, а действительно всеобъемлющее сообщество европейских наций, способное динамично развиваться и конкурировать за мировое влияние с Соединенными Штатами и стремительно растущей Азией) невозможна без России ни в экономическом, ни в политическом, ни в культурном, ни в военном отношении.

Как бы то ни было, главным вектором движения России может быть только один — Большая Европа без разделительных линий, в которой Украина, например, не стояла бы перед выбором: ориентироваться на Восток или на Запад? Аргумент о том, что наша страна «слишком велика для Европы», по меньшей мере несерьезен в XXI веке. Даже не замеченный в симпатиях к России Збигнев Бжезинский не сомневается в ее европейском будущем. «Безопасность и демократические свободы России зависят от продолжающей подниматься Европы. Конечно, то, о чем я говорю, произойдет не завтра и не в следующем году. Скорее всего, в течение ближайшего десятилетия», — говорил он в интервью газете «Коммерсантъ» в декабре 2004 года.

При этом в геополитическом плане Россия является евразийской, а следовательно, и глобальной державой, что делает неизбежными ее тесное взаимодействие с основными игроками мировой политики, прежде всего с Китаем и Индией (эти страны стремительно превращаются в важную часть мировой инновационной экономики), с Ираном, с арабскими странами, с Турцией и пр., а также, конечно, стратегический союз с США по вопросам глобальной безопасности.

Но такие установки нынешней внешнеполитической стратегии, как «многовекторность», «многополярность», «особый (отличный от европейского) путь», следует переосмыслить. «Многополярный мир», на котором настаивают многие отечественные политики и дипломаты, при ближайшем рассмотрении оказывается крайне опасным для России. В своем нынешнем состоянии она просто не дотягивает до статуса одного из «полюсов» в этой конструкции. С учетом необратимого демографического упадка территорию России в буквальном смысле слова разорвут на куски более динамично развивающиеся «полюса». Что же касается концепта «особый путь», то он уже не раз был испробован Россией и каждый раз приводил к национальной катастрофе. Можно, конечно, испытать судьбу еще раз. Но это, по всей вероятности, будет последняя попытка...

Если принять европейский вектор развития в качестве приоритета, то намного легче выстроить отношения и на просторах бывшего СССР. Продвигая Россию в Европу, не следует препятствовать движению соседей в этом же направлении. Однако Москва не должна оплачивать такое движение, оставаясь донором распавшейся империи. Россия не будет принуждать соседей к вступлению в союзы с ее участием. Но и прекратит практику невообразимых уступок ради сохранения видимости влияния на сопредельные государства, дотирования их развития за счет своего налогоплательщика. По большому счету России следовало бы незамедлительно выйти из СНГ и прекратить игру в «дружбу народов», в которой выигрывают лишь новые независимые государства.

При таком подходе постсоветское пространство перестает быть ареной соперничества России и Запада. Европейские государства СНГ (Украина, Молдавия и Белоруссия) становятся полем партнерства преимущественно между Россией и ЕС; государства Центральной Азии и Казахстан — между Россией и США (не в столь отдаленной перспективе — с участием КНР); страны Южного Кавказа — между Россией, ЕС и США (в перспективе — с участием Ирана). Та-

кой подход, помимо всего прочего, развязывает нам руки для работы с пророссийской оппозицией в этих странах.

Второе. Требуется принять специальный закон о механизме разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, который обеспечил бы координацию деятельности ведомств под руководством президента страны в целях проведения единой линии Российской Федерации. Такого рода механизм должен следовать принципу коллегиальности, включать в себя всех субъектов внешней политики и опираться на глубокую аналитику и экспертизу правительственных и неправительственных научно-исследовательских центров, которые надо создавать и щедро финансировать.

В соответствии с Конституцией РФ принципиальные внешнеполитические решения принимает президент страны. Однако требуется их предварительное согласование между должностными лицами, имеющими непосредственное отношение к внешней политике. Это председатель Правительства, секретарь Совета безопасности, руководители МИДа, Минобороны, Федеральной службы безопасности (ФСБ) и Службы внешней разведки (СВР). На данном этапе государственного строительства России в этом процессе, вероятно, должны принимать участие также представители законодательной власти – председатели Совета Федерации и Государственной думы: это необходимо для обеспечения единой позиции высших представителей двух ветвей власти по важнейшим внешнеполитическим вопросам, то есть элементарной государственной дисциплины. Перечисленные лица и должны образовать новый орган по внешней политике и международной деятельности при президенте РФ. Речь, подчеркнем, идет именно о новом органе, поскольку все имеющиеся, в том числе и Совет безопасности, оказались непригодными для выполнения этой функции. Такой орган был бы аналогом Совета национальной безопасности США. В этом контексте потребовалось бы, разумеется, и введение должности, аналогичной должности помощника президента США по национальной безопасности, с назначением на нее лица из числа авторитетных отечественных дипломатов (с небольшим, но хорошо оснащенным аппаратом). Соответствующий законопроект «О координации деятельности государственных органов власти в сфере управления внешней политикой РФ», разработанный Экспертным советом Комитета Совета Федерации по международным делам, проходит сейчас процедуру межведомственного согласования.

Третье. Соразмерность целей и средств — важнейший принцип внешней политики. Тщательно продуманная и взвешенная ресурсная политика призвана обеспечить не только внешнеполитическую эффективность. От наличия или отсутствия такой политики зависит конкурентоспособность России как государства, ее национальной экономики, отдельных отраслей, отечественных частных компаний, инновационных систем и пр. в глобальном мире. Это, в свою очередь, является одной из главных предпосылок национальной безопасности.

Четвертое. Что касается имиджа России за рубежом, то, конечно, надо работать над его совершенствованием. Но при этом следует помнить: любые пиаровские усилия и финансовые средства уйдут в песок, если не будет улучшаться внутренняя ситуация. Чтобы иметь достойный имидж за рубежом, надо реально *быть* привлекательной страной, а не *казаться* ею. Поэтому деятельность по исправлению имиджа должна разворачиваться не за рубежом, а внутри страны.

Пятое. Надо принять серьезные меры, с тем чтобы вновь сделать престижной дипломатическую службу. Наш дипломат независимо от того, находится ли он на службе в Москве или за рубежом, вправе иметь возможность вести достойный образ жизни. Ему необходима уверенность в том, что государство позаботится о его обеспеченной и безбедной старости. Короче говоря, дипломат не должен чувствовать себя человеком второго сорта, стоящим на социальной лестнице ниже, чем мелкий деятель теневой экономики или чиновник средней руки из коррумпированных отраслей.

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ

Текущий кризис внешней политики России не стоит драматизировать. Вообще, кризис системы сам по себе способен оказать благотворное воздействие, если за ним следуют шаги по ее радикальному обновлению и модернизации. А нынешний период в истории России далеко не худший для этого. Отсутствие широкомасштабных внешних угроз, возможно, впервые позволяет сосредоточиться на внутренних проблемах. С другой стороны, вероятно, никогда в истории России ее ресурсы для осуществления того или иного курса не были столь ограниченными (парадоксально, но богатство, посыпавшееся на страну благодаря беспрецедентной сырьевой конъюнктуре, нисколько не решает эту проблему — ведь сами по себе средства бесполезны в отсутствие механизма, принципов и приоритетов их разумного использования).

Трезвое соизмерение целей и средств, собственно говоря, и делает приоритетным европейский вектор развития России, в особенности учитывая ее необратимую демографическую деградацию. Исходя из того, что безусловным приоритетом является решение внутренних проблем устойчивого и демократического развития, а также учитывая ограниченность ресурсов, Россия не может позволить вовлечь себя в чужие войны и авантюры. Внешняя политика не должна быть ни агрессивной, ни даже слишком амбициозной.

Примеры послевоенного развития Японии и Германии показывают, что статус (де-факто) великих держав возможно удерживать при значительном ограничении внешнеполитических претензий. Отечественная история в этом отношении также весьма поучительна.

После окончания Смуты и заключения Деулинского перемирия с Польшей в 1618 году Россия была не просто слаба, а дотла разорена и обескровлена. До конца XVII столетия, то есть примерно в течение 80 лет, Россия старалась не ввязываться в затяжные военные противостояния с основными и наиболее сильными противниками. Однако за это же время она, практически не воюя, присоединила Левобережную Украину и Киев, а также Сибирь вплоть до Тихого океана и Китая. Это произошло благодаря умелой внешней политике и инициативе. Именно тогда, уклоняясь от серьезных конфликтов, не проводя агрессивной политики, страна увеличила свою территорию больше, чем за какой-либо другой период своей истории. За восемь десятилетий военно-политического «прозябания» некогда разоренная Россия накопила такой потенциал, в том числе и экономический, что потом непрерывно воевала 21 год и нанесла сокрушительное поражение Швеции, в ту пору одной из мощнейших держав Европы.

После смерти Петра I (1725) вплоть до Семилетней войны (1756–1763) почти разоренное за период экспансии государство вновь минимизировало свои внешнеполитические амбиции, особенно на самом опасном направлении — в Европе. Казалось, что она вообще не вела самостоятельной внешней политики, а действовала лишь как чей-то союзник. Однако и этот период мира и как будто даже некоторого унижения России обернулся накоплением сил для последовавших вскоре внешнеполитических побед и триумфов Екатерины II, когда была воссоединена почти вся Западная Русь, нанесено сокрушительное поражение Турции и «российская государственная территория почти достигла, — по словам историка Василия Ключевского, — своих естественных границ как на Юге, так и на За-

паде». Из 50 губерний, на которые была разделена Россия, 11 были приобретены в царствование Екатерины II. Если в начале ее правления российское население составляло не более 20 млн человек, то к его концу — не менее 34 млн (т. е. увеличилось на три четверти). При этом сумма государственных доходов возросла более чем в четыре (!) раза. Россия прочно встроилась в мировую (тогда это была европейская) политику в качестве одной из самых влиятельных держав. Светлейший князь Александр Безбородко поучал молодых дипломатов России: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».

После поражения в Крымской войне в 1856 году (как и после окончания Смуты, а также после смерти Петра Великого) Россия вновь ограничила свои внешнеполитические претензии и геополитические аппетиты. Двадцать лет она, по словам канцлера Александра Горчакова, «не сердилась, а сосредоточивалась», то есть занималась по преимуществу внутренними делами, накапливая силы. В это время у Российской империи не было союзников. Но уже в момент подписания унижительного для России мирного договора в Париже (1856) русский дипломат князь Николай Орлов сказал: «Да, господа, мы потерпели поражение. И мы уходим с Балкан. Но вы не беспокойтесь, мы вернемся». Прошло всего 15 лет, и Россия вернулась на Балканы и на Черное море. И никто, даже «единственная сверхдержава» Великобритания, проводившая антирусскую политику, ничего не смогла сделать.

Таким образом, периоды относительной внешнеполитической пассивности далеко не всегда зло. И сегодня об этом стоит задуматься некоторым российским «державникам», которые — кто искренне, а кто и в личных популистских целях — разыгрывает карту «великодержавности», не утруждая себя подсчетом имеющихся у страны ресурсов. Следование их рекомендациям может привести страну к национальной катастрофе, что уже не раз происходило в отечественной истории, в том числе дважды в XX веке. Напротив, сосредоточенность на внутренних делах, накопление сил, актуализация ресурсов, динамичное экономическое развитие страны в ближайшие годы (а может быть, если позволит международная обстановка, и десятилетия) — все это является залогом ее грядущих, в том числе и внешнеполитических, триумфов. Немаловажное значение для достижения этих триумфов в будущем (хочется надеяться, недалеко) имеет хорошо продуманный, осторожный, но все же «капитальный ремонт» отечественного внешнеполитического механизма.

Блеск и нищета неоконсерватизма

Вероника Крашенинникова

Эта статья была написана летом 2005 года и задумывалась как попытка разобраться, что представляет собой нынешняя американская власть, самая, пожалуй, идеологизированная за всю историю Соединенных Штатов. Насколько она отражает состояние общества и как влияет на него? Наконец, что ждать миру от неоконсервативной Америки начала XXI века?

Когда материал уже был почти готов к печати, случилось событие, позволившее протестировать постулаты, которые с такой страстью отстаивают президент Буш и его ближайшие соратники. Ураган «Катрина», обрушившийся на несколько южных штатов США и едва не стерший с лица земли Новый Орлеан, нанес республиканской администрации куда больший урон, чем атака террористов в сентябре 2001-го или неудача с демократизацией Большого Ближнего Востока. Стихия продемонстрировала неэффективность государства и выявила целый ряд шокирующих черт «национального характера». Автор сознательно не стала вносить коррективы в основной текст, добавив лишь своего рода эпилог. Как представляется, это позволило лучше разглядеть противоречия современной ситуации в Соединенных Штатах.

КОНСЕРВАТИЗМ – ПРОГРЕССИВНОЕ КРЕДО
«Подъем нашего движения превратил нас в агентов Реформы», – провозгласил Карл Роув, выступая в июне перед членами Консервативной партии Нью-Йорка (одна из общественных организаций консервативной направленности). Речь Роува, ближайшего соратника прези-

Вероника Крашенинникова – президент Совета по торгово-экономическому сотрудничеству США – СНГ (Нью-Йорк).

дента и архитектора его побед на выборах, звучала как программа Белого дома на ближайшие годы — с последствиями на десятилетия.

Джордж Буш настолько «консолидировал» власть, что его российский коллега и друг Владимир Путин может ему только завидовать. В течение четырех последних десятилетий консервативное движение в Америке постепенно набирало обороты, питаясь от энергии и роста активности своих религиозных и светских приверженцев. Сегодня Республиканская партия США контролирует исполнительную и законодательную ветви власти, а также вот-вот получит контроль над судебной. Консерватизм является доминирующей философией в Белом доме, Сенате, Палате представителей, администрациях губернаторов и законодательных органах штатов. Большая часть американского общества разделяет консервативные моральные и политические ценности, и центр тяжести общественного мнения явственно сдвигается вправо. В чем же состоит «Реформа»? И как она соотносится с американской политической традицией и самоидентификацией нации?

Карл Роув констатировал: за последние десятилетия консерваторы прошли путь от немногочисленной принципиальной оппозиции до «широкого, всеобъемлющего движения — оптимистичного, уверенного в себе, устремленного вперед и доминирующего». Республиканцы смогли предложить обновленную национальную идею: вдохновляющее видение и идеологию, великие задачи и достойные пути их решения. Консервативный истеблишмент сочетает интеллектуальную мощь исследовательских институтов, интересы бизнеса (от глобальных корпораций до фермерских хозяйств), симпатизирующие прессу и телевидение, мощный слой религиозного населения, светских приверженцев традиционализма и множество групп интересов. Современная мировая ситуация также играет на руку консерваторам: борьба с терроризмом представляет собой благодатное поле для применения консервативных идей. Они настолько широко и глубоко проникли в общество, что даже победа Джона Керри на последних президентских выборах не изменила бы эту тенденцию. Сторонники таких идей убеждены: *консерватизм сегодня — это прогрессивное кредо. Быть консерватором — не значит цепляться за прошлое, это значит изменять будущее.*

Как случилось, что консервативная идеология до такой степени овладела обществом и политическим истеблишментом? В живом и непредвзятом портрете нового лица американского консерватизма

The Right Nation («Правая нация») Джон Миклтвейт и Адриан Вулдридж доказывают: как любой успешный продукт, консерватизм ответил на спрос, который не был удовлетворен другими предложениями. На стороне консерватизма, утверждают авторы, история и социология. Соединенные Штаты всегда были консервативной страной, «заквашенной на религии», увлеченной «романом с бизнесом» и «враждебной государству».

Америка — самая религиозная нация в развитом мире. В 2002 году 59 % американских респондентов ответили, что «религия играет очень важную роль» в их жизни (в сравнении с 27 % в Италии и 12 % во Франции). Половина американских семей регулярно произносят молитву перед едой, а 69 % американцев верят в существование Дьявола.

Американское общество допускает более высокий уровень экономического неравенства: в 2002-м одна из шести американских семей имела доход меньше, чем 35 % от среднего; в Великобритании — одна из двадцати, и это самый высокий показатель в Европе. Америка — единственная западная демократия, где государство не обеспечивает полноценного медицинского страхования. В судебной практике США процент вынесенных приговоров о лишении свободы в пять раз выше, чем в Великобритании, стране, которая славится самыми жесткими вердиктами в Европе. Мало кто из американцев станет спорить с тем, что государство (имеется в виду система государственных институтов) должно быть «таким маленьким, чтобы его можно было утопить в ванне» (боевой клич, авторство которого принадлежит Гроверу Норквисту — активисту-консерватору и президенту антиналогового лобби *Americans for Tax Reform*). Конечно, не обходится и без противоречий: наперекор рецептам традиционного консерватизма сегодняшняя администрация, по словам республиканского сенатора Джона Маккейна, тратит деньги, «как пьяный матрос».

Категорически против аборт, за ношение оружия, за смертную казнь, за регулярное посещение церкви, против налогов и высоких государственных расходов, за «победу в Ираке», против ООН, «потому что это цирк», — вот набор убеждений среднего американского гражданина. Приверженцы консервативных взглядов, населяющие в основном центр и юг страны, не отягощают свои размышления нюансами, не сомневаются в своей правоте и мобилизуются на выборы, совсем как российские коммунисты и пенсионеры, — так они обеспечили победу Джорджу Бушу.

Однако консерватизм далеко не всегда был тождествен Республиканской партии, «народным» ценностям и — в географическом отношении — центральной части Америки. Республиканец Герберт Гувер, президент США в 1929—1933 годах, настойчиво отрекся от ярлыка консерватора и называл себя «истинным либералом». В 50—60-е прошлого века Республиканской партией руководили аристократичные представители Северо-Востока Нельсон Рокфеллер и сенатор Прескотт Буш — дед действующего президента, а Юг тем временем голосовал за демократов. Затем республиканец Ричард Никсон провозгласил себя президентом «безмолвного большинства». В продолжение заложенного Никсоном популизма патриций Джордж Буш-отец предстал в 1988 году перед публикой в облике защитника всеамериканских ценностей. В 2000-м Джордж Буш-младший, получивший образование в храмах либеральной мысли — Йельском и Гарвардском университетах, сыграл роль малограмотного техасца, наделенного здравым ковбойским смыслом в пику интеллектуальным проискам утонченных демократов. Гениальная находка состояла в том, что команда Буша раньше других уловила смещение акцентов — ценностных, идеологических и географических. Кандидат в президенты обзавелся приземленным южным произношением, ковбойской шляпой и нефтяным бизнесом. Широко разрекламированная история о том, как он нашел веру и завязал с алкоголем, превратила «заново рожденного христианина» Джорджа Буша в лидера, за которым были готовы следовать массы американцев.

МЕНЬШЕ ГОСУДАРСТВА, БОЛЬШЕ БОГА

Консерваторы не собираются почивать на лаврах. Они имеют четкий план действий, воплотить который в жизнь помогут позитивный инерционный момент одержанных побед и категорическая уверенность в своей правоте. Помимо исторических и социологических предпосылок, консерваторы весьма дисциплинированы, исполнены религиозного рвения, свойственного новообращенным, и уверены, что «Бог на нашей стороне». Как средневековые рыцари, они идут «вперед без страха и упрека», и это умножает их шансы на успех.

В уже упоминавшемся программном выступлении Карл Роув ссылается на английского мыслителя XVIII века, идеолога консерватизма Эдмунда Бёрка. Сущность консерватизма, по Бёрку и Роуву, состоит *в применении вечных, непреходящих принципов к изменяющимся обстоятельствам*. План реформ администрации Буша-

младшего соответствует такому пониманию консерватизма: утвердить фундаментальные принципы американского общества в новой – внутренней и внешней – реальности.

Внутреннее реформирование, согласно планам администрации, коснется и идеологической основы общества, и его институтов. Причем моральные ценности играют ведущую роль, и в этом заключается кардинальное отличие американских правых от правых политических партий в других странах, определяемых классовыми признаками и экономическими критериями. Ибо, согласно консервативному мировоззрению, моральные идеалы составляют фундамент общества и служат гарантией продолжения его существования. «Американский идеал свободы, общественное благо зависят от характера человека – его честности, толерантности по отношению к другим, способности руководствоваться совестью в собственной жизни», – говорил президент Буш, вступая в должность в январе 2005 года. Список фундаментальных ценностей, поддерживающих моральное здоровье общества и порядок в нем, составляют религиозные постулаты, непреложная важность человеческой жизни, институты семьи и общины.

Джордж Буш взялся за поистине историческую миссию – создание обновленного типа американского гражданина, то есть *более индивидуалистичного, самостоятельного и независимого от государства, с крепким моральным стержнем*, который и должен будет служить ему опорой в новой, более автономной жизни. В двух словах формулу реформ можно определить так: *меньше государства, больше Бога*. Там, где раньше человек мог полагаться на государство, теперь он должен рассчитывать на самого себя и на Всевышнего. «Самоуправление опирается на управление собой» – вот новый девиз, предложенный президентом народу.

Видение администрации диктует решения, которые изменят не только технические параметры, но и сам дух социально-политической системы. Президент Буш ставит целью построить «общество собственников» (*ownership society*): «Мы расширим возможности владения собственным жильем и бизнесом, пенсионными накоплениями, пользования услугами медицинского страхования, *подготавливая наших людей к испытаниям жизни в свободном обществе*» (курсив мой. – В.К.). Администрация выстраивает такую логическую цепочку: больше свободы – шире личный выбор – большее процветание. Эта линия воплощается на практике в сокращении налогов, проведен-

ном в 2003 году, текущих реформах социального обеспечения и медицинского страхования, по ходу которых ответственность за накопления должна постепенно переходить от государства к гражданину.

ВЕРА И НЕНАВИСТЬ

Сдвиг в сторону консервативных ценностей спровоцировал усиление двух явлений американской жизни. Во-первых, он сопровождается явственным сближением религии с политикой: социально-политические вопросы сегодня неизбежно приобретают религиозную составляющую, а вопросы, связанные с религией, становятся политическими. Консерваторы убеждены: верные ответы на вопросы государственного управления могут быть найдены только в мудрости религиозной традиции и моральных ценностей, и, значит, государство должно руководствоваться ими в выработке политики. Непосредственная реализация такой линии может состоять в распространении в государственных учреждениях средств наглядной агитации с десятью заповедями, финансировании религиозного обучения из бюджета, утверждении в должности более консервативных судей для работы в окружных судах.

Во-вторых, эмоциональный элемент, внесенный религией, повышает накал и идеологизированность политических дебатов: партийная борьба идет не на жизнь, а на смерть. Религия, как пишет Самьюэл Хантингтон, разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность, — это самое личное и дорогое, что есть у человека и за что он готов бороться, не щадя сил. Политические скандалы следуют один за другим, к тому же они усугубляются за счет стилистики американских новостных каналов, которые подают информацию в формате яркого шоу. Одновременно республиканцы приняли на вооружение и успешно осуществляют на практике политику «разорения левых»: идет целенаправленное ослабление политического влияния демократических групп интересов, которые извлекают материальную и политическую выгоду из удачно пролоббированных государственных инициатив.

Но движение к консерватизму имеет и другие последствия. С одной стороны, политическое мужество, решительность действий и неукротимая вера в свою правоту, присущие администрации Джорджа Буша, способны решить назревающие внутренние и внешние проблемы, прежде чем те превратились в полноценные кризисы. Так, банкротство системы социального обеспечения наступит, согласно

прогнозам, только через 10–12 лет, и президент Буш вполне мог бы оставить эту большую головную боль своим преемникам. Возможно, что сегодняшняя трагедия в Ираке будет оправдана установлением стабильного умеренного мусульманского государства лет через 30–40. Может быть, администрации действительно удастся изменить политический ландшафт на Ближнем Востоке. Президент Буш не боится тратить политический капитал и не оглядывается на падающий рейтинг. Он берется за решение сложнейших задач, и его политическая отвага и дерзость дают ему шанс на успех.

С другой стороны, те же самые дерзость в целеполагании и решительность в средствах провоцируют кризисы и напряжение как внутри страны, так и на международной арене. Внутренним последствием консервативной эволюции является то, что, распространяясь на общество, страстные политические и религиозные противоречия *усиливают напряженность по традиционным линиям раскола*. Америка — это и самое современное, и самое традиционное общество в мире. Новое утверждение консервативных ценностей происходит на фоне неограниченного рыночного капитализма, глобализации экономики, современной массовой культуры и прибытия новых потоков эмигрантов, которые, вместо того чтобы «переплавляться» в американцев, теперь «разбавляют» американские ценности своими.

Насколько болезненно эти процессы воспринимаются консерваторами, видно по тому, как пишет о них один из самых влиятельных идеологов движения Самьюэл Хантингтон. Он глубоко озабочен поддержанием единства и мощи страны как общества, основанного на свободе, равенстве, законе и индивидуальных правах. Все общества, доказывает он, сталкиваются с угрозами своему существованию и в конечном счете становятся их жертвой. Тем не менее некоторые из них способны отсрочить упадок, препятствуя и успешно противодействуя процессам разложения, при этом обновляя свою жизнеспособность и самоидентификацию. «Я считаю, что Америка может это сделать и американцы должны заново обратиться к англо-протестантским культуре, традициям и ценностям, которые на протяжении трех с половиной веков разделялись американцами всех рас, народностей и религий и были источниками их свободы, единства, мощи, процветания и морального лидерства, как силы добра в мире», — пишет Хантингтон в своей книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (*Who Are We? The Challenges to America's National Identity*).

Курс неоконсерваторов является постоянным источником вдохновения для их оппонентов. Иллюстрации с сайта <http://www.oldamericancentury.org>

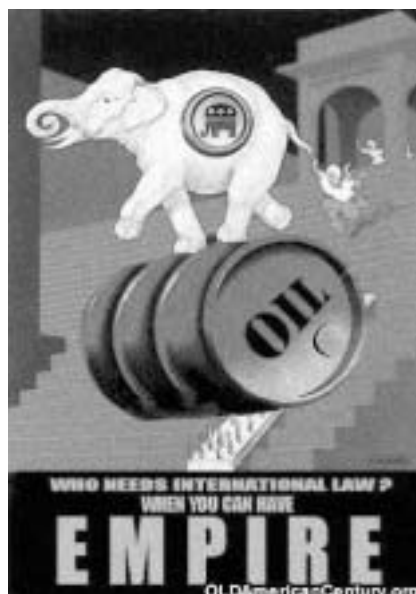
Хамид Карзай был советником компании *Unocal*, а теперь обзавелся собственной страной! Вступайте в Корпус нефти при «великой старой партии»!

Только представьте себе: никаких либералов! Мир без гражданских прав, равноправия, чистого воздуха...

Спасибо, налогоплательщики! За эту чашечку радости для компании *Halliburton* каждый из вас заплатил по полтиннику

Зачем международное право, если есть империя?

Именно о таком стремлении консерваторов предупреждает Анатолий Ливен в критическом исследовании «Америка: права или нет. Анатомия американского национализма» (*America: Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*): «Отношения между традиционным белым протестантским ядром, с одной стороны, и миром, генерируемым потоком экономических, демографических, социальных и культурных перемен, — с другой, может сравниться с генезисом урагана». *Heartland*, самое сердце страны, «наполнено горечью и озлоблено». Перемены, врывающиеся в Америку извне, ставят под угрозу все, во что она верила, и она занимает оборонительную позицию. А как известно, Америка, чувствуя себя в опасности, опасна для других: она очень быстро спускает курок, как Джон Уэйн в американских вестернах. Глубокий пессимизм и ощущение поражения на личном, социальном и религиозном уровнях устремляются к легкому выходу — в национализм. Ненависть, питающая национализм и питающаяся от него, направляется на объекты внутри американского общества. Так, радикальные консерваторы ненавидели Билла Клинтона: не за то, что он сделал, а за то, что он такой, какой есть — представитель многорасовой, плюралистической и модернистской культуры и элиты, которую они одновременно ненавидят и боятся. Еще легче ненависть находит объекты вовне.

ОБЛАЧЕННЫЕ В МАНТИЮ ИДЕАЛИЗМА

Утверждение традиционных идеалов во внутренних делах сопровождается аналогичным процессом во внешней политике. «Жизненные интересы Америки и наши глубочайшие верования совпадают», — говорил президент Буш, вступая в должность. Администрация видит свою миссию в обеспечении поддержки демократических движений и институтов в каждой стране, имея в виду конечную цель — покончить с тиранией в мире. Это касается всех регионов мира, и в особенности Ближнего Востока. На образном языке Карла Роува это звучит так: «Мы облакаемся в мантию идеализма».

Традицию идеализма во внешней политике заложил президент США (1913–1921) Вудро Вильсон: он вывел Америку из добровольной изоляции, используя в качестве рычага идеал распространения свободы и демократии в мире. Вильсон был первым среди американских руководителей, кто — в противовес силовому прагматизму — ввел во внешнюю политику принцип оценки государств по этическим критериям, применимым к людям. Роль Америки в мире но-

сила мессианский характер. Распространять принципы свободы и демократии – в этой миссии, согласно Вильсону, и состоял национальный интерес государства. Вступив в Первую мировую войну, «Америка реализовала безмерную привилегию воплощения своей судьбы и спасения мира».

Политический гений Вильсона заключался в том, что он нашел кнопку, на которую нужно было нажать, чтобы вовлечь самодостаточных американцев с островным менталитетом в международные дела. Эта кнопка называется «ощущение исключительности». Вильсону удалось уловить движущие силы американской мотивации, важнейшая из которых – это то, что Соединенные Штаты видели себя особой, избранной, предназначенной к великим свершениям нацией: «Американцы могут подняться на великие свершения только ради цели, которая совпадала бы с их видением своей страны как исключительной», – пишет Генри Киссинджер. В этом состоит «особый путь» по-американски. Вильсон затронул души американцев аргументами, которые были для них настолько возвышенны и понятны, насколько они были лицемерны и непостижимы для иностранных лидеров.

Примечательным образом сдвиг в сторону консерватизма привел республиканцев к традиционной внешнеполитической линии демократов. Администрация даже предпочла поменять «ястребиный» термин *neo-cons* («неоконсерваторы») на одухотворенный и альтруистичный «вильсонянцы». Однако на идеализме сходство между Вильсоном и Бушем, пожалуй, и заканчивается. Важнейшим наследием Вудро Вильсона стала международная система отношений, действующая по сегодняшний день: он был вдохновителем и архитектором Лиги Наций, которую позднее сменила ООН. Та самая, которую последовательно и методично демонтирует президент Буш. В своем презрении к международным организациям и договорам Джордж Буш гораздо ближе к предшественнику и идеологическому врагу Вильсона – президенту Теодору Рузвельту (годы правления 1901–1909), для которого силовые методы были лучшим средством проведения внешней политики.

Еще один «идеалист», чью традицию президент Буш считает за честь продолжать, – это Рональд Рейган. Рейган был практически несведущ в истории, а то немногое, что знал, подгонял под свои непоколебимые предубеждения. Библейскими понятиями, по мнению Киссинджера, тот оперировал как действующими внешнеполитиче-

скими моделями: битва с Советским Союзом для него была равнозначна Армагеддону. Однако так же, как и Вильсон, Рейган обладал уникальным интуитивным контактом с движущими силами американской мотивации. И точно так же он применил «моральный код американца» как буквальное руководство в решении внешнеполитических вопросов.

Вильсон и Рейган были проповедниками от политики, проповедником является и Буш, использующий понятия добра и зла как точки отсчета при оценке политических реалий и наполняющий речи религиозной риторикой. Поистине прав Генри Киссинджер: «Американский путь в международной политике характеризуется триумфом веры над опытом».

Американское общество разделяет эту веру. Рядовой американец, потомок иммигрантов, приехавших за свободой, имеет возможность наблюдать, как выходцы из самых разных культур, оказываясь в Америке, принимают стандарты и ценности американской цивилизации. Бывший торговый представитель США Клайд Престовиц говорил, что у современных американцев существует «слепая вера в то, что каждое человеческое существо является потенциальным американцем и что его национальные и культурные реальности — это несчастная, но поправимая случайность».

НЕИЗБЕЖНАЯ СИЛА...

Что несет миру более консервативная Америка?

По мере смещения в сторону консерватизма Америка становится в мире не только «необходимой силой» (по словам Мадлен Олбрайт), но и неизбежной силой.

Вследствие кристаллизации своих ценностей и идеалов консервативная Америка ощущает себя все более исключительной. Она еще больше вдохновлена своей традиционной миссией распространения свободы и демократии в мире. Она менее терпелива и более категорична с теми, кто ее ценностей не принимает, и легче прибегает к использованию силы. Она менее расположена делиться властью с кем бы то ни было. Она не считает необходимым связывать себя международными соглашениями и легче идет на односторонние действия. Абсолютизм ценностей, ощущение исключительности и миссионерский дух всегда были отличительной чертой Америки во внешних делах, но религиозный порыв добавил им новой энергии.

Непонимание между Америкой и остальным миром усиливается. Правый консерватизм содержит как раз то, чем Америка отличается от других обществ. Составные элементы левых кругов — профсоюзы, интеллигенция, госслужащие — имеют свои российские и европейские эквиваленты, поэтому их ценности и ход мыслей в России и Европе понятны. Агрессивные противники абортот, защитники ношения оружия, радикальные религиозные слои, противники государства, стремящиеся «утопить его в ванне», — явления исключительно американские. Для россиянина или европейца — почти инопланетные.

Аналогичные проблемы с пониманием испытывает и президент Буш: «Я поражен тем, что существует такое глубокое непонимание нашей страны, что люди нас ненавидят. Я, как и большинство американцев, просто не могу поверить в это, потому что знаю, насколько мы хорошие люди». Американские лидеры и эксперты и раньше смотрели на реальность через призму американских реалий и ценностей, но категоричность, идеологизированность и радикализм нового консерватизма окончательно лишают Америку шансов увидеть действительность такой, какая она есть. Мейнстримом теперь стала идеология узкой группы единомышленников, не допускающая иных мнений. Психолог Ирвинг Джанис еще в 1972 году назвал этот феномен *groupthink* (групповое мышление), его особенность заключается в том, что члены идеологически сплоченной группы подгоняют свои мысли и выводы к тому, что принято считать консенсусом. Термин *groupthink* использовала Комиссия 9/11», характеризуя причины ошибочных решений американской администрации. Подобный подход влияет на объективность точки зрения даже высокообразованных и хорошо информированных людей. Администрация просто не слышит плохих новостей, не вписывающихся в ее видение истины.

Увлеченные идеей свободы, пассионарии от демократии абсолютно искренне верили в то, что свержения Саддама Хусейна достаточно для установления в Ираке нового порядка. Стратеги Пентагона и Белого дома приписывали иракскому народу свою логику и ожидали от него типичного американского поведения. Не вникая в особенности каждого конкретного случая, Америка при оценке собеседника или ситуации применяет своеобразную систему координат, осями которой являются «демократия», «свобода», «права человека», «законность». Такая характеристика объекта, как «друг» — «враг», определяется его расположением в этой системе.

Однако американский идеализм имеет свои пределы: он используется в основном на уровне политического дискурса. На практическом уровне, при воплощении идеалов в жизнь, в действие вступает столь же американский прагматизм. Лозунг «с нами или против нас» применяется в публичной риторике, а на практике он заменяется конкретными интересами и подходом в стиле *Realpolitik*. Активный торг с «мятежниками» в Ираке может вестись даже под лозунгом «с террористами переговоров не ведем». Это не беспринципность. Это — защита национальных интересов, верности которым президент Соединенных Штатов клялся на Библии.

...И КАК С НЕЙ ЖИТЬ?

Для начала неплохо было бы осознать, с чем имеем дело. Под осознанием имеется в виду абстрагирование от своей культуры и системы ценностей, проникновение в американский мозг и постижение того, как он функционирует. Если удастся избежать ошибки непонимания, то половина проблем может быть снята.

Необходимо также смириться с тем, что новый консерватизм — это надолго. Циклическое колебание между демократической и республиканской системами происходит регулярно, и цикл продолжается несколько десятилетий. На синусоиде колебаний Америка все еще поднимается к высшей точке волны консерватизма.

Поскольку принципиальность США в продвижении демократических идеалов может стать разве что более твердой, то стоит отключить эмоции, чтобы не раздражаться праведным гневом при каждой американской инвективе. Мазохистское удовольствие в их муссировании, равно как и реакции в стиле «сам дурак», могут на короткое время утешить чье-то национальное эго, но пользы не приносят никакой. Более того, они контрпродуктивны, потому что уводят от реальности в иллюзии.

Не надо ждать подарков от Америки, и не надо ей их делать. Благородство и щедрость не входят в систему внешнеполитических ценностей Соединенных Штатов, они непонятны, и благодарности за них не бывает. Эти черты лучше оставить для внутреннего потребления — россияне смогут их оценить. А в направлении Америки — прагматизм и трезвый расчет.

Программой-максимум для России было бы как формулирование такой же мощной национальной идеи с универсальным

(или хотя бы в масштабах континента) применением, так и продвижение ее аналогичными идеологическими методами.

ЭПИЛОГ

И вот пронесся ураган. Оставим за скобками многочисленные практические проблемы, связанные с тем, что государственные службы Соединенных Штатов не сработали так, как должны бы, а система делегирования полномочий дала серьезный сбой. Особенно с учетом того, что Новый Орлеан вообще-то десятилетиями готовился к подобного рода катастрофе: существовали различные планы действий, которые по какой-то причине не были реализованы.

Намного важнее, что под вопрос поставлены базовые установки, составляющие основу консервативной идеологии.

Во-первых, традиционное республиканское убеждение, что государство должно в минимальной степени вмешиваться в жизнь граждан. В первый день после урагана один из ведущих телеканала *Fox News*, главного рупора консерваторов, пожимал плечами: жителей предупреждали о мощном урагане, была объявлена обязательная эвакуация. Те, кто не внял здравому смыслу и не уехал, пусть пеняют на себя. Но фоне ужасающей телевизионной картинки, поступавшей из пострадавшей местности и свидетельствовавшей о полной беспомощности горожан, это выглядело неприкрытым цинизмом.

Во-вторых, представление о консолидации общества. Новый Орлеан — один из самых бедных городов Америки, он занимает первые строчки по преступности. Большинство населения — чернокожие и бедные (причем важнее как раз не расовая, а именно экономическая подоплека). Произойди стихийное бедствие в крупном городе, таком, как Нью-Йорк, где много людей, имеющих в обществе вес, на них немедленно обратили бы гораздо больше внимания.

В-третьих, убеждение о том, что американцы, говоря словами Джорджа Буша, «настолько хорошие люди», что прежде всего руководствуются соображениями морали и христианских ценностей. Мародерство, насилие, саботаж спасательных работ — ничего подобного тому, что творилось в Новом Орлеане, не наблюдалось после цунами в «нецивилизованных», с американской точки зрения, Индонезии, Таиланде или на Шри-Ланке.

В-четвертых. На что, собственно, нацелена беспрецедентная американская мощь? Подразделения Вооруженных сил США, кото-

рые за восемь часов могут подготовить высадку в любой точке мира, в собственный штат начали прибывать только через три дня, да и то малыми группами.

Серьезных симптомов того, что внутри американской системы существуют кризисные явления, хватало и до сих пор. Это и проблемы с крупнейшими корпорациями (*Enron, WorldCom*), которые систематически фальсифицировали отчетность, и неспособность, несмотря на многочисленные сигналы, предотвратить трагедию 11 сентября 2001 года, и конфуз с обоснованием иракской войны (оружия массового уничтожения там не оказалось), и вопиющая некомпетентность, проявленная при планировании послевоенного урегулирования в Ираке, и, наконец, беспрецедентный скандал с поведением «высоконравственных» американцев в багдадской тюрьме Абу-Грейб...

«Катрина» стала еще одним примером сбоя в американской системе. Однако в этот раз яркость визуальной «картинки», количество (сотни тысяч) пострадавших «простых американцев» и место трагедии — собственная страна! — заставили нацию почувствовать свою уязвимость и некомпетентность системы гораздо острее, чем абстрактное ОМУ или далекий Ирак. Достаточно ли американской нации этой новой трагедии, чтобы задаться глубокими фундаментальными вопросами о своей сущности, своем пути и методах достижения целей? Сентябрь-2001 открыл возможность для пересмотра ценностей, и в течение еще нескольких месяцев после атак на Всемирный торговый центр и Пентагон в воздухе, казалось, висели эти вопросы. Но они рассеялись. Использует ли нация новый шанс в сентябре 2005-го? Или потребуется гораздо более трагическая и разрушительная катастрофа? К сожалению, традиционный американский абсолютизм и категоричность, усиливаемые религиозной энергией, сегодня демонстрируют скорее упрямое утверждение собственной правоты, а не готовность к конструктивному сомнению.

Азиатский рассвет

Китайские живописцы.
Журнал «Воскресный досуг», 1865 год

“ Осознание того, что Азия не является ни началом, ни концом линейной мировой истории, не обособляется от остального мира и не подчиняется ему, даёт возможность иначе понять всемирную историю. Нельзя продолжать оценивать Азию с той же точки зрения, с какой Европа рассматривает саму себя ”

Азиаты переосмысливают Азию *Ван Хуэй*

78

Торговая война с Китаем? *Нил Хьюз*

88

Китай в поисках стабильных отношений с Америкой

Ван Цзисы

103

Северная Корея: выйти из тупика

Александр Воронцов, Владимир Евсеев

117

Индийский императив *Роберт Блэкуил*

130

Россия, Китай и Индия в мировой экономике

Владимир Портяков

143

Азиаты переосмысливают Азию

Ван Хуэй

В Азии, как и в Европе, набирает обороты дискуссия о создании сильных региональных структур, способных служить противовесом американскому господству. На самом деле либеральная глобализация и «новая империя» — два различных на первый взгляд явления — формируют систему военных договоров, экономических объединений, международных политических институтов и вместе порождают мировой порядок, охватывающий политическую, экономическую, культурную и военную сферы. Этот порядок можно назвать «империей» или «неолиберальным империализмом».

Европейские страны пытаются защитить себя с помощью какой-либо формы регионализма. Так, немецкий философ Юрген Хабермас в статье «Почему Европе нужна Конституция» предлагает строить постнациональную демократию, действуя на следующих трех ключевых направлениях: создание европейского гражданского общества, образование сферы публичной политики на уровне Европы и выработка общей для всех граждан Европейского союза политической культуры.

В свою очередь Китай несколько лет назад решил присоединиться к Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по формуле «десять плюс один (два)». Этому примеру сразу же последовала Япония, предложив формулу «десять плюс три» (Китай, Япония, Южная Корея). В 2002-м японское информационное

Ван Хуэй — специалист по истории идей, главный редактор журнала «Душу» (Пекин). Статья основана на его эссе «Воображая Азию. Генеалогический анализ» (2005). Первоначально опубликована в журнале *Le Monde Diplomatique* (июль 2005). Проект *Le Monde Diplomatique* на страницах издания «Россия в глобальной политике» ведет **Александр Игнатов**.

Кортеж гениев-покровителей Японии.
Живописный сборник замечательных предметов из наук,
искусств, промышленности и общежития, 1858 год

агентство утверждало, что «если объединение Азии ускорится, то [...] в ходе этого процесса Япония и Китай естественным образом перестанут ощущать дистанцию между собой. Встреча руководителей АСЕАН, Японии, Китая и Южной Кореи, которая стала бы первыми региональными переговорами без участия США, могла бы привести к азиатской версии примирения Франции и Германии».

Когда 1 мая 2004 года десять стран Восточной Европы вступили в ЕС, японский дипломат и индийский политолог предложили, чтобы Китай, Япония и Индия стали базой создания азиатского подобия НАТО.

Однако необходимо понимать, что именно азиаты имеют в виду, когда говорят об Азии. Здесь возникают три вопроса. Во-первых, с XIX века различные аспекты «азиатизма» всегда были тесно связаны со всевозможными формами национализма. Во-вторых, азиатская идея включает в себя две противоположные концепции: японскую колониальную, ставящую во главу угла «большое азиатское пространство совместного процветания», и социалистическую, опирающуюся на социалистические и национально-освободительные движения. Но что делать с наследием этих движений в связи с крахом социализма и восстановлением представительного правления во многих государствах Азии? В-третьих, если мы стремимся выйти за

рамки государства-нации, переосмысление Азии предполагает замену представления о наднациональном государстве, существовавшего в XIX столетии, нынешними идеями.

В действительности же азиатская идея является не азиатским, а европейским понятием. В XVIII и XIX веках общественные науки (лингвистика, история, современная география, философия права, теории государства и рас, историография и политическая экономия) развивались в Европе так же стремительно, как и естественные науки. Вместе они начертили новую карту мира. Представления о Европе и Азии были включены в понятие «мировая история».

Монтескьё, Адам Смит, Гегель, Маркс и другие создали образ Азии, основываясь на ее противопоставлении Европе, и в таком виде включили его в телеологическое видение истории (подразумевающее интерпретацию тенденций развития общества с позиций целесообразности. — Ред.). В итоге многонациональные азиатские империи оказались противопоставлены монархическим/суверенным европейским государствам, азиатский деспотизм — европейским политическим и правовым системам, азиатские методы кочевого и сельскохозяйственного производства — городской и торговой жизни европейцев.

Причем европейское государство-нация и распространение рыночного капитализма были сочтены передовой стадией мировой истории, а Азию отнесли к территориям, находящимся на более низкой ступени развития. Европейцы видели в ней не только географическое пространство, но и цивилизацию; по их мнению, азиатское политическое устройство было противоположно европейскому государству-нации, общественный строй Азии противостоял европейскому капитализму, а сама она пребывала в переходной фазе — между доисторическим и историческим уровнем. Основываясь именно на этой идее, европейская интеллигенция, равно как и азиатские революционеры и реформаторы, рассматривала мировую историю и происходящее в азиатских обществах, определяла революционную или реформаторскую политику, трактовала прошлое и будущее Азии. В XIX и XX столетиях азиатская идея являлась частью системы понятий, объявившей универсальным существовавшее восприятие Европы и сформировавшей идентичные для колонизаторов и революционеров повествовательные дискурсы.

НА ПРИМИТИВНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С точки зрения европейцев, Азия находилась в «начальной точке» развития мировой истории. Георг Вильгельм Фридрих Гегель, например, писал о том, что история мира движется с востока на запад, поскольку Европа представляет собой окончание истории, а Азия — ее начало. «Восток знает и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны». Как утверждал Гегель, первая форма политического устройства, которую мы наблюдаем в истории, — деспотизм, вторая — демократия и аристократия, третья — монархия.

Эта концепция представляет собой философскую квинтэссенцию европейского восприятия данной проблемы. В своих «Исследованиях о природе и причинах богатства народов» Адам Смит подчеркивает существенные различия между сельским хозяйством и ирригацией в Китае и других странах Азии, с одной стороны, и развитием западноевропейских городов с их мануфактурами и торговлей — с другой. Его определение четырех стадий истории (охота, кочевой образ жизни, сельское хозяйство и торговля) соответствуют определенным регионам и расам.

Смит упоминает, в частности, «индейские племена Северной Америки» как пример «народа охотников и состояния общества на самой низкой, начальной стадии развития». Татар (по-видимому, имеются в виду монгольские и тюркские народы, проживавшие на территориях, некогда завоеванных Чингисидами. Как писал русский историк В.Н. Татищев (1686–1750), «европейские писатели... всю восточно-западную Азию “Великая Тартария” именуют». — **Ред.**) и арабов — как «народ пастухов, принадлежащий к более развитому обществу», древних греков и римлян — как народы земледельцев, «еще более высокую стадию развития общества». С точки зрения Гегеля, все эти вопросы относятся к сфере политики и формирования государства: народы, занимающиеся охотой, находятся на низшей ступени, поскольку сообщества охотников и собирателей так малочисленны, что разделение труда, требуемое государством, еще невозможно. Описывая мировую историю, Гегель решительно отказывается включить в свои исследования Северную Америку (которой свойственны охота и собирательство) и считает Восток принадлежащим к «начальному этапу истории». Адам Смит делит

ее, опираясь на различные экономические или производственные схемы, а Гегель — исходя из региона, цивилизации и структуры государства. Оба они связывают политические или производственные системы с конкретными географическими пространствами — Азией, Америкой, Африкой и Европой, помещая их в совершенно определенные периоды истории.

Анализируя эволюцию социально-экономических систем, Карл Маркс выделяет четыре стадии: азиатскую, примитивную, феодальную и капиталистическую. Его оригинальное определение азиатского способа производства — плод синтеза гегелевской и смитовской концепций истории. Перри Андерсон считает, что Маркс выстраивает понятие азиатского способа производства, опираясь на представления об Азии, свойственные европейской мысли с XV века: государственная собственность или государство поземельного налога (Джеймс Харрингтон, Франсуа Бернье, Шарль Луи де Монтескьё); отсутствие законов, регулируемых общим правом (Жан Боден, Монтескьё, Бернье); религия, замещающая судебные системы (Монтескьё); отсутствие потомственной аристократии (Никколо Макиавелли, Фрэнсис Бэкон, Монтескьё); социальное равенство, близкое к рабству (Монтескьё, Гегель); общинная форма изолированной деревенской жизни (Гегель); преобладание сельского хозяйства над промышленностью (Джон Стюарт Милл, Бернье); стагнация исторического процесса (Монтескьё, Гегель, Милл) и т. д. Все эти особенности, якобы характерные для Азии, считались неотъемлемыми чертами восточного деспотизма. Подобные суждения об Азии проскальзывали и в дискуссиях греческих мыслителей.

Для жителей Азии современный национализм остается определяющим элементом азиатской идеи. Несмотря на исторические различия, все националистические идеи — «покинуть Азию и присоединиться к Европе» японцев, «национальная автономия» русских революционеров и «паназиятизм» китайских революционеров — основаны на противопоставлении национального государства и империи.

Японский националистический лозунг уходит корнями в краткое эссе Юкити Фукудзавы (1835–1901), опубликованное в 1885 году. «Покинуть Азию» отражает решимость покончить с миром, центром которого является Китай с его политикой и конфуцианской идеологией. «Присоединиться к Европе» означает превратить Японию в национальное государство по европейской модели. Таким образом, Азия рассматривается как конфуцианское простран-

ство с однородной культурой, но вместе с тем констатируется ее стремление порвать с конфуцианством путем превращения Японии в государство-нацию.

Иными словами, Япония осознаёт себя как государство-нацию, отделяясь от Азии и воспроизводя в отношении этого региона дихотомию цивилизованный/варварский и западный/восточный. Фукудзава утверждает, что Япония должна не только порвать со своей прошлой идентичностью, но и выстроить новую линию развития всей Азии.

В действительности путь к государству-нации для Японии заключается не в том, чтобы «покинуть Азию и присоединиться к Европе», а в том, чтобы «войти в Азию с целью противостоять Европе». Идея о «великой сфере восточноазиатского взаимного процветания», выдвигавшаяся на первый план в колониальном лозунге начала XX века, должна была придать легитимность японскому вторжению в Азию. Такой колониальный контекст объясняет, почему большинство китайских экспертов уклоняются от обсуждения и даже одного только упоминания этого понятия.

Национально-освободительные движения выработали новую концепцию Азии, ставшую отголоском социалистических идей русской революции. Поскольку социальное антикапиталистическое движение одновременно боролось и с буржуазным государством-нацией, социалисты изначально ориентировались на интернационализм и антиимпериализм. Однако, как и японский «уход из Азии», право народов на самоопределение виделось в рамках дихотомии между государством-нацией и империей.

Спустя двадцать семь лет после публикации эссе Фукудзавы и вскоре после буржуазной революции в стране и образования временного правительства Китайской республики (январь – февраль 1912 г.) Владимир Ленин публикует серию статей об Азии. «Китай [сегодня], – пишет он, – страна бурлящей политической активности, сцена мощного социального движения и демократического восстания». Он осуждает тот факт, что цивилизованная и развитая Европа «с ее высокоразвитой машиностроительной промышленностью, богатством ее многообразной культуры и с ее Конституциями» доходит до того, что пляшет под дудку буржуазии, «поддерживая все отсталое, отмирающее и средневековое». В основе противоположных взглядов Ленина и Фукудзавы лежит общая идея о том, что современность Азии обусловлена современностью Европы, а

значение Азии проявляется только в отношениях с Европой и не зависит от собственного статуса и судьбы.

С точки зрения исторической гносеологии фундаментальных различий между революционными взглядами Ленина, с одной стороны, и Смита с Гегелем — с другой, нет. Все они понимают историю капитализма как процесс эволюции — от Древнего Востока или Азии к современной Европе, от охоты, кочевого образа жизни и сельского хозяйства к торговле и промышленному производству. Ленинские представления об Азии зиждутся на гегелевской концепции мировой истории, изображающей Азию как нечто средневековое, варварское, находящееся вне исторического процесса. Идея Ленина — теория Гегеля плюс революция — созвучна представлению о трех этапах развития истории: древнем, средневековом и современном (феодализм, капитализм и социалистическая, или пролетарская, революция). Она помещала капиталистическую эру в определенные рамки, подчеркивая ее временный характер и выделяя период, позволявший постичь историю других частей света.

Тезисы Ленина, в частности, о врожденной связи национализма и капитализма являются ключом к пониманию того, как соотносятся между собой современный китайский национализм и азиатская идея. Сунь Ятсен в своей знаменитой речи о «великом азиатизме», произнесенной в ходе визита в японский город Кобе в 1924 году, различает две Азии: одна берет начало в самой древней цивилизации, не насчитывающей никакого независимого государства, другая готовится к своему возрождению. Он считает Японию отправной точкой этого обновления, поскольку та отринула ряд несправедливых договоров, навязанных Европой, и стала первым независимым государством Азии. Сунь Ятсен восхищен триумфом Японии в Русско-японской войне: «Победа Японии в войне с русскими — первая за много веков победа азиатской страны над европейской <...>. Все государства Азии находятся в эйфории, испытывая большую надежду <...>. Они надеются победить Европу и поднять освободительные движения. <...> Родилась великая надежда установления национальной независимости в Азии».

Речь уже идет не только о Восточной Азии, входящей в культурное пространство конфуцианства, но и об Азии с множеством культур, общность которой основана на независимости суверенных государств. «*Все государства Азии*» — именно к такому единству стремятся национально-освободительные движения, а не к неуклюжей ими-

тации европейских государств-наций. Сунь Ятсен убежден, что Азия обладает собственной культурой и принципами – тем, что он называет «культурой царского пути» в отличие от «культуры гегемонистского пути» европейских государств-наций. В соответствии с его концепцией естественное единство Азии обеспечивается не конфуцианством и не какой-либо другой гомогенной культурой, а культурой политической, объединяющей разные религии, верования, государства и общества. Таким образом, его идея «великого азиатизма», или «паназиатизма», противоположна «великому восточному азиатизму» современного японского национализма. За ней скрывается социалистическая динамика, противостоящая капитализму и империализму и рождающая новый тип интернационализма.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, СФОРМИРОВАННОЕ ЕВРОПОЙ

Связь между социалистическими ценностями и китайскими традициями подвигла современных исследователей восстановить азиатскую идею. Так, Юдзо Мидзогучи утверждает, что категории вроде «небесных принципов» (тяньли) и «общественного/личного» (гун/сы) существовали в интеллектуальной и социальной истории Китая со времен династии Сун (960–1279) до конца эпохи Цин (1911), образуя родство между некоторыми идеями современной китайской революции и концепциями регулирования сферы сельского хозяйства. Данная попытка определения азиатской культуры с помощью социалистических ценностей говорит о критическом, оппозиционном отношении к современному капитализму и колониализму. Другими словами, существует явное противоречие между азиатской социалистической идеей и идеей колониализма. С 1940-х годов Итисада Миядзаки, видный историк императорской школы Киото, начал изучать «зарождение капитализма в период правления династии Сун», опираясь на историю развития дальних коммуникаций в различных регионах. По его словам, те, кто «рассматривает период с эпохи Сун как время подъема “современности”, подошли к изучению современной западной истории в свете развития современной восточноазиатской истории». Его теория «восточноазиатской современности» перекликается с японской идеей «великого пространства Восточной Азии», что, однако, никак не умаляет достоинств его проницательного анализа. В исследовании Миядзаки, охватившем историю всего мира, отмечается, что сооружение Великого канала

(судоходный канал в Китае длиной 1 782 км, строительство которого завершено в XIII в. на базе ряда каналов, сооруженных в VII в. – **Ред.**), расцвет городов и некоторые товары, такие, как пряности и чай, представляли собой факторы налаживания торговых связей Европа – Азия. Экспансия Монгольской империи, способствовавшая расширению художественного и культурного обмена между двумя частями света, не только изменила отношения внутри Китая и других стран Азии, но и тесно связала Европу и Азию сухопутными и морскими путями.

Если политические, экономические и культурные особенности «азиатской современности» начали формироваться с X или XI века, за три или четыре столетия до того, как соответствующие черты зародились в Европе, то как же соотносилась историческая эволюция этих двух миров? Развивались ли они параллельно или в связке друг с другом? Миядзаки предполагает, что Восточная Азия, и в особенности Китай, не только обеспечила промышленную революцию Европы рынком и необходимыми средствами, но и содействовала также продвижению гуманизма, которому суждено было стать одним из лозунгов Великой французской революции. Таким образом, объясняет Миядзаки, «европейская индустриальная революция, как историческое событие, отнюдь не являлась чисто европейским явлением, поскольку она предполагала не только действие определенного механизма, но и наличие комплекса социальных факторов. Чтобы революция стала реальностью, требовалось процветание буржуазии, а также накопление капитала благодаря торговле с Восточной Азией. Для того чтобы работали станки, нужна была не только энергия, но и хлопок в качестве сырья. На самом деле Восточная Азия предоставила и сырье, и рынки. Если бы не существовало связей с Восточной Азией, индустриальная революция, возможно, не произошла бы вовсе».

Движение мира – это процесс, в ходе которого разнообразные миры общаются и борются друг с другом, осуществляют взаимопроникновение и взаимоформирование. Соответственно, когда историки пытались найти место Азии в системе международных отношений, они поняли, что «современность» определяется не принадлежностью к тому или иному обществу, а исходя из результата взаимодействия между различными регионами и цивилизациями. В этом смысле азиатская идея теряет свою обоснованность, поскольку речь не идет ни о независимом объекте, ни о совокупности отношений. Такое переосмысление Азии – осознание того, что

она не является ни началом, ни концом линейной мировой истории, не обособляется от остального мира и не подчиняется ему, — дает возможность иначе понять всемирную историю. И это должно заставить нас пересмотреть европейскую идею, так как нельзя продолжать оценивать Азию с той же точки зрения, с какой Европа рассматривает саму себя.

Сложившееся видение Азии раскрывает двусмысленность и противоречия, связанные с азиатской идеей. Идея эта одновременно колониальная и антиколониалистская, консервативная и революционная, националистическая и интернационалистическая. Ее истоки лежат в Европе, и в то же время она формирует представления Европы о самой себе. Азиатская идея тесно связана с вопросом о национальном государстве и имперским видением континента, служит для обозначения цивилизации, противоположной европейской, и является географической категорией в системе геополитических отношений. Изучая политическую, экономическую и культурную независимость современной Азии, нам необходимо серьезно учитывать тот факт, что азиатская идея возникла в атмосфере неопределенности, двусмысленности и противоречий. Найти ключи для преодоления этих неопределенностей и противоречий мы сможем только в том случае, если разберемся в конкретных исторических отношениях, породивших их.

Критика европоцентризма должна сосредоточиться не на утверждении азиацентризма, а на искоренении эгоцентристской, дискриминационной и экспансионистской логики доминирования. Осознать важность азиатской современности будет невозможно, если мы забудем об исторических условиях и движениях, описанных выше. Именно поэтому новое видение Азии должно пойти дальше тех целей и замыслов, которые были свойственны социалистическим и национально-освободительным движениям начала XX века. В современных условиях нам следует задуматься над историческими проектами, не реализованными этими движениями. Целью является не развязывание новой холодной войны, а окончание предыдущей и устранение ее последствий, не восстановление колониальных отношений, а искоренение их пережитков и недопущение распространения зарождающихся форм колониализма.

Азиатский вопрос касается не только географической Азии, но и «мировой истории». Пересмотр «азиатской истории» требует по-новому постичь «мировую историю» и преодолеть порядок и логику «новой империи» XIX века.

Торговая война с Китаем?

Нил Хьюз

ОРЕЛ И ДРАКОН

Усиление экономического влияния Пекина вызывает в США все большее беспокойство. Прирост экономики в КНР стабильно превышает 9 %, и американцы заявляют, что Китай захватывает их рабочие места, занижает курс юаня путем привязки его к доллару, экспортирует дефляцию, торгуя по заниженным ценам, ущемляет права своих работников ради уменьшения затрат на рабочую силу, не выполняет своих обязательств по отношению к Всемирной торговой организации (ВТО). Большая часть этих обвинений не имеет под собой оснований, но породившее их недопонимание грозит торговой войной, которая в случае ее эскалации способна нанести значительный урон обеим сторонам.

Китай не отбирает у американцев работу, не ведет нечестную торговлю для того, чтобы подорвать экономическую мощь Соединенных Штатов или с помощью экспорта обеспечить себе могущество в глобальном масштабе. На самом деле почти 60 % товаров, ввозимых в США из Китая, произведены фирмами, принадлежащими иностранным компаниям, причем зачастую американским. Под давлением конкуренции эти компании перенесли производство за границу, что позволило им уменьшить себестоимость, предложив тем самым более низкие цены покупателям и более высокие дохо-

Нил Хьюз – автор книги *China's Economic Challenge: Smashing the Iron Rice Bowl* («Экономический вызов Китая: разбить железную чашку для риса»). С 1992 по 1997 год занимал ответственную должность в департаменте Китая и Монголии Всемирного банка, до 2004-го служил консультантом Всемирного банка по Китаю. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль – август) за 2005 год. © 2005 *Council on Foreign Relations Inc.*

ды акционерам. Американские импортеры, доминирующие в Китае, такие, как *Wal-Mart* и *Hallmark*, имеют достаточно влияния, чтобы добиться от местных поставщиков максимально низких цен. Один только *Wal-Mart* в 2004 году приобрел китайских товаров на 18 млрд долларов и стал восьмым в ряду крупнейших торговых партнеров Пекина, обойдя Австралию, Канаду и Россию.

Кого же в таком случае следует винить в «экспорте дефляции» и росте китайского экспорта? Американские компании-импортеры, американских потребителей, покупающих их дешевые китайские товары, и акционеров, требующих прибыли. Затяжная экономическая война с Китаем ударит по этим группам как ни по кому другому.

НАЩУПЫВАЯ КАЖДЫЙ КАМЕНЬ

Одно из основных обвинений, предъявляемых Соединенными Штатами Китаю, обусловлено непониманием отношений доллар — юань. Целый хор критиков, начиная с госчиновников и заканчивая руководителями корпораций и профсоюзными лидерами, громит пекинские власти за то, что те занижают курс юаня, привязывая его к доллару, дабы тем самым получить несправедливые экспортные преимущества. По их мнению, эти преимущества и есть основная причина торгового дефицита США в отношениях с Китаем, увеличившегося со 124 млрд долларов в 2003 году до 162 млрд в 2004-м.

Но курс юаня никак не связан с торговым дефицитом США. Последний фиксируется в стране с 1975 года и отражает долгосрочные тенденции в мировой торговле и особенности развития американской экономики. Недавний отчет Министерства финансов США, публикацию которого задержали до окончания выборов 2004-го, снимает с Пекина все обвинения в манипуляции курсом национальной валюты ради приобретения несправедливого преимущества в торговой сфере.

Прежде всего, курс юаня на мировых рынках вовсе не занижен. На самом деле, хотя Китайскую Народную Республику часто обвиняют в экспорте дефляции, можно с такой же легкостью заявить, что она импортирует инфляцию. Цены на ввозимое Китаем сырье резко подскочили. В 2003 году стоимость импортной железной руды, стали и алюминия выросла более чем на треть. К 2004-му Пекин был настолько встревожен возможностью перегрева экономики, что власти предпочли вмешаться и установили административный контроль с целью ограничить тот импорт, который, на их взгляд, и создавал про-

блему. Если бы не этот шаг, импорт Китая превысил бы его экспорт. Между тем сегодня Пекин может оплатить любые объемы импорта, необходимые ему ради поддержания высоких темпов роста, и при этом оставаться лидером на мировых экспортных рынках.

Видя, что снижение курса привязанного к доллару юаня подрывает конкурентоспособность иены и воны, Япония и Южная Корея, основные азиатские партнеры Китая, присоединились к хору обвинителей. Им, однако, не следует забывать: во время азиатского финансового кризиса 1990-х годов, когда сами Токио и Сеул девальвировали свои валюты, они, напротив, перевозносили Пекин, который сохранил привязку юаня к доллару и тем самым предотвратил финансовый обвал по всей Азии. В результате ценой краткосрочного сокращения экспорта Китай надолго обеспечил стабильность своей национальной валюты. Стабильность по-прежнему остается определяющим фактором валютной политики Пекина.

Некоторые критики указывают на огромные инвалютные резервы КНР (возникшие в основном за счет прямых зарубежных инвестиций и активного торгового баланса) как на свидетельство занижения курса юаня. Из подобного рода утверждений следует, что иностранцами, инвестирующими в китайское производство, движут лишь такие факторы, как исключительно дешевые валюта и рабочая сила. Но иностранцы пришли сюда надолго: Китай лидирует по объему национального рынка, и международные корпорации, стремящиеся к мировому лидерству, выбирают именно эту страну.

Проблема не столько в манипулировании валютным курсом со стороны Пекина, сколько в том, что он слишком полагается на государственный контроль над ценами и капиталом. В стране с развитой рыночной экономикой привязывание национальной денежной единицы к доллару и значительная аккумуляция запасов иностранной валюты должны были бы привести к стремительному увеличению денежной массы и росту инфляции. В Китае же такое не происходит, что, по мнению валютных экспертов, обусловлено регулированием как объема производства, так и цен в ключевых секторах экономики. Когда рост валютных ресурсов вызывает увеличение спроса и соответственно постоянное наращивание производства, экономика перегревается, но благодаря контролю ожидаемый рост инфляции не наступает. Ограничения на движение капитала также мешают китайским рынкам капитала полностью приспособиться к лишней ликвидности, вызванной ростом валютного резерва Китая.

Некоторые критики считают, что Пекин должен установить плавающий курс национальной валюты. Но глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен и другие специалисты предупреждают: за таким шагом последует отток вкладов из китайских банков, способный дестабилизировать банковскую систему КНР. В условиях, когда молодые финансовые рынки Китая переживают период огромных перемен и стремительного обновления, а финансовые институты пытаются соблюсти обязательства перед ВТО и открыть эти рынки для иностранной конкуренции к 2007-му, плавающая валюта обернется неприемлемым для китайских лидеров уровнем риска и дестабилизации.

В действительности проблема сегодня заключается в том, что иностранные валютные спекулянты надеются выиграть от ревальвации юаня. Хотя Пекин запрещает свободное движение иностранного капитала через национальную границу, опасаясь, что паника обрушит его непрочные финансовые рынки, он далеко не полностью контролирует капиталы. Инвесторы, уверенные, что ревальвация неизбежна, осуществляют крупные вливания «горячих денег» из-за рубежа. Центральный банк КНР зафиксировал десятки тысяч случаев незаконной валютной торговли. По официальным оценкам, в первые девять месяцев 2004 года из неизвестных зарубежных источников в Китай поступило 120 млрд долларов. Эти деньги в основном превращаются в недвижимость (прежде всего в Шанхае), в акции на Гонконгской бирже либо в краткосрочные ссуды друзьям или бизнесменам, не получающим финансирования от банковской системы. А в это время Центральный банк страны вынужден ради сохранения привязки юаня к доллару скупать иностранную валюту, а затем продавать банкам государственные облигации, дабы нейтрализовать воздействие этой возросшей ликвидности на банковскую систему. В 2004-м китайские валютные резервы увеличились на 206 млрд долларов (причем почти половина этой суммы пришлась на последние три месяца), и Центральный банк, по-видимому, намерен и впредь скупать доллары.

Ныне валютные спекулянты уже не столь уверены в том, что в ближайшем будущем ревальвация в Китае состоится. В начале нынешнего года на офшорных форвардных рынках валют, где инвесторы играют на будущей стоимости юаня, предсказывалось, что в 2005-м юань подорожает на 5–6 %. В середине текущего года там всё еще рассчитывали на 3–4 %. Но форвардные рынки два года

подряд ошибались насчет пересмотра валютных паритетов, и непохоже, что они окажутся правы на сей раз. Экономисты крупнейшего гонконгского кредитора – Банка Гонконга и Шанхая – не ожидают повышения стоимости юаня в 2005 году. Гонконгский биржевой индекс Хан Сен, выросший в 2004-м на 13 %, в текущем году до сих пор только снижался, и число сделок с недвижимостью в Шанхае резко пошло на спад. Это означает, что «горячие деньги» начали покидать свои излюбленные рынки.

Китайские лидеры говорят, что их конечная цель – полная конвертируемость юаня, достигнутая за счет «постепенного и безопасного» перехода к более гибкому курсу, и нет причин сомневаться в их искренности. Но пока правительство заявляет, что не поддастся внешнему давлению и не девальвирует юань, поскольку в противном случае инвесторы «горячих денег» могли бы прекратить активную деятельность, предположив, что еще большее давление принудит КНР к новому витку девальвации. Стабильный юань – важное условие успешного управления китайской экономикой. Пекин предпочел увеличить передвижение капитала и воздержаться от введения более гибкого курса.

Международный валютный фонд подверг Китай критике за неверную расстановку приоритетов. В работе, озаглавленной «Стоит ли ставить телегу впереди лошади?», экономисты МВФ утверждают, что либерализация капитала – это менее важная задача, чем введение гибкого курса, который должен стать залогом свободного движения денежных потоков. Но китайские лидеры просто следуют завету Дэн Сяопина: открывать китайскую экономику – значит «переходить реку, нащупывая каждый камень». Осмотрительность и экспериментирование – вот ключевые слова их стратегии. В рамках недавнего ослабления контроля над передвижением капитала у китайских компаний появилась возможность покупать валюту для приобретения иностранных активов за границей, после чего начался бум зарубежных капиталовложений. Сегодня страховые компании получили право инвестировать свои страховые премии за границей, да и простые граждане могут вывозить больше иностранной валюты.

НОВИЧОК В ГРУППЕ

Нападки критиков на Пекин свидетельствуют: ныне мы имеем дело со страной, совсем не похожей на ту, которая за десять лет, предшествовавших ее вступлению в ВТО в 2001 году, настолько снизила та-

рифные барьеры, что оказалась самой незащищенной экономикой из развивающихся стран. К середине 2002-го Китай отменил или пересмотрел 2 600 актов и положений, не соответствовавших соглашению о его членстве в ВТО, и ввел в действие новые законы по таким вопросам, как, в частности, интеллектуальная собственность.

Пекин очень стремился вступить во Всемирную торговую организацию. С этой целью он принял условия, которые, как выразился Николас Ларди, специалист по Китаю из Института международной экономики, были «настолько обременительными, что шли вразрез с фундаментальными принципами ВТО». В этом смысле особенно показательно согласие Китая на то, чтобы другие члены организации рассматривали его как государство с «нерыночной экономикой». Этот ярлык означает, что странам, которые обвиняют Пекин в демпинге товаров (то есть в продаже по ценам ниже себестоимости), не нужно приводить в качестве доказательства реальные цены на китайском рынке. Достаточно суррогатных цен, действующих в Индии или в другой «рыночной», по оценкам ВТО, стране. По утверждению Американско-китайского совета предпринимателей, подобная схема в лучшем случае произвольна, а в худшем является вопиющей несправедливостью в отношении китайских экспортеров. В последнее время Китай обращался к отдельным торговым партнерам с просьбой отказаться от такого рода классификации, но пока лишь десяток из них дал согласие. США и Европейский союз оказались среди тех, кто сказал «нет».

Разногласия — неотъемлемая составляющая международной торговли, а Китай выступает здесь в роли неопытного новичка. За последние десять лет седьмая часть всех антидемпинговых расследований велась в отношении Поднебесной — больше, чем против любой другой страны мира. США серьезно занялись Китаем в 2004 году. Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов подали петицию о введении жестких тарифов на ввозимые из Китая товары, поскольку, по их мнению, нарушение прав работников дает Пекину несправедливые конкурентные преимущества и идет вразрез с торговым законодательством 1974 года. Согласно этому обращению, разница в цене между американскими и китайскими товарами — следствие низких зарплат и ущемления прав рабочих в КНР. К удивлению многих, администрация Буша отклонила петицию, сославшись на общий характер и недостаточную обоснованность содержащихся в ней обвинений, а также пре-

дупредив о возможных ответных шагах со стороны Китая. Тогдашний торговый представитель США Роберт Зеллик сказал, что, если бы петиция была пущена в ход, для Соединенных Штатов это обернулось бы экономической изоляцией.

Сегодня также ведутся активные споры о конкретных аспектах китайской торговой практики. 40 % мебели, которая продается в американских магазинах, изготавливается в Китае. В середине 2004-го в ответ на петицию 27 американских производителей мебели правительство заявило, что обложит антидемпинговыми пошлинами продукцию 135 китайских экспортеров, на которых приходится две трети поставляемой в США мебели для спален. Вашингтон разослал китайским экспортерам анкеты с вопросами относительно их ценовой политики. Товары откликнувшихся компаний были обложены пошлиной в 24 %, а не откликнувшихся – в 198 %. Пекин не остался в долгу: 120 китайских компаний пригрозили американской стороне исками. Это, возможно, подтолкнуло Министерство торговли США к понижению средней пошлины до 8,6 %.

Есть некая ирония в утверждениях о том, что низкая стоимость китайских товаров – результат нечестной торговой практики. Пристально изучив вопрос, приходишь к выводу, что в первую очередь это плоды конкуренции, развернувшейся после открытия экономики. Самый очевидный пример – китайская телевизионная промышленность. В рамках плановой экономики во многих провинциях и крупных городах действовали собственные производители телевизоров. С открытием экономики совокупное производство значительно превысило спрос, и развернулась жесточайшая конкуренция. Результатом стала изнурительная ценовая война. Она продолжалась десять лет, и уже на пятом году внутренние цены на цветные телевизоры упали на целых 80 %. Теперь победители гонки расплачиваются за успех: в начале 2004-го Вашингтон обложил антидемпинговыми пошлинами в размере до 78,5 % ввоз китайских телевизоров с диагональю экрана в 21 дюйм (ок. 54 см) и больше.

Если и существуют реальные проблемы в сфере торговой политики Пекина, то они связаны с выполнением им конкретных обязательств. Особенно болезненным вопросом остается беспредел в отношении прав интеллектуальной собственности (пиратство), из-за которого американский бизнес ежегодно теряет 2,5–4 млрд долларов. У Китая есть правильные законы, но нет серьезного желания искоренить контрафакцию в сфере патентов, торговых марок и ав-

торского права или даже прямое воровство брэндов и технологий со стороны собственных компаний. Корень проблемы — в системе наказания: денежные взыскания и тюремные сроки слишком невелики, чтобы эффективно повлиять на ситуацию. Фирмы-пираты воспринимают штрафы как еще одну статью расходов на бизнес. Если бы Китай действительно занялся этой проблемой, то снискал бы гораздо больше доверия при решении других торговых споров.

ТЕКСТИЛЬНЫЙ «ТИГР»

Последнее торговое сражение разыгралось 31 декабря 2004 года по истечении срока действия 30-летнего Соглашения по многоволоконным изделиям (*Multifiber Arrangement, MFA*), которое устанавливало квоты на экспорт для стран-производителей текстиля. Соглашение не позволяло ни одной из них стать единоличным лидером в глобальной торговле текстилем. В 2003-м Китай доминировал на мировом текстильном рынке с долей, составившей 17 %. По прогнозам ВТО, с отменой квот этот показатель может вырасти к 2007 году до 50 %.

Что дает основания считать, что конкурентоспособность КНР в этой сфере много выше, чем других стран? Во-первых, он уже более двадцати лет реформирует свою текстильную индустрию. Когда в 1980-х начался процесс открытия китайской экономики, гонконгские компании — производители одежды перенесли производство на материковую часть — в город Шеньжень, расположенный в пределах одного паромного переезда. Их примеру последовали компании Тайваня, а за ними — Японии и Южной Кореи. По закону зарубежные инвесторы обязаны были вступать в совместные предприятия с китайскими компаниями, в большинстве своем принадлежавшими государству. К середине 1990-х годов Китай превратился в крупнейшего мирового экспортера текстиля, но избыток выпускаемой продукции представлял для него серьезную проблему. В течение трех лет было остановлено почти десять миллионов станков и более миллиона человек остались без работы. Мощная конкуренция за выход на быстро развивающиеся экспортные рынки между государственными, частными и созданными с привлечением иностранного капитала компаниями имела огромный экономический эффект. По подсчетам Китайской торговой палаты по импорту и экспорту текстиля, только за последние два года местные производители вложили 25 млрд долларов в переоснащение и модернизацию

Как китайский текстиль разделил Европу

Лето-2005 отмечено одним из самых острых за последнее время внешнеэкономических конфликтов в единой Европе – торговой войной, связанной с импортом текстильной продукции из Китая. Самое интересное, что «воевали» не столько Брюссель и Пекин, сколько Комиссия Европейского союза (КЕС), с одной стороны, и страны – члены ЕС – с другой.

Евросоюз является самым крупным мировым экспортером текстильной продукции (15 % рынка) и вторым (после Китая) экспортером одежды из текстиля (11 %). Одновременно ЕС – это и второй (после США) импортер текстиля и текстильной продукции (20 % рынка сбыта).

1 января 2005 года истек срок действия Соглашения по текстилю и одежде в рамках Всемирной торговой организации. С этого момента все члены ВТО получили право неограниченного доступа к рынкам Европы и Северной Америки. Рост объемов вывоза за границу китайской текстильной продукции в страны Евросоюза незамедлительно составил по разным категориям от 51 % до 534 %.

За считанные месяцы объем экспорта китайских футболок и брюк на европейском рынке достиг таких масштабов, что 9 марта Ассоциация европейских производителей текстиля (*EURATEX*) обратилась в Брюссель за помощью. Одно из положений протокола о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию (2001) предусматривало, что до 2008-го члены ВТО имеют право ввести временные меры для защиты национальных производителей, если после 1 января 2005 года объемы китайского экспорта «возрастут многократно». В связи с этим *EURATEX* перечислила семь из имеющихся 12 категорий текстиля и продукции из него. Комиссия Европейского союза со своей стороны указала еще на две категории товаров, подпадающих под такое определение. Расследование было начато в отношении футболок, пуловеров, блузок, чулок (носок), мужских брюк, женских пальто, бюстгальтеров, пряжи (из льна и китайской крапивы) и льняной рогожки.

КЕС затребовала у стран-членов статистику об импорте этих видов китайской продукции в первом квартале-2005. Такие данные были получены только через полтора месяца: ряд европейских стран, являющихся крупными нетто-импортерами, не заинтересованы в том, чтобы Еврокомиссия обладала реальной информацией об объемах поставок.

24 апреля комиссар ЕС по торговле Питер Манделсон запросил у Коллегии КЕС мандат на подготовку директив (решение Еврокомиссии обязательно к немедленному исполнению) для стран-членов об ограничениях на импорт китайской продукции: «Мы не можем стоять и смотреть, как исчезает европейская текстильная промышленность».

9 июня КЕС инициировала формальные консультации с КНР, и уже на следующий день в Шанхае было объявлено о компромиссе. Суть его состояла в определении максимальных размеров (в процентах) роста экспорта китайской текстильной продукции в страны Европейского союза исходя из совокупных объемов за период с марта 2004 по апрель 2005 года. Расчеты были произведены отдельно для второй половины 2005-го, для 2006 и 2007 годов.

Однако объем экспорта, например, пуловеров превысил согласованные нормы на текущий год уже к 26 июля (за первый квартал-2005 экспорт данного вида продукции в ЕС из Китая вырос на 530 %). К 6 августа исчерпаны и объемы экс-

порта брюк. Связано это было с тем, что в период между подписанием европейско-китайского меморандума (10 июня) и принятием Еврокомиссией предписания о количественных ограничениях на ввоз китайского текстиля (8 июля) импортеры резко увеличили объемы закупок.

Месячная задержка была вызвана внутренним кризисом в Европейском союзе. И дело не только в том, что после провала Конституционного договора для Европы на референдумах во Франции и Нидерландах руководящие органы стран – членов Евросоюза были погружены в политические дебаты. Немаловажно то, что они не упустили возможность в очередной раз поставить КЕС на место, указав, кто на самом деле определяет действия ЕС на международной арене (страны-члены, а не центральная администрация). Свою роль сыграло и неоднозначное отношение к личности комиссара по торговле, который уже успел испортить отношения с США (публичный конфликт по поводу господдержки компаний *Boeing* и *Airbus*).

9 августа Манделсон пообещал отпустить с таможенных складов все товары, отгруженные до 11 июля. Он подчеркнул, что поведение импортеров создало Еврокомиссии «колоссальные трудности», однако она будет искать «достаточно гибкое решение» относительно брюк и пуловеров, отгруженных после 11 июля. Вслед за этим на таможенных складах было задержано 50 миллионов штук китайских пуловеров и 17 миллионов пар брюк. Вскоре выяснилось, что лимиты выбраны и по ряду других категорий, на складах застряли товары порядка 3 миллионов бюстгалтеров, 2 миллионов футболок и 500 тысяч блузок. С первых чисел августа начался сезон отпусков, и вопрос повис в воздухе до начала сентября. Все запросы со стороны КЕС в адрес стран – членов Европейского союза относительно дополнительных полномочий по урегулированию ситуации оставались без ответа.

29 августа Манделсон назвал недопустимой ситуацию, при которой европейские импортеры и продавцы одежды несут убытки, и призвал страны – члены Евросоюза согласиться на очередное компромиссное решение. В первую очередь призыв был адресован правительствам Франции, Греции, Испании, Италии и Португалии – государств, являющихся наиболее крупными производителями текстильных товаров в Европейском союзе.

Несмотря на отсутствие формальной поддержки со стороны стран-членов, уже 5 сентября на саммите ЕС – КНР в Пекине было достигнуто новое соглашение по заблокированным в европейских портах товарам. В соответствии с ним все задержанные пуловеры, брюки и бюстгалтеры отгружались торговым организациям в странах-членах Евросоюза. Относительно соблюдения квот, установленных меморандумом от 10 июня, решено, что половина заблокированных товаров выпускается на европейский рынок помимо ограничений, а допуск на рынок второй половины будет компенсирован (вычтен) из квот-2006 или за счет еще не полностью выбранных категорий – например, хлопчатобумажной ткани. Последнее стало условием согласия со стороны Франции и Италии, наиболее активно проявлявших протекционистское упорство. Наконец, 7 сентября страны-члены одобрили достигнутый компромисс.

В текстильном конфликте отразились самые важные проблемы Европейского союза – слабая конкурентоспособность европейской экономики и острая политическая борьба между наднациональным органом (КЕС) и странами-членами. Одновременно этот конфликт продемонстрировал, что ЕС, публично отстаивающий принципы свободы торговли и требующий от внешних партнеров их соблюдения, легко прибегает к жесткой протекционистской политике, когда конкуренция затрагивает его интересы.

своих мощностей. У КНР есть дополнительные преимущества перед другими странами с дешевым производством: дисциплинированная и высококвалифицированная рабочая сила и выработка собственных натуральных и синтетических волокон. Текстильная индустрия стала в Китае первой отраслью, в которой впервые был задействован Интернет для заключения сделок в режиме онлайн.

Сегодня в КНР 30 тысяч экспортеров текстиля. На долю частных компаний и компаний с участием иностранного капитала приходится около четырех пятых текстильного экспорта. Едва ли найдется более действенный метод, чем применяемый в Китае комплексный подход, при котором интегрированные фабрики, постоянно обеспеченные сырьем, осуществляют прядение, ткачество, окраску, крой и пошив. К тому же такие фабрики имеют дополнительное преимущество в виде доступа к эффективной транспортной сети. В сфере, где победить — значит поставить лучший товар в кратчайшие сроки, Китай, как правило, обходит конкурентов и по качеству, и по скорости. А теперь, с падением курса доллара, Таиланду и Южной Корее трудно соперничать с Китаем и по цене.

Окончание срока действия *MFA* затронуло все страны — производители текстиля, и сегодня они пытаются защититься от предсказанного наступления китайского товара. Но их опасения преувеличены, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Хотя ВТО и предсказывает, что к 2007-му Пекин будет контролировать половину мирового рынка, но этот прогноз вряд ли сбудется из-за ограничений, введенных самой Всемирной торговой организацией. В качестве платы за вступление Китай предоставил остальным странам — членам ВТО право ввести «протекционистское ограничение», призванное удержать ежегодный рост китайского текстильного импорта на уровне 7,5 %. Ограничение будет действовать до конца 2008 года. Некоторые оговоренные в *MFA* квоты на отдельные виды товаров, такие, как купальные халаты, бюстгальтеры и трикотаж, были отменены в 2002-м, но вскоре Министерство торговли США установило «протекционистские» лимиты в связи с жалобами американских производителей на то, что обилие китайских товаров подрывает американский рынок.

Еще до истечения срока действия *MFA* администрация Буша решила принять жесткие меры, чтобы ограничить ожидаемый приток китайской текстильной продукции. Незадолго до президентских выборов в ноябре прошлого года заместитель министра торговли заявил,

что введение защитных квот может быть продиктовано угрозой подрыва рынка, а не только являться его следствием. Американские производители текстиля не замедлили выступить с девятью петициями, «связанными с существующей угрозой» и направленными на ограничение ввоза брюк, сорочек и нижнего белья. В качестве ответного удара американские импортеры текстиля подали иск в Суд США по вопросам международной торговли. В конце декабря 2004 года этот суд вынес временное постановление, запрещающее администрации рассматривать петиции, поскольку речь в них шла не более чем об угрозе. Между тем одно только предложение Вашингтона обусловить введение защитных мер не реальным, а возможным подрывом рынка привело к эскалации борьбы за первенство на мировом текстильном рынке и вызвало гнев китайцев, обвиняющих Соединенные Штаты в нарушении принципов свободной торговли.

Пекин прекрасно знает, что другие страны в ужасе ожидают «пришествия» китайского текстиля. Он уже пробовал уменьшить напряжение, введя собственный налог в размере от 2 до 6 центов на экспорт пальто, юбок, сорочек, пижам и нижнего белья. Хотя многие зарубежные обозреватели сочли этот шаг чисто формальным жестом, призванным успокоить критиков, результаты его будут весьма заметны, так как налог распространяется на 60 % всей экспортируемой Китаем одежды. В КНР существуют тысячи мелких производителей текстильной продукции с низкой добавленной стоимостью (то есть стоимостью, добавленной в результате обработки. — **Ред.**). Экспортируя значительные объемы дешевых товаров, они получают скромные 3 % дохода, а то и меньше. Из-за нового налога многие из них потеряют большую часть прибыли или лишатся ее вовсе. Но этот факт вряд ли повлияет на поведение лидеров других стран, испытывающих огромное давление в пользу расширения системы квот любыми средствами. С другой стороны, Китай не может обвинять другие страны в том, что те применяют защитные ограничения, поскольку, соглашаясь на эту меру, понимал, к чему она приведет.

В данное время идет настоящая война за статус мирового поставщика хлопчатобумажных брюк, сорочек и белья — текстильных товаров с низкой добавленной стоимостью. Но было бы ошибкой считать, что в ней участвуют только две стороны — США и КНР. В самой Америке производители текстиля при поддержке правительства сражаются с импортерами китайской продукции. Каждый лагерь приводит доводы в защиту своей позиции. Производители указывают

на то, что в январе 2005 года импорт китайских брюк и сорочек вырос в пределах от 249 до 1 081 %. Импортёры ссылаются на данные, согласно которым общий объем экспорта китайского текстиля повысился за тот же период всего на 28 %. По словам импортёров, апеллируя к огромным показателям роста, производители на самом деле преувеличивают их значение, поскольку до нынешнего года квота на ввоз хлопчатобумажных изделий была исключительно низкой (3 %). Они утверждают также, что истинную картину отражает лишь совокупный рост текстильного импорта после окончания действия квоты. Реальная ситуация заключается в том, что импорт одежды из Китая вырос на 28 %, а из Иордании – на 69 %; объем экспорта из небольших центральноамериканских стран – Гватемалы, Гондураса и Сальвадора, которые, по прогнозам, должны были стать первыми жертвами китайского наступления, – увеличился на 20 %, а то и больше.

Одновременно в Поднебесной между 30 тысячами экспортёров текстиля идет другая битва. За последние пять лет конкуренция уже привела к 30-процентному снижению его средней стоимости. Компании, не имеющие финансирования или надежных поставок сырья, оказались в уязвимом положении, равно как и некрупные фирмы, которым труднее реагировать на изменения рынка и не всегда по карману новые вывозные пошлины. Один китайский экспортёр с большим опытом предсказывает, что половина мелких компаний с объемом экспорта 1 млн долларов и менее пойдут ко дну. Крупные китайские экспортёры также жалуются на то, что американские компании, занимающиеся розничной торговлей одеждой, отменяют долгосрочные заказы, опасаясь повторного введения квот на эту китайскую продукцию. В марте один из ведущих китайских экспортёров – компания *Guangdong Textiles Import and Export Group* сообщила, что из-за отмены заказов ее экспорт в США в прошлом году вырос всего на 3 %.

5 апреля 2005 года администрация Буша начала нешуточную атаку на китайский импорт. Ее межведомственный Комитет по реализации текстильных соглашений решил не дожидаться, пока представители текстильной индустрии подадут петицию о защите. Впервые в истории администрация сама инициировала защитные меры против Китая в рамках соглашения с ВТО. Цель кабинета – выяснить, наносит ли ущерб американскому рынку «значительное увеличение импорта» китайских хлопчатобумажных брюк (на 1 500 %), трикотажных сорочек и блузок (на 1 250 %) и хлопчатобумажного и син-

тетического белья (на 300 %). Хотя это лишь предварительные показатели за первый квартал 2005-го, администрация уверена, что с их помощью ей удастся доказать факт подрыва рынка и, следовательно, необходимость введения квот. Как сказал министр торговли Карлос Гутьеррес, «свободная торговля должна быть справедливой, и мы будем добиваться того, чтобы американские производители и рабочие могли соревноваться с другими странами в равной конкурентной борьбе». Ирония ситуации состоит в том, что в конечном итоге защищены будут не столько американские производители и рабочие, сколько другие страны — экспортеры текстиля, которые мгновенно заполняют любые ниши, оставленные китайцами.

СЕРЬЕЗНОЕ НЕДОВОЛЬСТВО ИЛИ ТОРГОВАЯ ВОЙНА?

Подобные столкновения происходят одновременно с ростом беспокойства по поводу усиления экономического влияния Китая в мире. Чтобы обеспечить себя природными ресурсами, Пекин выработал стратегию «бизнес без границ», согласно которой он предпочитает иметь дело непосредственно с теми или иными источниками сырья, вместо того чтобы полагаться на мировой рынок. Сегодня китайским компаниям разрешено напрямую инвестировать в развитие зарубежных производителей, объединяя тем самым производства с целью обеспечить наличие необходимого им сырья. За последнее время Пекин подписал договоренности, позволяющие ему инвестировать в производственные мощности Алжира, Канады, Габона и Судана (нефть), Ирана и Саудовской Аравии (природный газ), Австралии, Бразилии, Ямайки, Папуа — Новой Гвинеи, Перу и Замбии (горная промышленность). Есть информация, что КНР пытается приобрести *Noranda* — крупнейшую горно-добывающую компанию Канады — за 5,5 млрд долларов.

Недавно крупнейший китайский производитель компьютеров компания *Lenovo Group* приобрела подразделение корпорации *IBM* по производству персональных компьютеров. Этот факт иллюстрирует еще один аспект политики, осуществляемой Пекином по принципу «бизнес без границ»: китайцы должны осваивать навыки, требующиеся для управления компанией глобального уровня, причем при необходимости следует купить в этих целях процветающую межнациональную корпорацию, такую, как *IBM*. Подобный шаг является также способом быстро повысить узнаваемость брэнда в мире, что до

сих пор является проблемой для китайских компаний. Сделка оказала огромное психологическое воздействие на американцев — ведь *IBM* была символом американского бизнеса на протяжении полувека. Хотя продажа, судя по всему, не подразумевает объемной передачи Китаю новых технологий, а производство персональных компьютеров уже не приносило *IBM* доходов, американские политики, опасаящиеся перспективы получения Китаем контроля над стратегическими активами и технологиями, отнеслись к сделке настороженно. (Однако вашингтонский Комитет по зарубежным инвестициям в США постановил, что в данном случае эти опасения безосновательны, и дал добро на продолжение процесса продажи.) Сделка между *IBM* и *Lenovo Group* стоимостью 1,76 млрд долларов — это лишь один из растущего числа договоров о приобретении американского бизнеса китайскими компаниями. В 2003 году китайцы потратили на покупку иностранных компаний почти 3 млрд долларов, в 2004-м — 7 млрд, а прогноз на 2005 год составляет 14 млрд долларов.

Вашингтон тоже озабочен состоянием общего баланса сил в Восточной Азии. И Китай, и Япония все настойчивее наращивают свое влияние, Тайвань же оказался в эпицентре усиливающейся напряженности. Токио усугубил и без того беспокойную обстановку, вслед за Вашингтоном возведя тайваньский вопрос в ранг стратегического. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао возразил на это, что «решение тайваньского вопроса — дело сугубо внутреннее, не терпящее никакого внешнего вмешательства». Президент Буш решительно отреагировал на данное заявление, предупредив европейских лидеров о том, что снятие эмбарго ЕС на поставку оружия в КНР «может изменить баланс отношений между Китаем и Тайванем».

В ходе недавнего визита в регион госсекретарь Кондолиза Райс неоднократно повторила позицию США по этим вопросам и от лица Вашингтона выразила огорчение в связи с тем, что Китаю не удалось убедить Северную Корею возобновить шестисторонние переговоры о ее ядерном оружии. Суть и стиль прямолинейных заявлений Райс были встречены без особого восторга в этом регионе, где нельзя уронить достоинство и где открытая конфронтация мало способствует взаимопониманию. В условиях усиливающейся интеграции мирового сообщества подобные коллизии станут еще более частым явлением. Чтобы избежать тотальной торговой войны, американский орел и китайский дракон должны научиться уважать противоположные мнения и искать точки соприкосновения при разрешении споров.

Китай в поисках стабильных отношений с Америкой

Ван Цзисы

ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

На сегодняшний день Соединенные Штаты — единственная держава, способная и стремящаяся к мировому первенству, и она еще долго будет оставаться таковой. Из этого следует, что Америка в состоянии оказывать на Китай максимальное стратегическое давление. Хотя в последние годы Пекин не рассматривает Вашингтон как противника и не критикует его за «гегемонизм» (этим словом, имеющим негативную коннотацию, в КНР обозначается американское первенство), многие китайцы до сих пор считают США одной из главных угроз безопасности и внутренней стабильности своей страны. Однако Соединенные Штаты остаются признанным мировым лидером в области экономики, образования, культуры, технологии и науки, и ради успеха модернизации Китай должен поддерживать с США тесные отношения. В условиях, когда на передний план вышли вопросы экономического благосостояния и социальной стабильности, партнерское сотрудничество с Вашингтоном действительно имеет для Пекина первостепенное значение.

К счастью, Америка тоже заинтересована в расширении сотрудничества с Пекином — особенно после событий 11 сентября. Поддержка со стороны Китая на таких направлениях, как борьба с тер-

Ван Цзисы — декан факультета международных исследований Пекинского университета, директор Института международных стратегических исследований при Центральной партийной школе (ЦПШ) КПК. Данное эссе — расширенная и переработанная версия статьи, опубликованной в журнале ЦПШ «Чжунго данчжэн ганьбу луньтань» («Трибуна кадровых работников партийной политики Китая»). Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 5 (сентябрь — октябрь) за 2005 год. © 2005

рором и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), восстановление Ирака и поддержание стабильности на Ближнем Востоке, теперь необходима Соединенным Штатам. Кроме того, Вашингтон все больше также начинает стремиться к торговому и финансовому сотрудничеству с Пекином, несмотря на растущие разногласия по вопросам, связанным с валютным курсом, правами интеллектуальной собственности и торговлей текстилем. Хотя возможности дальнейшего укрепления связей между обеими странами еще не исчерпаны, основа стабильности их отношений, сформировавшаяся после 11 сентября, обещает оказаться достаточно устойчивой. По крайней мере в течение следующих нескольких лет Вашингтон не будет видеть в Пекине особо серьезную угрозу номер один, а Китай станет избегать конфронтации с Соединенными Штатами.

ОДИНОКАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

Чтобы понять, какие силы влияют на американо-китайские отношения, нужно сначала осознать, в чем заключается суть американского могущества и нынешней глобальной стратегии Вашингтона. Как считают по этому поводу в Китае, закат американского превосходства и переход к многополярному миру в долгосрочной перспективе неизбежен, но в ближайшем будущем влияние Вашингтона и его позиции на международной арене, скорее всего, сохранятся. Необходимо учитывать, что США по-прежнему лидируют среди развитых стран в том, что касается экономического роста, новых технологий, эффективности производства, научно-исследовательской деятельности, а также умения развивать и использовать способности человека.

Несмотря на серьезные проблемы, такие, как растущий торговый и бюджетный дефицит, нелегальная иммиграция, несовершенная система здравоохранения, высокий уровень преступности, существенное неравенство доходов, упадок в системе образования и глубокий раскол в электорате, Америка остается страной со здоровой экономикой. В 2004 году ее ВВП вырос на 4,4 %, а в текущем году он составит, согласно прогнозам, 3,5 %, что намного превышает соответствующие показатели по еврозоне (2,0 % и 1,6 %). Если в стране не случится резкий экономический спад, доля Америки в мировой экономике в будущем, скорее всего, возрастет.

Возрастают и многие другие показатели «жесткой силы» Соединенных Штатов. Например, в последние годы значительно увеличился оборонный бюджет США. В 2004-м он достиг 437 млрд дол-

Китайские офицеры Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития, 1858 год

ларов, или около половины всех военных затрат в мире. Причем доля бюджета, выраженная в процентах от ВВП, оказалась даже меньше, чем в годы холодной войны.

Тот факт, что потенциальные соперники Америки, такие, как Европейский союз, Россия и Япония, обременены внутренними проблемами и потому вряд ли составят ей серьезную конкуренцию в ближайшем будущем, способствует дальнейшему наращиванию превосходства Соединенных Штатов. Очевидно, Америка еще долго будет доминировать, имея достаточно «жесткой силы» для поддержки своей напористой дипломатической и военной политики.

С точки зрения Китая, в 2001 году США получили дополнительные геополитические преимущества благодаря победе в войне

в Афганистане. Теперь Америка обеспечила себя военно-политическим и экономическим плацдармом в Центральной Азии и усилила свое военное присутствие в Юго-Восточной Азии, в районе Персидского залива и на Аравийском полуострове. Эти шаги были частью глобальной стратегии безопасности, которая может быть образно представлена как одно ядро, состоящее из двух сердцевин. Ядро — это борьба с террором. Обеспечение безопасности на Ближнем Востоке и предотвращение распространения ОМУ — сердцевинны.

Большой Ближний Восток, простирающийся от Кашмира до Марокко и от Красного моря до Кавказского хребта, — жизненно важный для Америки регион. Здесь имеются богатые запасы нефти и газа, здесь же бушуют этнические и религиозные конфликты, и отсюда распространяется международный терроризм. Страны этого региона политически нестабильны, и, как показали события 11 сентября, царящий в них хаос может напрямую отразиться на США.

В сфере нераспространения основное беспокойство Вашингтона вызывают Иран и Северная Корея — страны, стремящиеся заполучить ядерные технологии и давно уже враждебно настроенные по отношению к США. Для решения этих проблем Америка осуществила в 2004-м крупнейшую со времен Второй мировой войны передислокацию своих зарубежных военных контингентов.

АБСОЛЮТНАЯ НЕУЯЗВИМОСТЬ?

Америку, несмотря на все ее преимущества, нельзя считать полностью неуязвимой. Война в Ираке, к примеру, обернулась такой международной изоляцией, какой Вашингтон не подвергался с начала холодной войны. Это вторжение встретило осуждение людей по всему миру и столкнулось с открытым неприятием со стороны большинства правительств. Вашингтон поссорился со многими традиционными союзниками, такими, как Париж и Берлин, которые отказались принять участие в военной операции. Еще более резко усилилась напряженность в отношениях с исламскими странами, особенно в арабском мире.

С тех пор масштабы вооруженного противостояния американской оккупации в Ираке превысили ожидаемый администрацией уровень. Тем временем вскрывшиеся факты издевательств американских военнослужащих над заключенными в иракских и других тюрьмах обесценили американскую риторику в защиту прав челове-

ка и нанесли новый удар по репутации США в мире. Америка утратила часть своей «мягкой силы» — способности косвенно влиять на действия других государств. Сегодня она сталкивается с конкуренцией и несогласием Европы, Японии и России по многим вопросам, связанным с экономикой и развитием; имеют место и споры о контроле над вооружениями, о региональной политике, о роли ООН и других международных организаций.

И все же единодушные, установившееся между этими странами и США в сфере идеологии и стратегических интересов, преобладает над их разногласиями. Модель взаимодействия и сотрудничества основных мировых держав, институционализируемая в качестве «большой восьмерки» (группа ведущих промышленно развитых стран мира), уже сформировалась и вряд ли претерпит значительные изменения в ближайшие 5–10 лет. Несомненно, некоторые противоречия между США, с одной стороны, и Европейским союзом, Японией, Россией и прочими странами — с другой, со временем наверняка усугубятся, и Вашингтону придется периодически иметь дело с согласованным противодействием Франции, Германии и России, как это случилось во время войны в Ираке. Однако едва ли можно ожидать возникновения в будущем устойчивого объединения, призванного противостоять Вашингтону.

Тем временем многие развивающиеся страны демонстрируют более высокие темпы роста, чем государства индустриального мира, и их роль на мировой арене возросла благодаря наращиванию ими своих потенциалов и согласованию подходов к основным международным вопросам. Тем не менее зажиточные страны, и особенно США, по-прежнему занимают ведущие позиции в ООН, Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирном банке, Международном валютном фонде (МВФ) и других глобальных институтах. Более того, они продолжают поддерживать нынешний международный порядок и законы, которые служат их интересам в сфере экономики и безопасности.

Все эти перемены предоставляют Китаю новые, пусть и ограниченные, возможности для маневра. До тех пор пока имидж Вашингтона не улучшится, Пекин будет располагать более значительными рычагами в многосторонних структурах. Однако бросить вызов непосредственно мировому порядку и находящимся под покровительством Запада институтам было бы безрассудством. И подобный сценарий, конечно же, едва ли реален.

В ФОКУСЕ – АЗИЯ

Непосредственный контакт США и Китая, способный привести к крупному конфликту интересов или к подлинному сотрудничеству (либо к тому и другому одновременно), наиболее вероятен в Азии и Тихоокеанском регионе. Поэтому, чтобы предугадать направление развития отношений между нашими странами, необходимо тщательно проанализировать соотношение сил в этой части света. Из всех недавних событий в Азии подъем Китая привлекает сегодня наибольшее внимание. Но одновременно происходит ряд других важных изменений.

Благодаря внутренним реформам Япония оправилась от застоя 1990-х и укрепляет свой статус наиболее мощной экономики Северо-Восточной Азии. Тем временем индийская экономика растет высокими темпами; Дели стремится к сближению с Исламабадом и улучшил отношения с Вашингтоном и Пекином. В России также отмечается быстрый экономический рост, во многом обусловленный скачком мировых цен на энергоносители. Под влиянием этих и других сил происходит дипломатическое сближение большинства стран Азиатско-Тихоокеанского региона и ускорение экономического сотрудничества в Восточной Азии. Но при этом по-прежнему сохраняются две вызывающие тревогу проблемы в сфере безопасности: северокорейская ядерная программа и тайваньский вопрос.

Из всех стран региона Япония оказывает наибольшее воздействие на китайско-американские отношения. Со времени окончания холодной войны американо-японский альянс в области безопасности не только не ослаб (на что в свое время надеялся Пекин), но и, напротив, усилился. В отличие от других традиционных союзников Америки Токио направил свои войска для поддержки оккупации Ирака и оказывает существенную помощь в восстановлении Афганистана и Ирака. В ответ Вашингтон высоко оценил международную роль Японии и поддержал (по крайней мере, дипломатически) ее стремление стать постоянным членом Совета Безопасности ООН. Вопрос о вероятном конфликте между двумя союзниками, который в свое время активно обсуждался в средствах массовой информации, сегодня, похоже, снят с повестки дня.

Что же касается японско-китайских связей, то они, наоборот, серьезно ослабли. Недавняя серия вызвавших раздражение инцидентов осложнила отношения, которые и без того напряжены вследствие повторяющихся визитов японского премьер-министра Дзюньи-

Взятие Пекина

в 1900 году, французскими и английскими войсками

Московский листок, 1900 год

тиро Коидзуми в храм Ясукуни (где покоится прах японцев, погибших во Вторую мировую войну, и в том числе ряда военных преступников). Речь идет об инцидентах, связанных с непреднамеренным заходом китайской субмарины в японские территориальные воды в ноябре 2004 года, визитом в Японию в январе 2004-го бывшего президента Тайваня и активиста движения за независимость Ли Дэнхуэя, непрекращающимся изданием в Японии учебников, затушевывающих правду о зверствах японцев в период Второй мировой войны, и антияпонскими демонстрациями в некоторых крупных китайских городах весной нынешнего года. Как показывают эти события, исторические конфликты между Китаем и Японией и взаимная антипатия обоих народов легко могут перерасти в политические проблемы. При отсутствии осторожного подхода к этим вопросам они грозят обернуться серьезными кризисами. Америка могла бы способствовать сближению между Китаем и Японией, но предпочла стратегию, направленную на их разобщение. Пекин опасается, что консолидация американо-японского альянса осуществляется за его счет и связана с общей озабоченностью союзников растущей мощью Китая. По мере того как теория «китайской угрозы» набирает сторонников в Японии, правые становятся более активными и все чаще апеллируют к Америке как к своей защитнице. Токио также использует содействие США для обмена с Тайванем данными военной разведки. Больше того, японские правые перестали избегать нанесения обид Пекину и инициировали сближение с тайбэйскими сторонниками отделения. Кроме того, Япония воздерживается от позитивной реакции на тот факт, что Китай является спонсором укрепления институциональной основы экономического сотрудничества в Восточной Азии. Это говорит о том, что Токио опасается роста китайского влияния в регионе и не хочет поддерживать попытки создания местных структур, исключаящих американское участие. Сторонники жесткой линии в Вашингтоне, возможно, думают, что США выгодно охлаждение отношений между Китаем и Японией. Но в долгосрочной перспективе этот конфликт не принесет пользы никому, поскольку может нарушить устойчивость существующих в Азии договоренностей по вопросам экономики и безопасности, многие из которых отвечают американским интересам.

Ядерная программа Северной Кореи является приоритетной проблемой китайско-американских отношений в сфере международной безопасности. Здесь у администрации Буша есть только

один путь: действовать осторожно, используя шестисторонние переговоры как средство оказания давления на Пхеньян и полагаясь на различные механизмы (в частности, финансируемая Соединенными Штатами Инициатива по безопасности в борьбе с распространением ОМУ), призванные остановить экспорт из КНДР ядерных материалов или технологий.

Китай по-своему пытается убедить Северную Корею отказаться от разработки ядерной программы, но он пока не поддерживает такие меры в отношении Пхеньяна, как многосторонние санкции или блокада. Если однажды Пхеньян открыто и недвусмысленно продемонстрирует, что обладает ядерным оружием, это станет провалом политики США, Китая, Южной Кореи, Японии и России, выступающих за безъядерный Корейский полуостров. В таком случае Вашингтон сможет призвать к гораздо более жестким мерам против Северной Кореи, что усилит разногласия и в значительной мере свяжет Пекину руки. Подобный ход событий грозит новыми трениями между Китаем и США и серьезными испытаниями для их отношений. Если же, с другой стороны, шестисторонние переговоры возобновятся, то это, вероятно, ослабит напряженность между США и Северной Кореей и обеспечит более благосклонное восприятие роли Китая. Если такое произойдет, вовлеченные в переговорный процесс страны могут даже рассмотреть возможность расширения шестистороннего механизма до постоянной организации по поддержанию безопасности в Северо-Восточной Азии, что было бы положительно встречено Пекином и пошло бы на пользу всем заинтересованным государствам. Но в нынешних обстоятельствах вероятность подобного шага довольно мала. Скорее всего, напряженность между Вашингтоном и Пхеньяном сохранится, хотя и не перерастет в войну.

На фоне в общем стабильных политических отношений Пекина и Вашингтона и расширения торгово-экономических связей между нашими странами основным источником беспокойства остается Тайвань. Война из-за Тайваня между Америкой и Китаем обернется кошмаром, и обе стороны приложат серьезные усилия к тому, чтобы ее избежать. Несмотря на все разногласия, ни у одной из сторон нет никаких оснований прибегать к силовому решению проблемы. И все же ряд деятелей на Тайване, преследующих собственные интересы и получающих поддержку извне — в первую очередь от представителей американской оборонной сферы и некоторых конгрессменов, — продолжают настаивать на обретении независимости,

Китай может стать крупнейшим мировым экспортером к 2010 году

Через пять лет Китай может догнать США и Германию по объему экспорта и стать крупнейшим экспортером мира. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к этому времени доля китайских товаров и услуг в мировой торговле может составить 10 % (на сегодняшний день – 6 %).

В своем первом **Обзоре экономики Китая** ОЭСР утверждает: в последние два десятилетия темпы экономического роста в Китае превышают в среднем 9 % в год, и нет никаких признаков их замедления. Хотя динамика экономического развития и способствовала сокращению числа китайцев, живущих в абсолютной нищете, но уровень доходов все еще низок. Возрастают и показатели имущественного неравенства, причем не только между городом и деревней (средний доход жителей сельской местности составляет всего одну треть от среднего дохода горожан), но также и в пределах более благополучных прибрежных областей.

Чтобы сократить разницу в доходах, властям следует облегчить гражданам переезд из деревни в город. При этом процесс урбанизации нуждается в тщательном регулировании. Необходимо сократить связанные с миграцией юридические ограничения и изменить земельное законодательство. Финансирование со стороны государства следует осуществлять в соответствии с потребностями быстро растущего городского населения в образовании и услугах здравоохранения, поскольку местным властям не всегда удастся обеспечивать рост доходов. Кроме того, необходимо более эффективное проведение в жизнь законов, направленных против загрязнения окружающей среды.

Вследствие глубоких сдвигов во внутренней политике частный сектор является локомотивом поразительно резкого экономического роста в Китае. Част-

ные предприятия производят много более половины китайского ВВП. Тем не менее деловой климат нуждается в дальнейшем улучшении. Например, размер начального капитала, необходимого для того, чтобы открыть собственное дело, остается относительно велик. Важными приоритетами должны стать такие задачи, как пересмотр закона о частных предприятиях, принятие нового закона о банкротстве и более решительная защита прав собственности.

Требуется дальнейшее реформирование финансовой системы, в которой по-прежнему преобладают государственные банки. Реформы, направленные на снятие бремени невозвратных кредитов, накопленных банками, дорого обойдутся государственному бюджету, однако они вполне реальны, особенно если учесть, что, благодаря экономическому росту, этот долг теперь составляет менее 30 % ВВП по сравнению почти с 50 % в 1999 году. Вместе с тем авторы обзора предупреждают, что без ужесточения контроля над частным сектором здоровье банковской системы Китая может оказаться под угрозой.

Более эффективное размещение капитала – это ключ к устойчивому росту. Компаниям нужно облегчить доступ к фондовому рынку и рынку облигаций как действенному инструменту привлечения средств. Продажа акций, принадлежащих государству, позволит улучшить управление зарегистрированными компаниями, да и рынок промышленных облигаций, составляющий менее 1 % ВВП, также выиграл бы от ослабления государственного контроля.

В докладе утверждается, что более гибкий обменный курс китайской валюты уменьшил бы колебания цен и стабилизировал бы макроэкономические показатели. Решение о ревальвации юаня, принятое в июле 2005-го, а также отказ от привязки его обменного курса к доллару США в пользу ограниченных колебаний последнего по отношению к основной корзине валют явились шагом в правильном направлении.

Финансовая система Китая находится в хорошем состоянии: дефицит бюджета в 2004 году упал ниже 1 % ВВП, а государственный долг стабилизировался в районе 23 %. Но государственные расходы на здравоохранение и образование следует увеличить. Важно продолжать работу над реформированием пенсионной системы – ведь в следующие два десятилетия население Китая резко «постареет». Авторы обзора рекомендуют принять такие меры, как повышение пенсионного возраста, расширение охвата пенсионной системы и обеспечение действия пенсионного права на всей территории страны.

не считаясь с мнением большинства тайваньцев. Вставая на сторону таких сепаратистов, американцы совершают ошибку. В случае конфликта ответственность ляжет именно на них.

Китай считает статус Тайваня внутренним вопросом. Однако Пекин сможет обуздать сепаратистские силы на острове, только если его линия в отношении США будет скоординирована с его политикой на тайваньском направлении. Хотя Америка была недовольна принятием в Китае в марте 2005 года Закона против сецессии, вашингтонские политики неоднократно высказывались против предоставления острову независимости и одобрительно отнеслись к визиту лидеров тайваньской оппозиции на материк весной 2005-го, что способствовало ослаблению напряженности в отношениях между КНР и Тайванем. Тем не менее сегодня Вашингтон призывает Пекин вести непосредственные переговоры с правящей партией Тайваня и ее лидером Чен Шуйбяном. Чтобы улучшить ситуацию, китайские и американские правительственные органы и внешнеполитические стратеги должны начать длительный и подробный диалог по этому вопросу и изучить пути недопущения со стороны сепаратистов резких шагов, способных подтолкнуть обе страны к ненужной им конфронтации.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Отношения между Китаем и Соединенными Штатами отягощены глубочайшими разногласиями в большей степени, чем какие-либо другие двусторонние связи ведущих держав в сегодняшнем мире. Это крайне сложное и чрезвычайно парадоксальное единство противоположностей. Отношения Пекин – Вашингтон нельзя, подобно американско-советским отношениям времен холодной войны, свести к противостоянию и борьбе за первенство, но отчасти эти элементы все же присутствуют. Если судить по модели взаимодействия, то это – отношения между равными. Но огромный разрыв в государственной мощи и международном статусе, фундаментальные различия в политических системах и идеологиях мешают Америке видеть в Китае ровню. Политическое, экономическое, социальное и дипломатическое влияние Пекина на США гораздо меньше, чем влияние Вашингтона на Китай. Поэтому неудивительно, что во взаимоотношениях Соединенные Штаты занимают наступательные позиции, а КНР – оборонительные. Что касается межгосударственных вопросов, не приходится рассчитывать, что Китай и США установят подлинные дружеские отношения. Но всё же наши страны

должны суметь наладить дружественные связи на неправительственном и личном уровнях.

Как и все другие страны, Америка и Китай строят двустороннюю политику, основываясь, по существу, на собственных интересах. Но в данном случае, в отличие от других двусторонних отношений, замешаны более сильные, противоречивые чувства. Позитивные и негативные факторы китайско-американских отношений тесно переплетены и часто трансформируются один в другой. Столь сложная динамика означает, что рассматривать эти отношения в традиционных категориях игры с нулевой суммой ошибочно и чревато неэффективной политикой; на самом деле подобный упрощенный подход может навредить национальным интересам обеих стран. Анализ по принципу «черное — белое» никогда не передаст всех особенностей ситуации. К примеру, если бы Америка действительно попыталась воспрепятствовать экономической модернизации КНР, как предлагал Джон Миршеймер из Чикагского университета, то пострадал бы не только Китай. Многие американские компании лишились бы доходов от своих китайских инвестиций, а простые американцы — возможности покупать недорогие и высококачественные китайские продукты. С другой стороны, хотя Америка, укрепляя торгово-экономические связи с Пекином, действует в собственных интересах, эти связи приносят выгоду и Китаю, поскольку способствуют росту его экономического процветания и развитию технологий.

Это экономическое благополучие и новые технологии, в свою очередь, естественным образом усилят военную мощь Поднебесной, что вызывает беспокойство США. Здесь проявляется парадокс, скрытый в самой основе долгосрочной стратегии Вашингтона. Если экономика Китая не рухнет, его расходы на оборону будут и впредь расти. Но Вашингтон должен понимать: важно не то, сколько КНР тратит на оборону, а то, куда нацелена его военная машина, которая по своим масштабам до сих пор многократно уступает американской. Наилучший способ снять напряжение — откровенный и всесторонний стратегический диалог, и поэтому следует возобновить обмены по военной линии.

Китай сталкивается с похожим парадоксом: только спад экономики США может привести к сокращению американской мощи (включая его военный потенциал) и уменьшить стратегическое давление на Пекин. Такой спад, однако, нанесет удар по китай-

ской экономике. К тому же усилившееся в этой связи у американцев ощущение отсутствия безопасности может привести к другим последствиям, не обязательно выгодным для Пекина. К примеру, снижение американского влияния на Ближнем Востоке способно обернуться нестабильностью, которая, возможно, поставит под угрозу поставки нефти в КНР. Точно так же усиление религиозного фундаментализма и терроризма в Центральной и Южной Азии способно угрожать безопасности самого Китая, особенно вдоль его западных границ, где отмечается напряженность в межэтнических отношениях и сохраняются опасные сепаратистские тенденции.

С той же точки зрения можно говорить и о возможном энергетическом конфликте между США и КНР. Стороны должны с пониманием относиться к интересам безопасности и энергетическим потребностям друг друга. Сегодня Китай покупает нефть у таких стран, как Венесуэла и Судан, чьи отношения с США далеки от дружественных. Тем временем Вашингтон, как полагают, присматривается к центральноазиатским нефтяным месторождениям неподалеку от китайской границы. Пекин и Вашингтон должны стремиться к тому, чтобы другая сторона понимала их намерения, и пытаться развивать энергетическое сотрудничество, опираясь на совместные проекты, такие, к примеру, как строительство в Китае атомных электростанций.

История уже доказала, что Америка не является постоянным врагом Китая. И Пекин также не хотел бы, чтоб Вашингтон видел в нем неприятеля. Предсказание Дэн Сяопина о том, что «все наладится, когда в конце концов улучшатся китайско-американские отношения», — трезвый прогноз, базирующийся на долгосрочных интересах. Конечно, надежды не могут заменить реальности. Процесс потепления будет долгим, мучительным, ограниченным и зависящим от многих обстоятельств; не исключено, что он может дать задний ход в случае конкретных провокаций (например, провозглашение независимости Тайванем). Именно поэтому сложные вопросы двусторонних отношений требуют осторожного подхода и новой устойчивой модели взаимодействия, призванной предотвратить негативное влияние имеющихся проблем на взаимоотношения, благоприятствующие формированию процветающих обществ. Китайское руководство намерено достичь преуспевания к середине XXI века, и при содействии Вашингтона мало что сможет ему помешать.

Северная Корея: ВЫЙТИ ИЗ ТУПИКА

Александр Воронцов, Владимир Евсеев

На фоне бурного развития Восточной и Юго-Восточной Азии, регионов, выдвигающихся в число мировых лидеров не только экономического роста, но и политического влияния, ситуация на Корейском полуострове выглядит анахронизмом. В последнем очаге противостояния, унаследованном от эпохи холодной войны, время как будто остановилось. Есть ли выход из корейского тупика и способна ли территория постоянного конфликта стать зоной развития и процветания?

РЕАЛИИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

В феврале 2005 года Министерство иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) официально заявило о наличии у страны ядерного оружия и о временном выходе из шестисторонних переговоров по урегулированию кризиса на Корейском полуострове. Такое заявление не стало неожиданностью. Еще в январе заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ге Гван на встрече с заместителем председателя Комитета по вооруженным силам Палаты представителей Конгресса США Куртом Уэлдоном сообщил, что Пхеньян обладает ядерным оружием, но намерен применять его «исключительно в целях самообороны». Эксперты Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) предполагали, что КНДР объявит себя ядерной державой в годовщину своего создания — 9 сентября 2004-го.

А.В. Воронцов — к. и. н., заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. **В.В. Евсеев** — к. т. н., координатор программы «Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения» Московского центра Карнеги.

Реакция международного сообщества на демарш Пхеньяна была негативной. США в очередной раз отвергли возможность прямых двусторонних переговоров с Северной Кореей, как и выдвинутое КНДР еще в ноябре 2002 года предложение о подписании пакта о ненападении. Вашингтон призвал также Китай и Южную Корею не идти на уступки, чтобы заставить Пхеньян возобновить прерванные им переговоры по ядерной программе. По мнению госсекретаря США Кондолизы Райс, любые гарантии безопасности КНДР могут предоставляться только на многосторонней основе.

Прежде чем обсуждать ядерную проблему, необходимо понять, что представляет собой сегодняшний северокорейский режим. С начала 1990-х руководство страны начало отходить от марксистско-ленинской идеологии. Возрождались конфуцианские ценности и национальные традиции, в частности культ предков. Основой новой легитимации КНДР стал тезис о том, что она является продолжением древних корейских государств.

Ким Чен Ир, возглавивший страну после смерти Ким Ир Сена, не только скрупулезно выполнял большинство конфуцианских обычаев и правил поведения в течение трехлетнего периода траура по скончавшемуся отцу, но и разрешил религиозную деятельность. Это усилило его власть и укрепило политическую стабильность, которую не поколебали ни голод, ни экономический кризис во второй половине 1990-х годов.

Новый руководитель, судя по всему, выбрал китайский путь, основанный на постепенных экономических реформах под жестким контролем государства. С июля 2002-го в Северной Корее резко сократили сферу действия карточно-распределительной системы, в 15–20 раз повысили зарплату рабочим и служащим (правда, цены на товары и услуги выросли еще больше). На предприятиях теперь применяются различные формы материального стимулирования. Существенно увеличены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и расширены возможности членов кооперативов заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Введена ограниченная конвертация местной валюты, и дано разрешение на хождение иностранной.

После первого в истории межкорейского саммита в Пхеньяне в июне 2000 года существенно улучшились отношения между двумя Кореями. В конце 2002-го Пхеньян санкционировал совместное создание в непосредственной близости от границы со своим южным соседом Кэсонского индустриального района и Кымганской зоны

туризма. Южная Корея видит в этих проектах начало формирования единого экономического пространства и готова выделять на них значительные средства. Обе страны намерены соединить свои железные дороги с выходом на российскую Транссибирскую магистраль.

Одной из ключевых проблем северокорейской экономики остается острая нехватка электроэнергии. От способности режима решить энергетическую проблему во многом будет зависеть его устойчивость. Самостоятельно обеспечить себя электроэнергией страна может только путем создания собственной атомной энергетики. Ввиду ограниченности экспорта северокорейской продукции закупка, например, в России готовой электроэнергии или энергоносителей для тепловых электростанций возможна только за счет бесплатных поставок.

Другая проблема экономики состоит в ограниченности инвестиций извне. В 2002 году Пхеньян рассчитывал на более благоприятную перспективу: тогда Европейский союз установил дипломатические отношения с КНДР и был готов активно участвовать в политике «вовлечения» и модернизации Северной Кореи. Наметились контуры нормализации отношений с Токио, сулившей привлечение «компенсационных» (за ущерб, понесенный во Второй мировой войне) денег, а также с Вашингтоном. Но позднее под давлением США ситуация изменилась. Сейчас все международные финансовые институты отказывают Пхеньяну в предоставлении кредитов. Поэтому исключительно важную роль играют инвестиции со стороны Китая и Южной Кореи.

Есть ли шанс на мирную эволюционную трансформацию северокорейского общества? По мнению многих наблюдателей, да. Наиболее вероятная модель — это создание на основе постепенной приватизации структур, подобных южнокорейским «чэболям», но, конечно, с большей ролью государства. Иностранные, прежде всего южнокорейские, инвестиции способны содействовать модернизации промышленности и сельского хозяйства. Следуя таким путем, Северная Корея через 10–15 лет, вероятно, сможет построить экономику смешанного типа с высокой долей государственного сектора и тесно связанную с Южной Кореей. Постепенное экономическое и политическое сближение создаст предпосылки для формирования на Корейском полуострове единого государства, вначале на основе конфедерации.

Но это — весьма отдаленная перспектива. Сегодня Северная Корея по-прежнему живет «в условиях военного времени». В Воору-

женных силах страны служит каждый пятый мужчина трудоспособного возраста, от 30 до 50 % экономики работают на военные нужды. Серьезность продовольственной проблемы стала ощущаться сразу после распада Советского Союза, который оказывал всестороннюю поддержку КНДР, в частности ежегодно поставляя 200 тыс. тонн удобрений и основную часть нефтепродуктов. В середине 1990-х в Северной Корее разразился голод, приведший, по американским оценкам, к гибели одного — двух миллионов человек. Жертв могло бы оказаться и больше, если бы не масштабная помощь международного сообщества.

Внешнеполитическое положение КНДР остается крайне сложным. Корейская война формально не закончена: Северная Корея не имеет дипломатических отношений ни со своим южным соседом, ни с США, ни с Японией. Влиятельные правые круги Южной Кореи резко критикуют пхеньянский режим. А республиканская администрация США и вовсе причислила КНДР к «оси зла» и «оплотам деспотии», предупредив о возможности силовых действий со своей стороны и включив страну в список целей превентивного ядерного удара. Нерешенный вопрос с похищенными северокаорейским режимом японцами мешает нормализации взаимоотношений с Токио. Все это, а также разработка Южной Кореей военной ядерной программы в 1960—1970-е годы толкнуло руководство КНДР к созданию собственного ядерного оружия.

ИСТОРИЯ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Северная Корея располагает вполне достаточным для развития атомной энергетики количеством природного урана: запасы месторождений оцениваются в 26 млн тонн руды, из них более 4 млн пригодны для промышленной разработки. В 1950—1960-е там с помощью СССР и КНР была создана научно-экспериментальная база атомной промышленности.

В 1970-х годах КНДР вела активные исследования в области создания собственного ядерного топливного цикла, а в 1974-м вступила в МАГАТЭ с целью получения широкого доступа к материалам, необходимым для создания инфраструктуры ядерно-энергетического комплекса. В то же время она обратилась к Пекину с просьбой об оказании помощи в создании ядерного оружия. В 1977 году Пхеньян подписывает соглашение о гарантиях с МАГАТЭ — и тогда же посылает своих специалистов в район испытаний китайского ядерного оружия.

В 1980-х в КНДР было закончено создание полного ядерного топливного цикла, который включает: урановые шахты в Пакчхоне и Пенгансане, специальную лабораторию в Университете им. Ким Ир Сена в Пхеньяне, завод по производству топливных стержней и хранилище; исследовательский ядерный реактор мощностью 5 МВт (реактор двойного назначения: производство электроэнергии и оружейного плутония), а также радиохимическую лабораторию Института радиохимии (для выделения плутония из отработанного ядерного топлива, ОЯТ) в атомном научно-исследовательском центре в Ёнбёне.

Созданная инфраструктура позволяет получать плутоний оружейного качества. Американские спецслужбы исходят из того, что Пхеньян обладает несколькими ядерными зарядами и может быстро довести их количество до восьми. МАГАТЭ предполагает, что Северная Корея способна ежегодно вырабатывать до 10 кг плутония оружейного качества, что достаточно для изготовления одного-двух ядерных зарядов. По сведениям агентства, КНДР запустила две промышленные линии по производству плутония на полную мощность и получила в 2003–2004 годах 25–30 кг плутония из 8 тыс. отработанных топливных стержней. Специальный представитель генерального секретаря ООН по проблемам Корейского полуострова Морис Стронг считает, что Пхеньян располагает пятью – восемью ядерными устройствами, но в силу значительных размеров и веса их невозможно использовать в качестве боеголовок имеющихся ракет. Среди российских экспертов преобладает мнение, что КНДР накопила некоторое количество плутония оружейного качества и изготовила несколько ядерных устройств, но их работоспособность сомнительна. Северной Корее, скорее всего, так и не удалось собрать ни одного ядерного боеприпаса.

Первоначально ядерное оружие планировалось создать на основе плутония, поскольку такие боеприпасы более эффективны и удобны для размещения на авиационных и ракетных носителях, чем боеприпасы на основе высокообогащенного урана. К тому же работы над плутониевой ядерной программой легче держать в тайне, что являлось существенным фактором ввиду того, что с 1985 по 2003 год КНДР входила в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Однако из-за слабой технической базы «плутониевый» путь оказался для Северной Кореи труднореализуем. Возможно, что позднее Пхеньян запустил урановую ядерную программу (в этом его обвиняла Америка в октябре 2002-го), которая, скорее всего, была

основана на использовании центрифуг, закупленных в Пакистане. Однако и здесь потребовались значительные экономические и технические ресурсы. По мнению российских специалистов, Северной Корее пока не удалось накопить достаточное количество высокообогащенного урана для сборки ядерного устройства.

Ряд российских экспертов полагают, что КНДР не проводит ядерных испытаний по политическим мотивам, например потому, что руководству страны важно сохранить возможность опровергать сделанные ранее заявления Министерства иностранных дел. Другие объясняют это стремлением Пхеньяна не допустить рассмотрение северокорейского ядерного вопроса в Совете Безопасности ООН, грозящее серьезными последствиями – от международных санкций и политической изоляции вплоть до применения силы. (Однако КНДР и так подвергается санкциям со стороны многих государств и сама себя изолирует во внешней политике, да и пример Индии и Пакистана показал ограниченность возможностей ООН по решению подобного рода проблем.) Кроме того, неудачное испытание ядерного оружия, выявленное по данным разведки или агентуры, может спровоцировать США на превентивный удар. Возможно, испытание откладывается до момента создания компактных боезарядов для развернутых баллистических ракет среднего радиуса действия «Нодон-1», способных поразить объекты на территории Южной Кореи и Японии.

ПЕРЕГОВОРЫ НА ДВОИХ

В последние десятилетия ведущие мировые державы неоднократно пытались остановить работы над северокорейской военной ядерной программой – в основном путем двусторонних переговоров. Вначале ведущую роль в решении этой назревшей проблемы играл Советский Союз. В середине 1980-х он потребовал от КНДР подписать ДНЯО как обязательное условие оказания ей помощи в развитии атомной энергетики. Только после этого Москва поставила и смонтировала в Ёнбёне исследовательский газографитовый ядерный реактор мощностью 5 МВт, который был введен в эксплуатацию в 1986 году после того, как МАГАТЭ распространило на него свои гарантии. Еще в 1991-м, до распада СССР, полным ходом шла подготовка к строительству АЭС с четырьмя легководными реакторами.

Переговоры по соглашению между Северной Кореей и МАГАТЭ о применении полномасштабных гарантий продолжались с 1985

по 1992 год, а в 1992–1993 годах было проведено шесть инспекций и обнаружено два незаявленных хранилища ядерных материалов. 11 февраля 1993-го генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс потребовал «специальной инспекции». Северокорейцы в марте того же года заявили о выходе из ДНЯО. В ответ Россия полностью прекратила сотрудничество с КНДР в ядерной области и выступила инициатором проведения международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова.

США активизировали свои действия в этом регионе после распада Советского Союза. По итогам двусторонних американо-северокорейских переговоров в июне 1993 года Северная Корея заявила о приостановлении своего выхода из ДНЯО в обмен на обязательства Соединенных Штатов не вмешиваться в ее внутренние дела и не угрожать применением силы. Однако ситуация обострялась, и в июне 1994-го Пхеньян вышел из МАГАТЭ.

В октябре того же года Пхеньян и Вашингтон подписали Рамочное соглашение, согласно которому первый обязался остановить свою ядерную программу, а второй – бесплатно поставлять в Северную Корею 500 тыс. тонн мазута ежегодно, а также способствовать улучшению ее дипломатических и экономических отношений с внешним миром. Администрация Билла Клинтона согласилась на эти условия, будучи уверена в том, что Ким Чен Ир, сменивший Ким Ир Сена в июле 1994 года, не удержится у власти.

В соответствии с Рамочным соглашением США планировали к 2003-му построить в Северной Корее АЭС на основе двух легководных ядерных реакторов общей мощностью 2 гВт, а КНДР – ликвидировать графитовые реакторы, способные нарабатывать плутоний. К этому времени Пхеньян обязался возобновить выполнение предъявляемых к ней требований по соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. В период действия Рамочного соглашения агентство не имело права проводить инспекционные проверки, что значительно сокращало возможности международного сообщества.

В марте 1995 года Южная Корея, США и Япония учредили международный консорциум «Организация энергетического развития Корейского полуострова» (КЕДО), призванный объединить усилия по строительству в КНДР АЭС. Позднее к деятельности консорциума подключился Евросоюз. В 1997-м были начаты работы по строительству АЭС в северокорейском районе Синпхо.

Рамочное соглашение предусматривало улучшение отношений между Вашингтоном и Пхеньяном вплоть до полной нормализации. Для этого предполагалось по возможности устранить барьеры в сфере торговли и инвестиций, создать в обеих столицах структуры по поддержке контактов между двумя государствами, рассмотреть возможность обмена послами в будущем. США обязались предоставить КНДР официальные гарантии, исключая угрозу применения ими ядерного оружия, а Северная Корея — последовательно двигаться к созданию на Корейском полуострове безъядерной зоны.

Пришедшие к власти в Соединенных Штатах в 2001 году республиканцы значительно ужесточили позицию. Они считают КНДР самым тоталитарным и «репрессивным» государством в мире. По данным Государственного департамента США, в северокорейских тюрьмах и лагерях содержатся от 150 до 200 тыс. человек. Вашингтон уверен, что руководство Северной Кореи знает о нелегальном экспорте наркотиков и ядерных материалов со своей территории и не препятствует этому.

Фактически Америка взяла курс на отказ от принятого предыдущей администрацией соглашения. В дальнейшем планировалось создать условия для смены режима. Заместитель госсекретаря США Джеймс Келли, посетивший КНДР в октябре 2002-го, обвинил Пхеньян в существовании тайной программы обогащения урана и потребовал проведения инспекций МАГАТЭ. Северокорейские власти понимали, что уступка Вашингтону неизбежно ведет к развитию ситуации по иракской модели, и поэтому решили придерживаться двусмысленной линии, с тем чтобы вынудить Вашингтон согласиться на переговоры. Они заявили, что, дабы противостоять исходящей из США угрозе, «могут обладать не только ядерным, но и более мощным оружием».

По мнению Вашингтона, Северная Корея тем самым призналась в осуществлении секретной ядерной программы. Поэтому вследствие грубого нарушения Пхеньяном Рамочного соглашения США, ЕС, Южная Корея и Япония прекратили как бесплатные поставки в Северную Корею мазута, так и строительство АЭС. А в ноябре 2002 года Совет управляющих МАГАТЭ предупредил КНДР о недопустимости нарушения ею международных обязательств. В ответ Пхеньян заявил о возобновлении военной ядерной программы и предложил инспекторам МАГАТЭ покинуть страну, а в январе 2003-го официально уведомил председателя Совета Безопасности ООН и

участников Договора о нераспространении ядерного оружия о своем выходе из него ввиду необходимости защиты высших национальных интересов в условиях враждебности и давления со стороны США. В апреле того же года Северная Корея объявила о намерении создать ядерное оружие; в мае она в одностороннем порядке вышла из соглашения с Южной Кореей от 1992-го о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной.

ПЕРЕГОВОРЫ НА ШЕСТЕРЫХ

В период с 1997 по 1999 год одновременно с двусторонними переговорами было проведено шесть четырехсторонних встреч с участием США, КНДР, Южной Кореи и Китая. Существенного прогресса достичь не удалось: позиции США и Северной Кореи оказались несовместимы, отсутствовали и реальные рычаги влияния на Пхеньян. Постепенно инициатива в проведении многосторонних переговоров перешла к Китаю, более активную позицию заняла и Россия.

В январе 2003-го, сразу после выхода КНДР из ДНЯО и в условиях отказа США от диалога, специальный представитель президента РФ Александр Лосюков передал Пхеньяну и Вашингтону (а затем и остальным заинтересованным сторонам) предложения о пакетном решении северокорейской ядерной проблемы. Оно предусматривает обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, соблюдение ДНЯО и выполнение всеми сторонами обязательств, оговоренных Рамочным соглашением и другими международными договорами. По мнению России, двусторонний и многосторонний диалог должен привести к предоставлению Северной Корее гарантий безопасности, а также к возобновлению гуманитарных и экономических программ. Стремясь покончить со взаимным недоверием США и Северной Кореи, Москва предложила, чтобы вовлеченные в урегулирование страны – соседи Северной Кореи (Россия, Китай, Южная Корея и Япония) осуществляли строгую координацию и контроль в отношении предпринимаемых шагов. На основе российских предложений Пхеньян сформулировал собственные предложения по решению существующей проблемы. По его инициативе число участников последующих переговоров выросло до шести: Россия, КНДР, Южная Корея, США, Китай и Япония. Первый раунд таких шестисторонних переговоров прошел в августе 2003-го, к настоящему времени состоялось четыре раунда переговоров.

В 2003–2004 годах прогресса достичь не удалось. США и Япония предполагают, что КНДР обладает ядерным оружием, рассматривая его в качестве фактора ядерного сдерживания. Они требуют ликвидации как ядерного оружия, так и научно-промышленной инфраструктуры его создания. В противном случае Америка готова к силовому решению. КНР, Россия и Южная Корея пытаются предотвратить силовую акцию против Северной Кореи, чреватую непредсказуемыми последствиями для всего региона.

Пхеньян умело использует ситуацию в своих целях, стараясь максимально затянуть переговорный процесс и получить дополнительное время для разработки ядерного оружия или наращивания ядерного арсенала. Чтобы усилить свою позицию, КНДР потребовала исключить из переговоров Японию, которая якобы действует по подсказке из США да к тому же пытается внести в повестку дня вопрос о японских гражданах, похищенных северокарейскими спецслужбами.

Вначале Вашингтон выступал против участия в переговорах России, считая ее «слабым звеном» и проводником политики Северной Кореи. Между тем Москва заняла исключительно реалистичную позицию, стремясь удержать КНДР от выдвижения завышенных требований, провокационных шагов и неуступчивого поведения, а также не допустить, чтобы компромисс воспринимался как поражение. В дальнейшем Соединенные Штаты стали требовать от Китая и Южной Кореи прекратить оказание помощи Пхеньяну, однако, несмотря на давление, те отказались участвовать в экономической блокаде.

Сближение позиций обеих частей Кореи на шестисторонних переговорах явилось полной неожиданностью для Вашингтона и, по видимому, стало одной из основных причин годовичного перерыва в переговорах.

Локомотивом переговорного процесса постепенно становится Китай. Пекин не может и не хочет допустить смены режима Ким Чен Ира, способного, по мнению руководства КНР, при благоприятных внешнеполитических условиях осуществить в Северной Корее преобразования. В случае же силового решения и падения там нынешнего режима миллионы беженцев могут хлынуть в северо-восточные провинции Китая. Пытаясь избежать экологических, гуманитарных и военных проблем, Пекин оказывает Пхеньяну дозированное экономическое содействие, которое, по оценкам экспертов, составляет от 30 % до 70 % всей международной помощи. КНР стремится ускорить экономический рост своих северо-восточных

провинций на основе создания единого экономического пространства с Южной Кореей, Японией и Северной Кореей. В результате товарооборот между Китаем и КНДР в 2004-м достиг 1,4 млрд дол., что на 35 % выше аналогичного показателя 2003 года.

Южная Корея выступает против экономических санкций в отношении КНДР. Она по-прежнему готова оказывать своему северному соседу гуманитарную помощь и участвовать в совместных экономических проектах. Сеул согласен выделить Пхеньяну 2 млн кВт электроэнергии, если тот откажется от своей военной ядерной программы. По мнению Южной Кореи, США следует перестать видеть в Северной Корее «очаг зла» и перейти к подготовке условий для мягкой смены режима.

Россия имеет экономические интересы в Северо-Восточной Азии и стремится усилить здесь свои позиции. В августе 2001-го в Москве президент РФ Владимир Путин и лидер Северной Кореи Ким Чен Ир приняли решение об организации прямого железнодорожного сообщения между КНДР и Россией. Прорабатываются планы продления железнодорожной колеи от Хасана (Приморский край) в северокорейский порт Раджин, где находится нефтеперерабатывающий завод «Сынри», построенный при техническом содействии СССР. Ряд российских инвесторов заинтересованы как в поставках нефти из России на переработку в КНДР, так и в транзите грузов из европейских стран в Южную Корею и обратно.

Пхеньян неоднократно обращался к Москве с просьбой о поставках электроэнергии, что стало бы возможно в случае строительства АЭС в российском Приморском крае. Таким образом удалось бы решить ряд проблем, связанных с возможным строительством АЭС в Северной Корее: снизится опасность утечки ядерных технологий, упадет потребность вывоза из страны отработанного ядерного топлива. Однако Приморский край относится к сейсмоопасным районам, и, поскольку сооружение здесь АЭС может быть осуществлено только за счет иностранного финансирования в объеме около 2,5 млрд дол., завершить строительство возможно не ранее 2013 года.

Прогресс на шестисторонних переговорах — возврат Пхеньяна в ДНЯО, применение полноохватных гарантий МАГАТЭ, демонтаж ядерной инфраструктуры двойного назначения, ликвидация оружейных ядерных материалов и взрывных устройств — возможен лишь в случае, если КНР, Россия, США, Южная Корея и Япония выработают единую позицию. А это, в свою очередь, требует обязательного от-

каза Соединенных Штатов и Японии от силового решения северокорейской ядерной проблемы. Далее было бы целесообразным возобновление в том или ином виде действия Рамочного соглашения в отношении строительства легководных реакторов, а до ввода их в строй — поставок топлива. Следует рассмотреть перспективы участия России в консорциуме КЕДО: в частности, она могла бы поставлять ядерное топливо для строящейся АЭС, а затем вывозить ОЯТ.

Активное вовлечение Северной Кореи в общемировые экономические процессы придаст необратимый характер положительным тенденциям в ее экономике и создаст условия для постепенной трансформации. Военный же вариант смены режима неприемлем из-за угрозы гуманитарной и экологической катастрофы, огромных человеческих жертв и чрезмерного материального ущерба сопредельным странам.

Требование КНДР исключить Японию из шестисторонних переговоров носит пропагандистский характер и направлено на ослабление позиции США. Несмотря на текущее ухудшение отношений Японии с Китаем и Южной Кореей, а также на ее предложение о передаче северокорейского ядерного вопроса на рассмотрение в СБ ООН, изменение шестистороннего формата переговоров, по-видимому, нецелесообразно. Япония является наиболее последовательным союзником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обладает большими финансовыми ресурсами и расположена в непосредственной близости от Корейского полуострова.

Учитывая значительную опасность, которую представляет для международного сообщества экспорт Северной Кореей радиоактивных и ядерных материалов оружейного качества, ракет и ракетных технологий, необходимо заключить с ней соответствующее соглашение и осуществлять постоянный мониторинг экспортируемых товаров. В крайнем случае могут быть задействованы возможности, имеющиеся в рамках Инициативы по безопасности в борьбе с распространением ОМУ.

Кроме этого, необходимо пересмотреть нынешний международно-правовой режим поддержания мира на Корейском полуострове, основанный на Соглашении о военном перемирии в Корее от 1953 года. Режим не обеспечивает нормального диалога между КНДР, с одной стороны, и США и Южной Кореей — с другой. Установление дипломатических отношений и вывод из приграничной зоны тяжелой военной техники позволит снизить остроту проблемы безопасности на Корейском полуострове. В таком решении заинтересован

и Китай, поскольку оно позволит ему не учитывать своих обязательств по защите Северной Кореи от военного нападения.

В период с 26 июля по 6 августа 2005 года в Пекине прошел первый этап четвертого раунда шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР, однако достичь значительного прогресса не удалось. Пхеньян не соглашался на ликвидацию своих ядерных программ до тех пор, пока другие участники переговоров не предоставят Северной Корее гарантии безопасности и экономической помощи. Кроме этого, Пхеньян настаивал на своем праве на мирную ядерную деятельность под контролем МАГАТЭ, и его позицию поддерживали Китай, Россия и Южная Корея. В ходе второго этапа четвертого раунда шестисторонних переговоров (13–19 сентября) Соединенные Штаты смягчили свою позицию и согласились на предоставление КНДР энергоресурсов в обмен на прекращение ею своей военной ядерной программы, высказав намерение рассмотреть в ближайшем будущем возможность достройки северокорейской АЭС на основе двух легководных ядерных реакторов. Вашингтон заявил, что не собирается нападать на Северную Корею. Со своей стороны та пообещала вернуться в ДНЯО, допустить на свои ядерные объекты инспекторов МАГАТЭ и принять меры для улучшения двусторонних отношений с США и Японией. По-видимому, смягчение американской позиции обусловлено желанием Вашингтона сконцентрироваться на таком более важном, по его мнению, вопросе, как обострившаяся иранская ядерная проблема.

Тем не менее пятый раунд шестисторонних переговоров, который планируется провести в ноябре 2005 года в Пекине, ожидается не легким. Вопрос о праве Северной Кореи на мирную ядерную деятельность пока отложен, так как Соединенные Штаты по-прежнему не собираются возвращаться к обязательству о поставках легководных ядерных реакторов, требуя сначала ликвидировать военную ядерную программу Пхеньяна. Для урегулирования ситуации необходимо принятие всеми участниками «дорожной карты», определяющей обязательства сторон и сроки проводимых мероприятий. Как бы то ни было, прогресс, уже достигнутый в ходе шестисторонних переговоров, демонстрирует важность совместных действий и необходимость поиска компромиссов, а также усиление влияния Китая и, возможно, России на Корейском полуострове.

Индийский императив

Роберт Блэкуил

Сегодня американо-индийские отношения переживают серьезную трансформацию. Как сказал президент Соединенных Штатов, «после долгих лет взаимного охлаждения Индия и США смирились с реальностью и признали неопровержимый факт: нашим отношениям суждено качественно измениться и улучшиться». Из всех наших двусторонних связей именно отношения с Индией претерпели за время первого президентского срока Джорджа Буша-младшего наиболее значительные перемены к лучшему.

ИСТОКИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Некоторые наблюдатели связывают это потепление с событиями 11 сентября 2001 года, но они не правы. Еще за пять дней до терактов, выступая в Мумбае (бывший Бомбей. — Ред.) с первой большой речью в качестве американского посла в Индии, я отметил: «Президент Буш намерен укреплять связи с Дели не только в важной для нас сфере двусторонних отношений. Развивая сотрудничество с индийским народом и правительством, администрация не должна ограничиваться лишь поиском ответов на “азиатские вызовы”, хотя им будет уделено достаточно внимания. Президент стремится к более интенсивной совместной работе по всем проблемам, с которыми сегодня столкнулось мировое сообщество. Иными словами, президент Буш рассматривает наши взаимоотношения с глобальной

Роберт Блэкуил — посол США в Индии в 2001–2003 годах, ранее занимал различные ответственные должности в Государственном департаменте и администрациях президентов Джорджа Буша-старшего и Джорджа Буша-младшего. Данная статья напечатана в журнале *The National Interest* (летний номер 2005 года).

точки зрения, что, безусловно, соответствует новому статусу Индии как мировой державы».

Этот довольно радикальный проект знаменовал кардинальную перемену в американской внешнеполитической стратегии. В отличие от Билла Клинтона президент Буш с самого начала видел в Индии союзника в решении ряда основных геополитических проблем, а отнюдь не один из факторов нераспространения, требующий воздействия со стороны Америки. С момента прихода к власти Джорджа Буша-младшего Белый дом принялся за разработку стратегии укрепления американо-индийских связей и решил прекратить упрекать Дели в его «ядерном выборе». Мы заговорили о перестройке отношений между обеими странами.

Однако в первый президентский срок Буша этот процесс продвигался не столь быстро и эффективно. Сторонникам новой стратегии пришлось провести большую часть этого периода в непрерывной борьбе с двумя мощными силами внутри правительственного аппарата. Первую составляли те в правительстве, кто рассматривает Индию лишь через призму пакистано-индийских отношений. Второй лагерь — это так называемые «аятолы нераспространения», которые, несмотря на твердое намерение Вашингтона пересмотреть отношения с Дели, стремились не допустить кардинального изменения всех подходов клинтоновской администрации к нераспространению в Индии. Казалось, эти деятели так и не осознали, что к власти пришел новый президент. Назойливые советчики из прежних времен затаились в лабиринтах Госдепартамента и продолжали отдавать распоряжения.

Так что, хотя трансформация в первый президентский срок уже имела концептуальную базу, она порой замедлялась из-за постоянной бюрократической борьбы. Воплощение задуманного — слабое место государственной политики, и недаром Гарри Трумэн, готовясь передать дела Дуайту Эйзенхауэру, заметил: «Бедняга, это ему не армия! Тут он целыми днями будет раздавать указания, и всё без толку. Боюсь, его ждет большое разочарование».

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ?

Визит госсекретаря США Кондолизы Райс в Дели в марте 2005 года стал свидетельством стремительного развития американо-индийских отношений. Удалось достичь заметного успеха в решении ряда задач, вполне согласующихся с президентской концепцией транс-

формации, но не выполненных в течение первого срока в силу противодействия чиновников, приоритетности иракского вопроса и предвыборной кампании президента.

Во-первых, сегодня Америка готова оказать Индии содействие в получении мирной ядерной энергии. Это большой прорыв, так как «аятоллы» активнейшим образом противились этому на протяжении первого срока. Я считаю, что на данном этапе США должны интегрировать Индию в растущую систему глобального нераспространения в качестве дружественной ядерной державы. Нужно снять ограничения на оказание Индии помощи и на сотрудничество с ней в сфере мирной ядерной индустрии, равно как и на торговлю высокими технологиями, при необходимости изменив действующие законы и существующую практику. Мы должны продавать Индии мирные ядерные реакторы и в целях снижения ее потребности в поставках электроэнергии из стран Персидского залива, и для того, чтобы смягчить негативные экологические последствия ее бурного экономического роста.

Необходимо также разработать долгосрочную программу активного космического сотрудничества с Индией. Подобный совместный проект произведет большое впечатление на жителей обеих стран. Ограничивая сотрудничество в области мирного использования космоса из опасения, что американские технологии и ноу-хау просочатся к разработчикам индийской ракетной программы, мы игнорируем сегодняшнюю реальность. Зачем сдерживать ракетный потенциал Дели, если это может обернуться постоянным ядерным превосходством Китая над демократической Индией?

Во-вторых, Америка готова продать Индии истребители *F-16* и *F-18*, а также рассмотреть возможность совместного производства как данных самолетов, так и других американских систем вооружений и подписания в этой связи лицензионных соглашений. Администрация открыто отказывается от давней парадигмы, в рамках которой военный потенциал Дели оценивался лишь в контексте индо-пакистанских отношений. Тем самым она признаёт, что ее отношение к Индии как к упрочивающей свои позиции дружественной великой державе существенно отразится на состоянии дел в военной сфере. Сама идея военного баланса в Южно-Азиатском регионе теряет смысл, и администрация во главе с новым руководством Госдепартамента недвусмысленно отказалась от нее.

Нам, конечно, следует торговать с Индией нашими передовыми вооружениями. В свете предстоящих стратегических вызовов Аме-

рике выгодно, чтобы индийские военные располагали самыми эффективными системами вооружений, что зачастую подразумевает приобретение оружия у США. В таком случае Соединенные Штаты должны превратиться в надежного и долгосрочного поставщика, заключив с этой целью соглашения о совместном и лицензионном производстве, и отказаться от прежней «привычки» прекращать поставки оборонительного вооружения в Индию на время кризиса.

Третий прорыв, достигнутый на переговорах в Дели, связан с заявлением Кондолизы Райс о том, что Индия должна занять более влиятельные позиции в международных организациях.

Нам следует заявить, что в рамках базовой реформы ООН США выступают за получение Индией статуса постоянного члена Совета Безопасности. Хотя такое произойдет еще не скоро, это станет для индийцев самым убедительным доказательством того, что Вашингтон реально пересмотрел свою политику на индийском направлении. Одновременно мы должны способствовать скорейшему вхождению Индии в «восьмерку». Мощный рост экономики, расширение геополитического влияния Индии и стремительное развитие ее демократических институтов требуют включить это государство в число ключевых акторов международной политики.

Чиновники, конечно, продолжают чинить препятствия новому курсу, представленному Кондолизой Райс от лица президента. Оппозиция внутри Госдепартамента и в околоправительственных структурах осталась непобежденной; бюрократы старых времен не сдаются — занимают оборону. Но они уже понимают, что им не взять верх ни над госсекретарем Кондолизой Райс, ни над ее заместителем Робертом Зелликом и специальным советником Филипом Зеликовым, ни над помощником президента по национальной безопасности Стивенем Хэдди, ни над министром обороны Доналдом Рамсфелдом.

Импульс, заданный переменам в американо-индийских отношениях этой блестящей административной командой, был сначала усилен мартовским визитом Райс в Дели, а затем, в апреле, — встречами с министром иностранных дел Индии Натваром Сингхом в Вашингтоне. Особенно плодотворной оказалась его беседа с президентом. Дальнейший толчок новому развитию отношений дали двусторонний энергетический диалог на уровне министров, стартовавший в мае, июньские переговоры в Пентагоне между министром обороны Доналдом Рамсфелдом и его индийским коллегой Пранабом Мухерджи, июльские переговоры в Белом доме между прези-

дентом Бушем и премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом, их встреча в сентябре в Нью-Йорке в рамках работы Генеральной Ассамблеи ООН, а также визит в Индию Джорджа Буша в конце года. Каждая из встреч на высоком уровне предоставит американской администрации и правительству, возглавляемому представителями партии Индийский национальный конгресс, новые возможности для дальнейшего укрепления двусторонних связей.

ПОЧЕМУ ИНДИЯ — ЕСТЕСТВЕННЫЙ СОЮЗНИК США?

Перечислим важнейшие национальные интересы США. Это глобальная война с террором и джихадистами; предотвращение распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и попадания его в руки террористов; решение проблем, связанных с усилением Китая; обеспечение бесперебойных поставок энергоносителей из района Персидского залива и поддержание правильного курса глобальной экономики.

Теперь посмотрим, какая из ведущих мировых держав давно и открыто — причем исходя из собственных мотивов — разделяет с нами и эти интересы, и стремление защитить их от имеющихся угроз. Список таких стран, скорее всего, откроет Индия. Генри Киссинджер утверждает, что сотрудничество с Индией предопределено «ее геополитическими целями, которые Дели преследует весьма упорно и которые в общем и целом соответствуют нашим собственным задачам».

Что касается терроризма, то за последние 15 лет от рук приверженцев джихада в Индии погибло больше людей, чем в любой другой стране мира. Хотя активность трансграничного терроризма в Кашмире значительно снизилась, Индия остается постоянной мишенью как для самих террористов, так и для их сторонников в правительствах, обвиняющих ее в притеснении мусульманского населения, особенно в Кашмире. Поэтому Дели не отступится от своего намерения любыми средствами устранить эту угрозу. Более того, индийцы задолго до американцев поняли всю опасность исламского экстремизма. Как точно отмечает Стивен Колл в документальной книге *Ghost Wars* (2004), Америка фактически передала свою афганскую политику в ведение пакистанских спецслужб, что способствовало росту в Афганистане исламского фанатизма и соответственно возвышению организации «Талибан». Пока мы были заняты другими делами, индийцы распознали будущую угрозу. Все эти годы Дели отчаянно, но тщетно пытался предупредить нас о том, что «Та-

либан» и социальное реформаторство не совсем одно и то же. Поэтому Вашингтону не придется долго уговаривать Индию присоединиться к США и принимать действенное участие в глобальной борьбе с исламским экстремизмом вплоть до победного конца. А вот надолго ли сохранят такую решимость наши европейские союзники, некоторые из которых имеют значительные неассимилированные мусульманские меньшинства, неизвестно.

ОМУ также представляет собой насущную общую проблему. Допустим, что группа террористов заполучила ядерную бомбу и теперь решает, где ее взорвать. Мишенью номер один, безусловно, будут Соединенные Штаты. А где же находится вторая по вероятности цель? Возможно, в Израиле. Возможно, в Англии, хотя «интерес» к ней со стороны террористов будет падать по мере установления мира в Ираке. Но Дели и Мумбай, финансовая столица Республики Индия, навсегда останутся в ряду главных потенциальных мишеней для этих массовых убийц, поскольку идеология джихада видит в Индии смертельного врага. Это, несомненно, гарантирует нам действие Дели в будущем.

Как и некоторые вашингтонские политики, индийские лидеры пристально следят за возвышением Китая. Но данный факт не приведет к совместным действиям по сдерживанию КНР — ведь ни один сколько-нибудь влиятельный индийский лидер не поддержит подобную политику. Это означает, что индийцы, как никто, понимают, что под влиянием растущей экономической мощи Китая и его искусных дипломатических шагов ситуация в Азии кардинально меняется.

В краткосрочной перспективе индийские военные круги не обеспокоены ростом военного потенциала Пекина, поскольку внимание последнего сконцентрировано на районе Тайваньского пролива. Вместе с тем от них не ускользнул тот факт, что Китай сооружает военные аэродромы в Тибете, расположенном довольно далеко от Тайваня. Китай участвует также в строительстве крупного порта в Пакистане и проявляет большой интерес к Мьянме (до 1989 года Бирма. — **Ред.**). Так что индийское военное руководство не исключает возможности проведения Пекином враждебной политики. Военные искренне надеются, что ничего подобного не случится, и ожидают от своих политических лидеров реализации стратегии, максимально снижающей вероятность конфронтации. Именно это соображение явилось важной установкой индийской стороны в ходе успешного апрельского визита в Индию премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао.

С другой стороны, анализируя стратегическую перспективу, индийские военные лидеры сосредотачивают внимание прежде всего на Китае. В свете китайского фактора, а также с учетом проблем энергетической безопасности Индия планирует усилить свой Военно-морской флот сразу четырьмя авианосцами. Со временем Дели будет располагать военными самолетами с большей дальностью полета; ведется работа по увеличению дальности полета ракет. Кто еще из союзников США, не считая Японии, столь осмотрителен в отношении Пекина? В Европейском союзе, напротив, сейчас весьма популярна идея об отмене эмбарго на продажи Китаю вооружений. Как сказал мне один китайский генерал пару лет назад, европейская политика на китайском направлении определяется одним словом – «аэробус». (Имеется в виду стремление европейского аэрокосмического концерна *EADS*, в частности его авиастроительного подразделения *Airbus*, победить в конкурентной борьбе с американской компанией *Boeing* и использовать китайский рынок для продажи своих самолетов-аэробусов. — Ред.)

В сфере энергетической безопасности и США, и Индия в высшей степени зависят от внешних поставщиков. Так, примерно четверть сырой нефти поступает в Америку из Ближнего Востока. Индия же на 75 % зависит от импортной нефти, значительная часть которой поставляется из того же региона.

На данный момент товарообмен между нашими странами невелик, но и при этом Америка – крупнейший торговый партнер Индии. В 2004 году доля американского экспорта в эту страну выросла на 25 %. Америка держит первое место и по совокупному объему инвестиций, как прямых зарубежных, так и портфельных. Более половины из 500 крупнейших компаний США отдают часть своих информационных технологий на аутсорсинг индийским компаниям. В течение следующих шести лет 15 % рабочих мест в сфере информационных технологий США переместятся в Индию.

Для выполнения своих внутривнутриполитических задач и продвижения национальных интересов обеим странам необходимы высокие и устойчивые показатели экономического роста. Следовательно, есть основания надеяться на быстрое расширение американо-индийской торговли. В 2004-м прирост ВВП в Индии превысил 8 %. Сегодня в Бангалоре больше ИТ-инженеров, чем в Силиконовой долине. При этом около 30 % инженеров-программистов, работающих в этой долине, – специалисты из Индии или американцы индийского происхождения, а 774 компании принадлежат «индийским» американцам.

Более того, 41 % всех временных рабочих виз, выдаваемых Госдепартаментом квалифицированным специалистам (визы типа *H1-B*), ежегодно приходится именно на граждан Индии.

У нас не только общие национальные интересы, но и общие ценности. Политика США и Индии зиждется на единой прочной нравственной основе. Индия с населением более миллиарда человек — демократическая страна, что не такое уж частое явление для этой части света. Местному демократическому режиму удается поддерживать существование неоднородного, многоязычного светского общества. Говоря словами Сунилы Хилнани, автора *The Idea of India* (1999), Индия находится «в авангарде стремительного шествия свободы по азиатскому континенту». Сегодня — в свете продвижения свободы на Большом Ближнем Востоке и приверженности президента США развитию в регионе плюрализма, демократии и демократических институтов — индийская демократия приобрела особое значение для американской внешней политики. Хотя по численности мусульманского населения (130 миллионов человек) Индия занимает второе место в мире после Индонезии, исламскому экстремизму практически не удалось пустить здесь корни. Например, не известно ни одного случая, когда бы молодой индиец вступил в ряды «Аль-Каиды»; среди военнопленных в Афганистане не было граждан Индии, равно как и на базе Гуантанамо нет мусульман индийского происхождения. Это серьезный довод в пользу демократических процессов как предохранительного клапана, оберегающего общество от зарождения в нем экстремистских настроений.

В сфере важнейших вопросов, связанных с жизненно важными национальными интересами и ценностями свободы, Индия и США надолго останутся партнерами. Наши страны являются естественными союзниками отнюдь не в силу того, что входят или будут входить в одну организацию, — между ними никогда не будет формального альянса. Но я не знаю другой страны, которая бы столь же полно и активно разделяла с нами эти интересы и ценности и которой предстояло бы защищать их от угроз в течение следующих десятилетий.

Это не означает, что мнения Вашингтона и Дели по конкретным стратегическим и тактическим вопросам всегда будут совпадать. Это невозможно. Индийские аппаратчики могут быть столь же медлительны и упрямы, как и наши собственные. Из-за своего колониального прошлого Индия особо настороженно относится к предполагаемым попыткам навязывания ей политического курса из-за ру-

бежа. Некоторые члены индийского правительства по-прежнему поддерживают идеи Движения неприсоединения времен холодной войны. У Индии есть собственное стратегическое видение, во многом обусловленное ее географическим положением. Иногда требования внутренней политики будут ограничивать действия Дели. Но, несмотря на это, общность основных интересов и ценностей будет снова и снова сближать наши страны.

РОЛЬ ИНДИИ В СУДЬБЕ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Жизненные интересы США в основном сконцентрированы в регионе, который простирается от Персидского залива до Пакистана. Он является средоточием мировых энергоресурсов и оружия массового уничтожения, центром исламского экстремизма. Во времена советского вторжения в Афганистан этот регион называли «дугой кризиса». Сегодня, однако, его можно рассматривать как «дугу возможностей». Влияние Индии здесь будет неуклонно расти.

Иногда, говоря о данном районе, мы используем термин «Большой Ближний Восток», но где проходит его восточная граница? Учитывая взаимоотношения Пакистана и Афганистана, я бы предположил, что в Пенджабе или, возможно, даже в Бенгальском заливе. Индия граничит с Большим Ближним Востоком с одной стороны, другой ее сосед – Китай, а третий – Юго-Восточная Азия.

В течение следующих 30 лет страны – члены Европейского союза, в первую очередь Великобритания, Франция и Германия, будут постоянно вовлечены во все происходящее на Большом Ближнем Востоке. Это понятно: они ведут переговоры с Ираном (в рамках так называемой «тройки ЕС») по поводу его ядерных программ, Евросоюз участвует в реализации плана «Дорожная карта» по установлению мира между Израилем и Палестиной. Экономическое содействие со стороны Европейского союза может оказаться одним из залогов стабилизации в регионе.

Но мало кто осознаёт уровень заинтересованности Индии в Большом Ближнем Востоке и глубину ее связей с регионом. Как было сказано выше, ситуация в данном регионе затрагивает многие важнейшие для Индии сферы, такие, как поставки энергоносителей, борьбу с исламским терроризмом и распространением ОМУ. Джасвант Сингх, «индийский Джордж Шульц», занимавший посты министра иностранных дел, обороны и финансов, однажды сказал

мне: «Это довольно занятно, что вы заинтересовались Ираком. Мы-то имеем с ним дело довольно давно — еще с тех пор, как он назывался Месопотамия».

Кроме того, в районе Персидского залива сегодня живет и работает около трех миллионов индийцев. Не забудем и о том, что со временем энергетическая зависимость Индии от этого региона будет расти. Следует учитывать также культурно-религиозные связи Индии с Ираном и Пакистаном. По численности шиитского населения Индия занимает второе место в мире после Ирана.

Индийский воинский контингент не участвовал в иракской операции, поскольку это было чревато серьезными политическими проблемами. Но индийские деловые круги уже в течение нескольких столетий поддерживают контакты, в том числе коммерческие, с Ираком. В краткосрочной перспективе Дели мог бы оказать Багдаду содействие в подготовке полицейского контингента и в формировании гражданского общества. Даже те в Индии, кто не был согласен с политикой США (большинство индийцев не поддержали вторжение в Ирак и остаются при своем мнении по сей день), безусловно, не хотят нашего провала. Они понимают, чем обернется для них поражение США в Ираке — серьезным и долгосрочным усилением исламского терроризма по всему миру, причем Индия может особенно пострадать от этого. В результате дестабилизируется и без того непростая обстановка в Ближневосточном регионе, с которым тесно связаны жизненно важные национальные интересы Индии.

Иран представляет для Дели более серьезную проблему, и, как недвусмысленно сказал Натвар Сингх, индийский взгляд на Тегеран отличается от американского. Когда Вашингтон вывел войска из оставленного Советами Афганистана, Индия и Иран (вместе с Россией) противостояли режиму «Талибан» и боролись за сохранение Северного альянса. Когда Вашингтон выражает недовольство строительством трубопровода между Ираном и Индией, Дели вежливо отвечает, что, мол, американцы имеют право на свое мнение, но этот проект стратегически важен для республики. В этом вопросе консенсус невозможен. Что же касается иранской ядерной программы, то многие индийцы сомневаются, стоит ли верить мрачным прогнозам Вашингтона, памятуя о его критической ошибке в отношении иракского ОМУ. Проще говоря, индийцы не уверены, что Тегеран стремится заполучить ядерное оружие, и Вашингтону ни на йоту не удалось их в этом убедить.

Тем не менее ядерный Иран Индии не нужен, и поэтому, вероятно, американская администрация сможет, не привлекая всеобщего внимания, заручиться поддержкой Дели, с тем чтобы тот попытался убедить Тегеран отказаться от разработки и реализации ядерной программы. Вместе с тем, как сказал мне недавно один из ведущих индийских политиков, «Индия – не самое подходящее государство в мире для того, чтобы отговорить Иран от создания полного топливного цикла и атомных боеголовок. В конце концов, обе наши страны получили ядерное оружие, несмотря на активное и упорное противодействие со стороны Америки». В любом случае было бы серьезной ошибкой с нашей стороны поставить Индию перед альтернативой: либо зарождающееся стратегическое партнерство с США, либо добрые отношения с Ираном. Дели не пойдет на такой выбор.

ПАКИСТАНСКИЙ ФАКТОР

Поведение Пакистана по-прежнему вызывает беспокойство и в США, и в Индии. За последние четыре года взаимоотношения Вашингтона и Исламабада заметно изменились к лучшему, что, однако, вызывает недовольство со стороны Индии.

После советского вторжения в Афганистан Пакистан был нужен нам в качестве военной базы для отправки оружия моджахедам. Но и в течение всего этого времени, и потом, уже в 1990-е, Исламабад систематически дезинформировал нас относительно своей ядерной оружейной программы и поддержки, которую он оказывал талибам. К началу второго срока президентства Билла Клинтона отношения снова испортились, причем особую роль сыграл переворот, организованный Первезом Мушаррафом в 1999 году.

События 11 сентября в корне изменили ситуацию. Нам снова понадобилось содействие Пакистана для ведения войны в Афганистане. Сегодня наши отношения с Исламабадом значительно потеплели, и это одно из крупнейших достижений администрации Буша. Нам удалось задержать и уничтожить в Пакистане сотни боевиков «Аль-Каиды», и мы продолжаем преследовать Усаму бен Ладена в районе пакистано-афганской границы. Пакистан является основным союзником США в глобальной борьбе с террором.

Не так легко убедить индийцев в разумности и эффективности этой политики. Многие в Индии уверены, что американо-пакистанские отношения строятся на вопиющих двойных стандартах. По их мнению, заявляя о том, что государства, поддерживающие терро-

ризм, будут приравнены к террористам, администрация закрывает глаза на поведение государства — главного спонсора террора, который может перекинуться и на Индию, проникнув на ее территорию через кашмирский участок границы. Я лично могу удостовериться, что разубедить индийцев непросто. Но и здесь наметились перемены. Апрельский визит президента Мушаррафа в Индию продемонстрировал, что отношения между Индией и Пакистаном достигли сегодня самого высокого за последние десятилетия уровня. «Надолго ли?» — спрашивают себя индийцы...

Ситуация в Пакистане — как в обществе, так и на правительственном уровне — нестабильна, что в общем-то свойственно диктаторским режимам, особенно в том случае, когда диктатора пытаются устранить серьезные люди вроде алькаидовцев и их союзников внутри страны. За последний год произошло несколько крупных покушений на жизнь Мушаррафа, причем одно из них чуть не привело к его гибели. Добавим к этому наличие в стране тысяч медресе, а также сотен тысяч потенциальных джихадистов и сторонников движения «Талибан», пересекающих афгано-пакистанскую границу в обоих направлениях. Не меньше проблем создает и нежелание Мушаррафа развивать в стране подлинную демократию, несмотря на то, что плюрализм и демократия — это единственное долгосрочное средство от перманентной дестабилизации.

Уже более полувека слушателям пакистанских военных академий, как и самому Мушаррафу в свое время, втолковывают, что их святая миссия — освободить весь Кашмир, а главная цель государства — способствовать этому процессу. Попытки Исламабада решить проблему Кашмира военным путем начались в 1947 году и каждый раз оканчивались ничем. После этих неудач Пакистан уже в течение пятнадцати лет использует террор в борьбе за штат Джамму и Кашмир, но по-прежнему не добился успеха.

Когда правительство видит, что его стратегия бесплодна, у него есть три пути: продолжать старую линию, разработать новую или наметить иные цели. По моему мнению, Пакистан еще не осуществил стратегический отход от своей давней политики захвата и пограничного террора. Хотя сегодня Исламабад не столь упорно переправляет убийц через границу Кашмира, Мушарраф открыто рассматривает возможность возобновить террор против Индии в случае, если на двусторонних переговорах в Дели не будет достигнуто удовлетворяющее его решение по кашмирскому вопросу. Таков был

смысл одного из последних выступлений генерала в ходе его вполне успешного апрельского визита в Индию. Вся инфраструктура терроризма в Пакистане — тренировочные лагеря и инструкторы, тайники с оружием, системы коммуникации и сами террористы — по-прежнему может быть пущена в ход.

И все же Исламабад обречен на проигрыш. Дели не отдаст ни пяди подконтрольных ему территорий, включая Джамму и Кашмир. Судя по официальным заявлениям, Индия, как и прежде, намерена вернуть себе контролируемую Пакистаном часть Кашмира. Но индийская правящая элита, думается, удовлетворилась бы проведением по линии контроля постоянной межгосударственной границы. Поэтому, если пакистанское правительство и армия не откажутся от своих целей и не примут нынешнюю схему раздела территории, спор о Кашмире затянется очень надолго. А это в свою очередь может повлечь за собой возобновление террора со стороны Пакистана.

Возможный кризис в Пакистане — стране, располагающей десятками ядерных боеголовок, — способен особенно тяжело отразиться на Индии и США. Политика администрации Буша в отношении Исламабада до сего дня была вполне адекватна и результативна, но все может измениться, если завтра Мушаррафа убьют. Поэтому обе наши страны так заинтересованы в формировании демократии, в создании обстановки стабильности и процветания в Пакистане. Вашингтон и Дели должны постоянно поддерживать негласный диалог о путях достижения этой исторической цели.

КАК ДВИГАТЬСЯ ДАЛЬШЕ?

После событий 11 сентября администрация Буша кардинально изменила свою политику в отношении Большого Ближнего Востока. Прежние кабинеты пытались контролировать существующие конфликты, одновременно оказывая поддержку авторитарическим режимам. Ни региону, ни планете в целом этот подход не принес длительной стабильности и мира. Джордж Буш верит, что продвижение демократии и свободы — наша основная стратегия, являющаяся долгосрочной альтернативой исламскому экстремизму. И, по моему, президент прав. В текущем десятилетии Индия будет все активнее участвовать в нашем благородном деле, и это станет центральным аспектом продолжающейся трансформации американо-индийских отношений, основанной, помимо прочего, на совпадении многих жизненно важных интересов обеих стран.

Россия, Китай и Индия в мировой экономике

Владимир Портяков

Многие важные аспекты взаимодействия России, Китая и Индии на международной арене обусловлены местом этих стран в мировой экономике, глубиной и характером их вовлеченности в процессы глобализации и регионализации. Выявление потенциальных сфер совпадения и конфликта интересов этих государств, налаживание между ними трехстороннего сотрудничества невозможно без адекватного анализа мирохозяйственного контекста их экономического развития.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

Доли Китая и России в мировой экономике, вполне сопоставимые еще полтора десятилетия назад, в настоящее время заметно различаются. Причина – различная динамика развития в 1990-е годы. Среднегодовой прирост ВВП КНР в период с 1990 по 2003 год составил 9,3 %; в России, несмотря на положительные темпы в 1999–2003 годах, уровень ВВП 1990-го пока не восстановлен. По данным МВФ, ВВП Китая в пересчете юаней на доллары по официальному курсу (8,28 юаня за доллар США) составил в 2003-м 1 412,3 млрд дол., а доля страны в мировом ВВП (36,24 трлн дол.) равнялась 3,9 %. Из-за падения курса доллара по отношению к евро КНР по абсолютному размеру ВВП опустилась с 6-го места в мире в 2002 году на 7-е место в 2003-м (пропустив вперед США, Японию, Германию, Великобританию, Францию и Италию). В 2004 году ВВП Китая в сопоставимых ценах вырос на 9,5 % и достиг в долларовом выражении 1,64 трлн дол., а его доля в миро-

В.Я. Портяков – д. э. н., заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. Ссылки на использованную литературу см. на сайте <http://www.globalaffairs.ru>

вой экономике увеличилась до 4,1 %. Следует отметить существенно более высокие — по сравнению с долей в мировом ВВП — доли КНР в приросте мирового ВВП (порядка 16 %) и мировом потреблении стали (четверть), угля (30 %) и цемента (половина).

Статус Китая как одной из крупнейших экономик мира подкрепляется его первенством по производству ряда видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, в том числе стали, угля, цемента, химических удобрений, хлопчатобумажных тканей, телевизоров, зерна, мяса, хлопка, арахиса. КНР занимает второе место в мире по выработке электроэнергии.

В силу многонаселенности Китая его позиции в мировой таблице о рангах по среднедушевому производству ВВП значительно скромнее: 110-е место в 2003 году при 1 089 дол. (в 2002-м средний показатель подушевого ВВП в мире составлял 5 080 дол.).

Россия, по данным МВФ, произвела в 2003 году 432,8 млрд дол. ВВП (в пересчете рублей на доллары по официальному курсу), что составило 1,19 % от общемирового показателя. При этом среднедушевой ВВП России был равен 3 020 дол.

В 2004-м российский ВВП достиг, по предварительной оценке, 582,3 млрд дол. (быстрый рост данного показателя в долларовом выражении обусловлен существенным повышением курсовой стоимости рубля по отношению к доллару).

Россия занимает первое место в мире по добыче естественного газа, необработанных алмазов, второе — по производству нефти, картофеля, строительного кирпича, третье — по производству чугуна и молока, четвертое — по производству стали, химудобрений, хлопчатобумажных тканей, зерна и выработке электроэнергии.

ВВП Индии в 2003 году составил 579,7 млрд дол., или 1,6 % от общемирового показателя. При этом среднедушевой ВВП Индии равнялся 542,5 дол. Во всем мире Индия славится своими драгоценными изделиями, чаем, лекарствами, тканями и готовой одеждой, а в последние годы она широко известна как производитель программного обеспечения и один из ведущих игроков на рынке аутсорсинга информационных и деловых услуг.

Обращение к показателям ВВП, рассчитанным по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), существенно улучшает позиции России, КНР и Индии в мировой таблице о рангах.

По данным МВФ, в 2003 году ВВП России по ППС составил 1 290 млрд дол. в абсолютном (10-е место в мире) и 9 тыс. дол. в

подушевом выражении. ВВП Китая по ППС достиг 6 353,8 млрд дол. в абсолютном исчислении (2-е место в мире вслед за США) и 4 890 дол. в расчете на душу населения. ВВП Индии – 2 889,8 млрд дол. в абсолютном выражении (4-е место в мире) и 2 704 дол. в расчете на душу населения. При этом доля КНР в мировом ВВП была равна 12,58 %, России – 2,55 % и Индии – 5,72 %. Таким образом, если суммарная доля трех стран в мировой экономике при расчете ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару составляет лишь 6,7 %, то при расчетах по паритетах покупательной способности она втрое выше – 20,85 %.

Данные о ВВП Китая по ППС уже давно оживленно обсуждаются в мировой экономической литературе и ведущих СМИ. К примеру, все прогнозы, предрекающие примерно к 2015–2020 годам выход КНР на уровень США по абсолютным размерам экономики, основаны именно на использовании показателя ВВП по ППС. При таком подходе экономика Китая с середины 1990-х становится второй в мире по общим масштабам (около 60 % от экономики США).

Примечательно, что, когда на основании этого показателя МВФ и Всемирный банк в 1992–1993 годах впервые выдвинули Китай на ведущие позиции в мире, последний отреагировал на этот факт весьма прохладно. С политической точки зрения роль главного соперника США на мировой арене была для Пекина совершенно неприемлема. Тем не менее критическому разбору подверглись чисто экономические аспекты применения показателя ВВП по ППС. Один из главных аргументов против широкого использования этого показателя применительно к Китаю заключался в том, что он автоматически приравнивает всю гамму товаров и услуг, произведенных в стране, к товарам и услугам, прошедшим «горнило» купли-продажи на мировом рынке. Тем самым существенно завышаются качество и международная конкурентоспособность, а следовательно, и стоимостная оценка всей произведенной в КНР продукции, тогда как значительная ее часть этого явно не заслуживает. Хотя сегодня, десять лет спустя, ситуация изменилась к лучшему, в целом данный аргумент сохраняет актуальность.

Если в Индии объем ВВП по ППС активно используется для доказательств тезиса о том, что «Индия – четвертая по масштабам экономика в мире», то в Китае предпочитают не заострять внима-

ние на этом показателе, и лишь некоторые китайские ученые (например, Ху Аньган из Университета Цинхуа) пользуются им, составляя прогнозы экономического развития.

Применение показателя ВВП по ППС по сравнению с показателем ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару резко повышает объемы и доли в мировой экономике менее развитых стран с невысоким уровнем доходов и покупательной способности населения. Это почти в равной мере касается и КНР, и России, и Индии. Соотношение валовых внутренних продуктов Китая и России, рассчитанных по ППС, составило в 2003-м 4,92 : 1, а по официальным курсам национальных валют к доллару США – 3,26 : 1. Для Индии и России эти соотношения составили соответственно 2,24 : 1 и 1,34 : 1, а для КНР и Индии – 2,20 : 1 и 2,43 : 1.

Китай заметно опережает Россию и Индию по объему внешне-торгового товарооборота и по доле в мировой торговле. Провозглашенная в конце 1970-х годов политика внешнеэкономической открытости позволила КНР нарастить объем внешней торговли с 20,6 млрд дол. в предреформенном 1978-м до 851 млрд дол. в 2003-м (в т. ч. 438,23 млрд дол. – экспорт и 412,76 млрд дол. – импорт) и выйти по этому показателю на 4-е место в мире (вслед за США, Германией и Японией). Особенно динамично экспорт и импорт Китая росли после его вступления в 2001 году во Всемирную торговую организацию. Доля КНР в мировом экспорте товаров достигла примерно 5,9 %, а в мировом импорте товаров – 5,3 %. Доля России в мировом экспорте товаров (133,7 млрд дол.) составила около 1,8 %, а в импорте (57,4 млрд дол.) – около 0,8 %.

Позиции Китая в сфере мировой торговли услугами несколько слабее: в 2003 году он обеспечил 2,5 % глобального экспорта и 3,1 % – глобального импорта услуг. Доля России составила соответственно 0,9 % в мировом экспорте и 1,5 % в импорте услуг.

Согласно расчетам МВФ, основанным на суммировании объемов торговли товарами и торговли услугами, доля КНР в мировом экспорте в 2003-м составила 5,26 %, а в импорте – 4,91 % (абсолютные величины – соответственно 485 и 448 млрд дол.). Доля России в глобальном экспорте товаров и услуг (152 млрд дол.) равнялась 1,65 %, а в мировом импорте товаров и услуг (102 млрд дол.) – 1,12 %.

В 2004 году объем внешнеторгового товарооборота Китая вырос на 35,7 % и достиг 1 154,79 млрд дол., при этом экспорт составил

593,37 млрд, а импорт — 561,42 млрд дол. Страна стала третьей торговой державой мира. Внешняя торговля России в 2004-м, по данным таможенной статистики, составила 257,1 млрд дол., в т. ч. 181,5 млрд — экспорт и 75,6 млрд дол. — импорт.

Что касается Индии, то объем ее внешней торговли товарами составил в 2003–2004 годах (с апреля 2003 по март 2004-го) 142 млрд дол., из них 63,85 млрд дол. — экспорт и 78,15 млрд — импорт. Соответственно доля Индии в мировом экспорте товаров составила порядка 0,85 %, а в импорте — 1%. Как показал суммарный объем торговли товарами и услугами (а именно в сфере экспорта услуг позиции Индии на мировом рынке в последние годы существенно усилились), доля страны составила 0,89 % мирового экспорта (82 млрд дол.) и 0,92 % импорта (84 млрд дол.).

РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

Специфика участия страны в международном разделении труда определяется не только масштабами, но и структурой ее экономики, наличием в ней отраслей и производств, характеризующихся очевидными сравнительными преимуществами на мировом рынке. У Китая таковыми являются прежде всего трудоемкие отрасли: производство одежды и других видов текстильных изделий, обуви, игрушек, бытовой техники и электроники.

Стратегия экономического развития КНР на среднесрочную перспективу предусматривает существенное облагораживание структуры народного хозяйства с заметным повышением в нем доли перерабатывающих, наукоемких и высокотехнологичных отраслей. В частности, взят ориентир на то, чтобы среднегодовые темпы прироста продукции перерабатывающей промышленности на один процентный пункт превышали темпы прироста ВВП, а темпы прироста в машиностроении также были бы на один процентный пункт выше, чем в переработке в целом. В 2002 году вклад Китая в мировой прирост продукции перерабатывающей промышленности составил 29 % при доле страны в перерабатывающих отраслях порядка 5 %. Так что вполне вероятное постепенное превращение КНР в «мировую фабрику» будет сопровождаться захватом ею новых ниш в системе мирового хозяйства. Среди ожидаемых зон китайского «прорыва» — судо- и автомобилестроение, биотехнологии.

Избранная Китаем стратегия развития получает реальное подкрепление вследствие поступательного увеличения доли расходов

на НИОКР с 0,6 % ВВП в 1995-м до 1,3 % в 2003-м и роста за тот же период числа занятых в этой сфере ученых и инженеров с 470 тыс. человек до 821 тысячи. Симптоматично, что доля продукции в сфере новых и высоких технологий в экспорте КНР достигла в 2003 году 25 %.

Еще один важный фактор, определяющий позиции Китая в мировой экономике, — необходимость стабильного обеспечения его растущих потребностей в нефти и различных видах сырья. По китайским оценкам, в 2010 году потребности страны могут быть удовлетворены за счет ее собственных ресурсов по 21 из 45 важнейших видов полезных ископаемых, а в 2020-м — только по 6 видам. Например, в 2004-м КНР импортировала 122,7 млн т сырой нефти, 26,3 млн кубометров древесины, 208 млн т железной руды.

Необходимость разрешения данного комплекса проблем обусловила в последние годы заметную модификацию стратегии развития внешнеэкономических связей Китая. В 2000 году в КНР впервые выдвинута концепция активного выхода отечественных производителей на внешние рынки («цзоучуэной» — буквально «выход за ворота своего дома»). В отличие от предшествующего двадцатилетия, когда «мотором» экспортно-ориентированного развития выступали специализировавшиеся на внешней торговле государственные структуры, сегодня основной движущей силой экспортного наступления Китая призваны стать непосредственно производственные предприятия и компании различных форм собственности.

Значительно модифицируются формы и методы продвижения экспортных товаров на внешние рынки, за рубежом создаются сбытовые сети и торговые центры китайских товаров. Поощряется учреждение китайскими компаниями дочерних предприятий в других странах и увеличение вывоза капитала, что прежде имело ограниченные масштабы. За один только 2003-й зарегистрированные зарубежные инвестиции китайских компаний составили 2 млрд дол., увеличившись вдвое по сравнению с 2002 годом. В то же время, по данным Конференции ООН по торговле и развитию, общие прямые инвестиции КНР за рубежом превысили в 2003-м 35 млрд дол.

С учетом опыта проникновения на китайский рынок транснациональных корпораций особая роль отводится созданию предприятий по переработке давальческого сырья. Значительное внимание

уделяется и предприятиям — изготовителям бытовой техники методом отверточной сборки, который нередко позволяет обойти как внутренние количественные ограничения, так и высокие тарифы на импорт. Китай заметно активизируется и на мировом рынке трудовых, прежде всего подрядных, инженерно-строительных работ (на конец 2002 года за рубежом по этой линии работали 489,6 тыс., а в 1999-м — 380 тыс.).

Для повышения конкурентоспособности страны в области международных перевозок намечено строительство новых глубоководных портов в Шанхае и Шэньчжэне, способных обслуживать контейнеровозы новейшего поколения. Производство особо перспективных экспортных товаров (например, судов для транспортировки сжиженного газа) получает крупную кредитную поддержку со стороны государственного Экспортно-импортного банка.

Место России в международном разделении труда в настоящее время определяется в первую очередь экспортом газа, нефти и нефтепродуктов. В 2003 году их продажа обеспечила более половины доходов страны от экспорта (соответственно 20 млрд, 39,7 млрд и 14 млрд дол., а в общей сложности — 73,7 млрд дол.). В 2004-м стоимостной показатель российского экспорта нефти достиг 55 млрд дол., нефтепродуктов — 19 млрд дол. и газа — 20,9 млрд дол., что в сумме составило 94,9 млрд дол. Если перспективы сохранения страной высокого уровня добычи и экспорта нефти далеко не все эксперты оценивают оптимистично, то по природному газу, напротив, России единодушно предрекают долговременное и уверенное лидерство на мировом рынке.

В ряд конкурентных на мировом рынке статей российского экспорта можно включить лес, черные и некоторые цветные металлы, химические (прежде всего калийные) удобрения, морепродукты.

Массовый экспорт продукции машиностроения представлен двумя позициями: военной техникой и оборудованием для АЭС. В силу значительной конкуренции на мировых рынках вооружений и оборудования для атомной энергетики и в связи с политической составляющей торговли данными товарами вряд ли можно уверенно прогнозировать в обозримой перспективе сохранение в этой сфере сегодняшних позиций России, хотя объективно оно ей по силам.

Сколько-нибудь внятная стратегия облагораживания структуры экспорта и усиления роли в международном разделении труда

на сегодня у России отсутствует. Разговоры о необходимости некоего прорыва в инновационной сфере в последнее время ведутся, но кадровое и финансовое состояние российской науки оставляет желать лучшего. Численность персонала, занятого в нашей стране научными исследованиями, сократилась с 804 тыс. человек в 1992 году до 411 тыс. в 2003-м (при этом большинство ученых достигли пенсионного возраста), а расходы на НИОКР в последние годы варьировались в диапазоне от 0,23 до 0,30 % ВВП. Хотя ассигнования на космос (в 2004 году – 0,53 млрд дол.) учитываются отдельно, общую картину это принципиально не меняет. Вряд ли случайным является тот факт, что доля России на мировом рынке инноваций составляет в настоящее время 0,5 %, тогда как доля КНР – 6 %.

Специфика участия Индии в международном разделении труда определяется тремя ведущими факторами. Это, во-первых, сохраняющаяся опора на использование тех ее сравнительных преимуществ на мировом рынке, которые связаны с относительной дешевой рабочей силой, с наличием богатых месторождений ряда полезных ископаемых (железная руда, бокситы, драгоценные камни) и с природными климатическими условиями, благоприятствующими выращиванию многих видов сельхозкультур (чай, орехи, специи и т. д.). Во-вторых, возрастающая зависимость экономики от импорта нефти (по оценкам, с 70 % в настоящее время до 85 % в среднесрочной перспективе), обуславливающая стремление Индии обеспечить себя надежными источниками нефти и газа, в том числе за счет более активной инвестиционной политики за рубежом. В-третьих, использование широкого распространения английского языка для завоевания ниши в мировом аутсорсинге услуг и деловых процессов, основанных на информационных технологиях. В 2003 году объем индийского экспорта в данной области превысил 12 млрд дол.

Пока же некоторые зарубежные эксперты оценивают товарную структуру индийской внешней торговли как значительно менее современную, чем китайская. В частности, машины, оборудование и электроника составляют менее 10 % экспорта Индии, тогда как у Китая эта доля превышает 40 %. В импорте Индии доля нефти и нефтепродуктов (28,1 % за апрель – декабрь 2004-го) также существенно выше доли машин и оборудования (9,78 % за тот же период).

ИНВЕСТИЦИИ И ФИНАНСЫ

В последние годы КНР стабильно опережает Россию на полтора-два десятка позиций в рейтинге конкурентоспособности стран, ежегодно рассчитываемом Международным институтом развития менеджмента в Лозанне (Швейцария) для 60 государств и территорий. Согласно докладу о глобальной конкурентоспособности за 2004 год, Китай оказался на 24-м месте (годом ранее он был 29-м в списке).

Несмотря на некоторую позитивную динамику, Россия заметно отстает от КНР и в рейтинге страновых рисков, составляемом журналами *Euro Money* и *Institutional Investor*. В марте 2003-го первый от-вел России 76-е, а Китаю – 56-е место, а в марте 2004-го Россия и КНР опустили соответственно на 66-е и 45-е места (оценивалось 185 стран и территорий). Согласно второму изданию, анализировавшему 172 страны и региона, за тот же период Россия передвинулась с 64-го места на 59-е, а Китай остался на 38-й позиции.

Устойчивое мнение международного сообщества о рискованности инвестирования в Россию имеет вполне конкретные негативные последствия.

Во-первых, не удастся использовать в полную силу колоссальные транспортно-транзитные возможности России, и прежде всего в сфере перевозок грузов между Европой и Азией (классический маршрут контейнерных перевозок по Транссибирской магистрали далеко не единственный).

Во-вторых, заметно разнятся объемы привлекаемых прямых иностранных инвестиций. В 2003 году КНР использовала 53,5 млрд дол. прямых иностранных инвестиций, или 8 % общемирового показателя (653 млрд дол.), уступив лишь Соединенным Штатам (86,6 млрд дол.). В 2004-м страна реализовала 60,6 млрд дол. прямых иностранных инвестиций. В целом за годы реформ (по состоянию на конец 2004 года) в Китае было фактически использовано 562,1 млрд дол. прямых иностранных инвестиций и учреждено около 509 тысяч предприятий с участием капитала, поступавшего из-за рубежа и от соотечественников из Гонконга, Макао и Тайваня.

Следует, однако, заметить, что в последние месяцы в КНР стали применять новый термин – «остаток привлеченных прямых зарубежных инвестиций», который учитывает такие факторы, как амортизация оборудования, вывод иностранных инвестиций и прекращение деятельности предприятий с участием иностранного капитала. На конец 2003-го этот «остаток» составил 260 млрд дол., а

зарегистрированное количество действующих предприятий с участием иностранного капитала – 230 тысяч.

Согласно официальной российской статистике, в 2001 и 2002 годах в Россию поступило 4 млрд дол. прямых иностранных инвестиций, в 2003-м – 6,8 млрд дол., включая и «кредиты, полученные от совладельцев организаций» (по 2,1 млрд дол. в 2001 и 2003 годах и 1,3 млрд дол. в 2002-м). В 2004 году объем привлеченных Россией прямых иностранных инвестиций вырос до 9,4 млрд долларов.

Третье следствие – утечка отечественного капитала за рубеж. Китай тоже в определенной мере сталкивается с этой проблемой, хотя там данное явление обусловлено не столько риском инвестирования средств в экономику, сколько сложностью легализации коррупционных и иных незаконных доходов.

В экономике Индии иностранные инвестиции пока не играют существенной роли: они ежегодно составляют менее 1 % ВВП и влияют лишь на отдельные секторы (автомобильная промышленность, аутсорсинг деловых услуг).

И для Китая, и для России характерны относительно слабые позиции в мировой финансовой системе. Хотя ряд ведущих компаний КНР прямо или косвенно представлены на Гонконгской фондовой бирже, в целом процесс интеграции китайского рынка ценных бумаг с мировым фондовым рынком находится на начальной стадии. Взаимодействие российского фондового рынка с мировым рынком капиталов осуществляется через акции и облигации немногочисленных крупных компаний таких секторов, как топливная энергетика и черная металлургия. Ситуация здесь определяется недостаточной по международным меркам мощностью национального корпоративного бизнеса и Китая, и России. Обе страны пока слабо представлены в списке 500 крупнейших компаний мира.

Как КНР, так и Россия в последние годы успешно справляются с обслуживанием своего достаточно крупного внешнего долга. В Китае его размер заметно увеличился в связи с пересчетом долга по международным стандартам после вступления страны в ВТО. На конец 2004-го объем внешнего долга КНР составил 228,6 млрд дол., из них 104,3 млрд дол. (около 45 %) – краткосрочная задолженность, которую надлежит погасить в течение 12 месяцев. Объем внешнего долга России в связи с активным его погашением в последнее время снизился со 143,4 млрд дол. на начало 2002 года до 119,7 млрд дол. на начало 2005-го.

Внешний долг Индии на конец 2004 года был равен 120,9 млрд дол., включая краткосрочную задолженность в размере лишь 5,7 %. По оценке Всемирного банка, соотношение внешнего долга к ВВП в 2003-м составляло у Индии 19 % против 14 % у Китая.

Стабильное положительное сальдо платежного баланса и весьма жесткие правила валютного регулирования (например, требование продажи экспортерами уполномоченным банкам всей валютной выручки) обусловили быстрое нарастание объема валютных резервов КНР. На начало 2005 года они составили 609,9 млрд дол. – второй показатель в мире после Японии. Приток нефтедолларов обеспечил утроение валютных резервов России – с показателя порядка 40 млрд дол. до отметки выше 120 млрд долларов.

Наличие излишних валютных резервов (а ряд китайских экономистов считают оптимальным для КНР показатель в 150–180 млрд дол.) подталкивает к ревальвации, т. е. повышению стоимости национальной валюты по отношению к ведущим валютам мира. В России сознательно или под давлением обстоятельств в этом направлении сделан определенный шаг. Вслед за обесценением доллара США по отношению к евро на мировом валютном рынке курс рубля к доллару упал в нашей стране с 31,78 в конце 2002 года до 29,45 в конце 2003-го (92,7 % к уровню предыдущего года). Представляется, что такая мера позволила избежать более значительного, чем на практике (на 25 % в 2002 году и еще на 11,2 % в 2003-м), снижения курса рубля по отношению к евро, что имело принципиальное значение в условиях, когда и торговля, и туризм в России в немалой степени связаны с зоной евро.

В 2004 году в России укрепление национальной валюты против доллара продолжилось (27,75 руб. за доллар в конце года). Китай, напротив, сохранил, несмотря на сильное давление со стороны США, жесткую привязку курса юаня к доллару, поскольку стремится поддерживать высокие темпы роста экспорта и экономики в целом.

И КНР, и Россия ставят себе целью достижение полной конвертируемости национальных валют и постепенно движутся к ней, хотя конкретный график решения этой задачи в обеих странах отсутствует. Китайский юань все активнее используется для осуществления расчетов в приграничной торговле Китая с соседними странами, в первую очередь с Вьетнамом, Камбоджей и Бирмой, а также и с Россией. Хотя вероятность «интернационализации» юаня в самом Китае оценивается весьма осторожно, в отдаленной перспективе она отнюдь не исключена.

ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ И КОНКУРЕНЦИЯ
Обязательства перед Всемирной торговой организацией — наиболее влиятельным международным органом, определяющим правила функционирования мирового хозяйства, — ускорили открытие доступа иностранного капитала в банковский и страховой секторы КНР. То же самое, надо полагать, ждет и Россию после ее вступления в ВТО.

Формально членство в ВТО предоставляет КНР неоспоримые преимущества в мировой торговле перед Россией. Однако на деле эти преимущества несколько обесценены теми условиями, на которых Китай присоединился к ВТО (напомним, что по политическим соображениям этот процесс на завершающей стадии переговоров чрезмерно форсировался Пекином). Прежде всего речь идет о том, что в течение первых 15 лет ее членства в этой организации КНР будет рассматриваться как страна с нерыночной экономикой. Кроме того, в течение 12 лет государства — члены ВТО имеют право применять защитные меры в отношении ряда товаров китайского экспорта, а часть членов ВТО — и дополнительные защитные меры против экспорта китайского текстиля до 2008 года. Стало быть, полагают китайские эксперты, реальное пространство для экспортной экспансии, полученное Китаем как членом ВТО, пока относительно невелико.

Пожалуй, и Россия не имеет каких-либо реальных преимуществ перед КНР, будучи членом «большой восьмерки». Китай пока рассматривается к этому форуму. В 2004-м он впервые принял участие в совещании министров финансов «большой семерки».

Вместе с тем членство России и КНР в форуме Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) позволяет их лидерам регулярно обмениваться мнениями по актуальным проблемам, в том числе экономическим. Обе эти организации, особенно ШОС, создают хорошую институциональную основу для взаимодействия России и Китая при разработке и реализации региональных программ экономического сотрудничества.

В целом КНР проявляет наибольшую активность в Азии, выступая за всемерное развитие регионального экономического сотрудничества, в том числе путем создания различных зон свободной торговли.

Азиатские страны и территории занимают сегодня ведущие места во внешней торговле Китая. Так, в 2004 году на них пришлось 57,6 % внешнеторгового оборота, 52,5 % экспорта и 65,8 % импорта КНР. Главные торговые партнеры Китая в этом регионе —

Япония (14,5 %), Южная Корея (7,8 %), Тайвань (6,8 %), Гонконг (9,8 %), страны – члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (9,2 %). Те же государства занимают лидирующие позиции в прямых инвестициях в КНР. Здесь (по состоянию на конец 2002-го) доля Гонконга составила 45,73 %, Японии – 8,11 %; Тайваня – 7,39 % при доле США в 8,9 % и «старого» ЕС – порядка 7,6 %.

Все более важным глобальным партнером Китая, причем не только экономическим, но и политическим, становится Европейский союз, рассматриваемый в Пекине как один из важнейших игроков на международной арене, особенно после расширения Евросоюза 1 мая 2004 года. Объем торговли КНР с ЕС достиг в 2004-м 177,28 млрд дол. (15,3 % внешнеторгового оборота страны), т. е. превысил объем его торговли с Японией (167,88 млрд дол.) и США (169,62 млрд дол.).

Соединенные Штаты являются для Пекина главным ориентиром и мерилom экономического развития, а также приоритетным контрагентом в мировых делах: в одних – в качестве оппонентов, в других – как партнер. Примерно так же расценивают Китай и в Вашингтоне, особенно в связи с растущей ролью КНР в американской внешней торговле: ее доля в импорте США составляет ныне 11 % против 10 % у Японии и 3 % у Южной Кореи.

Торгово-экономические отношения Китая с ведущими партнерами – Японией, Европейским союзом, США – носят далеко не идиллический характер. Идет постоянная борьба за собственные интересы, за уступки со стороны партнера. В частности, Евросоюз проводит ряд антидемпинговых расследований в отношении китайских товаров, ставит дополнительные технические барьеры для экспорта в ЕС некоторых видов китайской техники, отменяет льготы на импорт из КНР все новых и новых изделий. Значителен и перечень американских претензий к Китаю как к торговому партнеру (растущее пассивное сальдо двусторонней торговли, «неэкологичность» китайских изделий и т. п.). Однако после присоединения к Всемирной торговой организации КНР стала предпринимать ответные антидемпинговые расследования по ряду товаров, импортируемых из США.

«Зона конкуренции» с Японией на международных рынках у Китая значительно уже, чем «зона взаимодополняемости», что, полагают в Пекине, благоприятствует формированию в Восточной Азии региональной экономической группировки с участием обеих стран. Это, впрочем, не исключает борьбу между ними за лидерство на азиатском континенте.

Для России наиболее естественным пространством интеграционных процессов являются республики Содружества Независимых Государств. В 2003 году их доля во внешней торговле России составила 17,9 %, в экспорте — 15,3 %, в импорте — 23,7 %.

Главным торговым партнером Российской Федерации остается Европа (без стран Балтии). Объем торговли России с европейскими странами составил в 2003-м 92,9 млрд дол. (48,6 %). Доля Европы (66,5 млрд дол.) в российском экспорте — 49,7 %, а в импорте (26,4 млрд дол.) — 46 %. Лидируют европейские страны и по объему иностранных инвестиций в нашей стране. Однако рассчитывать на тесную интеграцию с единой Европой России не приходится. Полноправным членом Европейского союза в самой Европе ее видеть не хотят ни при каких обстоятельствах, хотя в Москве порой допускают такую вероятность и неустанно говорят о своей принадлежности к европейской цивилизации.

Объем торговли между Россией и США стабильно держится на одном и том же уровне: российский экспорт — порядка 4 млрд, а импорт — порядка 3 млрд долларов. Такая стабильность может среди прочего свидетельствовать о достижении посредством двусторонних связей некоего естественного максимального уровня, что ставит под вопрос возможность их дальнейшего углубления.

Напротив, Азия, особенно Восточная, может стать для России приоритетной зоной участия в процессах региональной интеграции. Здесь действуют такие факторы, как взаимодополняемость экономик и объективная для России потребность подключиться к формирующемуся в Восточной Азии третьему — после США и Европы — центру глобальной экономики. Сделать это явно больше шансов именно здесь, чем на европейском или американском направлении.

Приоритетными для Индии являются торговые связи с США (17,5 % экспорта и 6 % импорта в апреле — декабре 2004-го) и Евросоюзом (21,6 % экспорта и 16,7 % импорта). Среди других ее крупных партнеров — Объединенные Арабские Эмираты (4 % импорта и 8,7 % экспорта).

Объем взаимной «парной» торговли России, Индии и Китая в абсолютном выражении растет более или менее стабильно. В 2004 году объем торговли между КНР и Россией достиг 21,2 млрд дол., между Китаем и Индией — 13,6 млрд долларов. Пока отстает российско-индийская торговля, объем которой в 2003-м составил, по данным российской статистики, 3,3 млрд дол. (в т. ч. 2,7 млрд дол. — экспорт России).

ТРЕБУЕТСЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в настоящее время Китай заметно опережает Россию и Индию в том, что касается степени вовлеченности этих стран в мировую экономику, торговлю и инвестиционные потоки. КНР имеет весомые объективные основания претендовать на статус локомотива азиатской экономики и на роль «активного фактора роста» мировой экономики в целом. Вместе с тем дальнейшее усиление позиций Китая в системе глобальных хозяйственных связей будет наверняка даваться ему непросто. Уязвимыми местами КНР являются относительная ресурсная слабость и нахождение вне рамок какой-либо влиятельной региональной интеграционной группировки. Следовательно, можно ожидать долгосрочной повышенной активности Китая по решению или минимизации этих проблем.

Во-вторых, формирование позиций России в мировой экономике обуславливалось в первую очередь способностью нашей страны сохранить и развить те наиболее сильные стороны «советского наследия», которые позволяли участвовать в международном разделении труда. Это удалось сделать применительно к газу, нефти, лесу, черным и цветным металлам, морепродуктам, военной технике, атомной энергетике, отчасти космонавтике, некоторым видам химической продукции. Сохраняются объективные причины для выполнения Россией международных транспортно-транзитных функций. В перспективе может возрасти ее роль на глобальном рынке нефти и газа. При государственной и инвестиционной поддержке возможна, особенно на азиатских рынках, реализация Россией все еще значительного советского задела в таких сферах, как инновации, атомная энергетика, военные и космические технологии.

В-третьих, быстрая модернизация сферы услуг (программное обеспечение, аутсорсинг деловых услуг, основанных на информационных технологиях) меняет роль Индии в международном разделении труда, однако определяющим фактором здесь еще долго будут оставаться ее сравнительные преимущества в традиционных отраслях.

В-четвертых, зона совпадающих интересов и взаимодополняемости России, Китая и Индии в мировой экономике шире зоны их реальных и потенциальных конфликтных интересов. Это создает стабильную основу для наращивания масштабов и диверсификации форм трехстороннего сотрудничества, для взаимодействия в рамках

интеграционных процессов в Азии. Вместе с тем ориентация хозяйственных связей Китая и Индии, а отчасти и России на американский, европейский и азиатский рынки ограничивает возможности трехстороннего сотрудничества как на рынках других стран, так и в борьбе за улучшение условий международной торговли.

В-пятых, несмотря на укрепление политических и экономических основ взаимодействия России, Китая и Индии, достигнутый реальный прогресс не стоит переоценивать. На сегодняшний день для каждой из стран-участниц отношения, в том числе экономические, в треугольнике Москва – Пекин – Дели остаются приоритетом «второго порядка», имеют скорее потенциальное, нежели актуальное значение, являются либо проектом на будущее, либо чем-то вроде «запасного аэродрома», который может или пригодиться в случае тех либо иных осложнений на основных направлениях политики, или остаться невостребованным.

В любом случае, однако, плюсы активизации взаимодействия России, Китая и Индии перевешивают возможные минусы. Оживление сотрудничества способно послужить для каждой из стран эффективным рычагом усиления их самостоятельных и суммарных позиций в системе мирового хозяйства.

Разумеется, позитивное продвижение в деле взаимодействия России, Китая и Индии не дастся само собой. Для достижения прогресса надо последовательно и целеустремленно работать, исходя из общих интересов трех стран и необходимости укрепления их позиций в мире.

Нефть в обмен на процветание

Рис. Лены Крамыниной, 8 лет. Лауреат конкурса «Северное сияние», проводимого компанией «Тюментрансгаз»

“ Построить современную экономику удастся только при максимальном использовании возможностей выработки продукции с высокой добавленной стоимостью, и Россия неизбежно будет продвигаться в этом направлении. Участие в российских проектах обеспечит энергоемкие производства наших зарубежных партнеров продукцией высоких переделов, что создаст мощный синергетический эффект для экономик обеих сторон ”

Повестка дня для глобальной энергетики Владимир Милов

160

Российские углеводороды и мировые рынки
Александр Арбатов, Мария Белова, Владимир Фейгин

170

Повестка дня для глобальной энергетики

Владимир Милов

Лейтмотивом предстоящего в 2006 году Санкт-Петербургского саммита «большой восьмерки» под председательством России будет глобальная энергетическая безопасность. Во-первых, это действительно одна из важнейших международных проблем, и подобная дискуссия давно напрашивалась в повестку дня «восьмерки». Во-вторых, энергетика — одна из немногих выигрышных тем, которые наша страна с ее растущим глобальным энергетическим потенциалом могла бы предложить для дебатов партнерам.

Понятие «энергетическая безопасность» не имеет четкого определения, являясь, по выражению экспертов Международного энергетического агентства, «комплексной концепцией, направленной на защиту потребителей энергии от перебоев в поставках, вызванных чрезвычайными обстоятельствами, терроризмом, недоинвестированием в инфраструктуру либо плохой организацией рынков». В развитых странах система защиты от чрезвычайных ситуаций в виде собственных стратегических резервов нефти уже носит достаточно продвинутый характер. Так что исходя из контекста международного энергетического диалога можно предположить: обсуждение вопросов энергетической безопасности сосредоточится в ближайшее время на таких темах, как организация рынков и широкий спектр проблем доступа к ресурсам.

Коль скоро Россия хочет ощущать себя полноценным членом «элитарного клуба», к этой дискуссии необходимо подойти с точки зрения объективных интересов международного сообщества, а не пытаться просто использовать благоприятную конъюнктуру в собственных интересах. Наша цель — не «продать энергоресурсы», а вне-

В.С. Милов — президент Института энергетической политики.

сти посильный вклад в создание более устойчивого международного энергетического механизма, который в свою очередь расширит наши возможности на международных рынках. Так что же имело бы смысл обсуждать под председательством нашей страны?

«БОЛЬШАЯ ВОСЬМЕРКА» И ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТЬ

Не стоит строить иллюзии относительно того, что дискуссия в рамках «восьмерки» существенно продвинет человечество к решению энергетических проблем. Ведь «большая восьмерка» — это далеко не монолитный организм с не очень понятным статусом. Однако не следует и недооценивать значение совместного с мировыми лидерами обсуждения глобальных проблем — к тому же в той области, где Россия явно конкурентоспособна и имеет жизненно важные интересы.

Вообще говоря, системный подход к организации работы над решением конкретных проблем человечества не характерен для «восьмерки». В рамках этого форума само общение между лидерами зачастую бывает важнее результата. Тем не менее, начиная с встречи в 2000-м на Окинаве, вопросы энергетики неизменно получали отражение в итоговых документах саммитов (правда, в весьма сжатом формате и в основном в контексте развития возобновляемых источников энергии и борьбы с глобальным изменением климата). За последние восемь лет состоялись две специальные встречи министров энергетики стран «восьмерки», на которых вопросы глобальной энергетической безопасности обсуждались более предметно. По итогам одной из таких встреч (Детройт, 3–4 мая 2002 г.) были кратко сформулированы основные принципы международного взаимодействия в сфере обеспечения энергетической безопасности. В последнее время между странами «восьмерки» активизировались двусторонние «энергетические диалоги», активным участником которых является Россия.

Можно выделить некоторые наиболее приоритетные проблемы.

Во-первых, очевидно, что в ближайшие годы нефтяная тематика продолжит доминировать в глобальном энергетическом диалоге. Конкуренция между различными источниками энергии (газ, уголь, атомная энергия, возобновляемые и нетрадиционные источники) возможна лишь в стационарной энергетике (в первую очередь электроэнергетике), где, кстати, потребление нефти в последние десятилетия сократилось до исторического минимума. Но «мобильность» че-

ловечества напрямую связана с нефтью, и пока только с ней: в транспортной сфере, то есть в том сегменте мировой экономики, с которым в решающей степени связаны процессы мирового экономического роста и глобализации, нефть остается практически безальтернативным видом топлива. Кроме того, нефть — это наиболее «глобализованный» мировой энергетический товар: свыше 55 % добываемого в мире «черного золота» становится объектом трансграничных торговых операций (для сравнения: только 33 % добываемого в мире газа и менее 20 % угля поступают в международную торговлю).

Во-вторых, в условиях углубления процессов глобализации мировой экономики и движения экономик различных стран, в том числе России, в сторону большей открытости ключевое значение имеет обеспечение устойчивости глобальных энергетических рынков.

Наконец, **в-третьих**, продвижение альтернативных технологий выработки энергии, экологически дружественных, содействующих «энергетическому равноправию» наций и снижающих зависимость человечества от ископаемого топлива, похоже, как раз и является миссией «восьмерки», в которой представлены не только ведущие мировые нетто-импортеры энергии, но и государства, способные внести максимальный интеллектуальный вклад в решение этой задачи.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

При организации дискуссии по глобальным энергетическим проблемам крайне важно абстрагироваться от большого числа поверхностных представлений о природе функционирования мировой энергетики и, самое главное, от ряда дезориентирующих мифов, буквально опутавших в последнее время мировую прессу и экспертное сообщество.

Один из расхожих мифов связан с неверными оценками явлений, происходящих на мировом рынке нефти, и преувеличением негативного влияния высоких цен на экономики развитых стран, якобы вынуждающего мировых лидеров «сбить нефтяные цены любой ценой». Некоторые всерьез рассуждают о том, что западные страны, дескать, заинтересованы в «пакете мер» по снижению мировых цен. Например, в создании «буферных запасов» нефти, которые могли бы выбрасываться на рынок в те периоды, когда цены достигают особо высокого уровня и их необходимо сбить.

Такого рода предложения основаны, во-первых, на ошибочной интерпретации как ситуации с мировыми ценами, так и мотивации

правительств развитых стран, а во-вторых, на весьма упрощенном понимании системы ценообразования на рынках нефти. Безусловно, высокие цены оказывают определенное негативное влияние на развитие мировой экономики, прежде всего экономик стран – нетто-импортеров нефти, многие из которых представлены в «восьмерке». По широко известным оценкам МВФ и Всемирного банка, высокие цены на нефть могут снизить темпы роста мировой экономики на 0,25–0,5 % в 2005 году.

Однако очевидно, что интегральное влияние высоких нефтяных цен разнонаправлено. Во-первых, помимо России, еще три участника «большой восьмерки» – США, Великобритания и Канада – являются крупными производителями и экспортерами нефти, экспортируя 50–100 млн т в год. То есть для крупного сегмента экономик этих стран нынешняя конъюнктура весьма выгодна. Во-вторых, бенефициарами в значительной мере являются западные нефтегазовые корпорации (а также финансовые институты, предоставляющие им инвестиционное финансирование), которые участвуют в нефтедобывающих проектах по всему миру, экспортируя таким образом высококвалифицированную рабочую силу и технологии и зачастую репатрируя заработанные капиталы.

И, наконец, в-третьих, не следует забывать о том, что с середины 1980-х мировые цены на нефть формируются не на «выходе» из стран-производителей («франко-граница Саудовской Аравии»), а на финансовых рынках западных стран, где западные же финансовые институты торгуют не физической нефтью, а производными инструментами. Нефтяные фьючерсы – способ помещения капитала, и на высоких ценах хорошие доходы зарабатывают в первую очередь хедж-фонды. Разумеется, значительная часть доходов перераспределяется в пользу стран-производителей, однако нельзя однозначно сказать, что только их экономики выигрывают от высоких цен.

Кроме того, в 1979–1981 годах мировые нефтяные цены были на 25–30 % выше нынешних, если оценивать их в сегодняшних курсовых соотношениях (в долларах 2004 г.). Так что, хотя основания для беспокойства есть, нельзя утверждать, будто нынешние цены достигли наивысшего в истории уровня и чреваты катастрофическими последствиями.

Что касается системы ценообразования на мировом рынке нефти, то западные лидеры, как никто другой, понимают механизмы форми-

рования цен и отдают себе отчет в том, что политика краткосрочного воздействия на рынок не играет существенной роли по сравнению с фундаментальными факторами. Посудите сами: физического дефицита нефти на рынке просто нет, максимальная разница между объемами ее добычи и потребления в течение последнего десятилетия составляла около 2,5 млн баррелей в день. В годовом исчислении это равно примерно трети от общего объема постоянно поддерживаемых коммерческих резервов нефти в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые за последние десять лет колебались в пределах 2,4–2,7 млрд баррелей. С таким дефицитом рынок может существовать достаточно спокойно (резервы легко покрывают отставание нефтедобычи от спроса). При этом складывающиеся высокие цены обусловлены как раз неуверенностью инвесторов, связанной с фундаментальными факторами, формирующими спрос и предложение в долгосрочной перспективе. Сумеет ли предложение нефти угнаться за быстрорастущим спросом? И в какой степени стоит рассчитывать на продолжение столь резкого роста спроса в ближайшие годы?

В 2004-м темпы роста мирового спроса на нефть достигли действительно рекордных 3,4 %, причем лидерами здесь были Китай и другие развивающиеся страны Азии (на их долю пришлось около 0,5 % прироста спроса). В особенности потребление нефти выросло в Китае – на 15,4 % (причем двузначный рост спроса наблюдался здесь второй год подряд), однако многие эксперты призывают не пугаться этих цифр: примерно половину роста спроса в Китае, как и в других странах Азии, обусловили нехватка электроэнергетических мощностей (инертный электроэнергетический сектор, как это часто бывает, не успевает за быстрым развитием экономики) и массовый запуск дизель-генераторов. Понятно, что такая ситуация не продлится долго и будут введены в действие дополнительные электроэнергетические мощности, работающие на газе, угле или атомной энергии. И даже если бурный рост экономики Китая и других азиатских стран продолжится, впредь это не будет связано с какими-то астрономическими показателями прироста спроса на нефть.

Что же касается предложения – способности мировой нефтяной индустрии обеспечить хотя бы умеренный рост спроса (в пределах 2 % в год), то здесь уже не может быть речи о столь долгосрочной уверенности, несмотря на довольно спокойную нынеш-

ную ситуацию. Хотя человечество, даже по самым консервативным оценкам, обеспечено запасами нефти еще примерно на 40 лет (эти запасы регулярно воспроизводятся, несмотря на то, что еще в 1980 году официально считалось, будто к 2010-му ресурсы в мире иссякнут), 75 % этих запасов сосредоточено в странах ОПЕК – политически нестабильных режимах с неясным будущим.

РОССИЙСКИЕ РЕСУРСЫ И МИРОВОЙ СПРОС

Таким образом, вопрос глобальной нефтяной безопасности во многом связан не с текущей ситуацией на рынке и механизмами воздействия на нее, а с двумя фундаментальными факторами:

1) уверенностью в наличии ресурсов нефти и транспарентностью данных;

2) обеспечением международного доступа к ресурсам.

Поэтому первым возможным направлением диалога о глобальной энергетической безопасности в рамках «восьмерки» может стать тема укрепления доверия в отношении оценки международных запасов нефти.

Специально ничего изобретать не нужно. Еще в 2000 году шесть ведущих международных организаций – Азиатско-Тихоокеанский центр энергетических исследований (АПЕРК), Статистическое бюро Европейского союза (ЕВРОСТАТ), Латиноамериканская энергетическая организация (ОЛАДЕ), Международное энергетическое агентство, ОПЕК и Статистический департамент ООН – предложили разработать и впоследствии начали применять на практике единый международный механизм сбора и универсализации данных о мировых запасах нефти и доступа к ним. Этот механизм (с апреля 2003 г. он официально называется *Joint Oil Data Initiative, JODI*) обеспечивает наибольшую прозрачность информации о том, какими запасами нефти располагает мировое сообщество; он же призван оказывать стабилизирующее воздействие на мировые рынки, позволяя трейдерам опираться на надежные источники информации, а не на слухи.

Как представляется, поддержка *JODI* станет в ближайшее время одним из ключевых элементов глобального энергодиалога, и России придется учитывать это при подготовке к саммиту «восьмерки» в Санкт-Петербурге. Было бы весьма полезно взять на себя инициативу в деле продвижения стандартов транспарентности международной нефтяной информации. Правда, при этом придется самим ре-

шить для себя ряд важных внутренних проблем. Ведь, во-первых, сведения о запасах нефти относятся в России к категории секретных, а, во-вторых, наша классификация оценки запасов не соответствует международной. Если вторая проблема, несмотря на всю ее сложность, относится к категории технических и, следовательно, разрешима, то первая — это скорее вопрос философского выбора. Трудно назвать причины, по которым нам было бы невыгодно рассекретить данные о нефтяных запасах. Ведь такой шаг может дополнительно капитализировать нас как мировую энергетическую державу и способствовать дооценке наших энергетических компаний международными финансовыми рынками.

Что касается доступа к ресурсам, то эта проблема сложнее. Для ее решения предлагаются самые различные подходы. От возможного пересмотра концепции международного суверенитета в отношении стран, где сконцентрированы жизненно важные природные ресурсы (такая постановка вопроса абсолютно маргинальна и, по сути, неприемлема, но, учитывая нынешнюю международную политику, трудно с уверенностью утверждать, что у подобной идеи нет будущего), до определения условий участия транснациональных корпораций как в разработке нефтегазовых месторождений в разных точках земного шара, так и в крупных транснациональных инфраструктурных проектах, имеющих целью обеспечить доставку ресурсов на мировые рынки.

Для России важно способствовать тому, чтобы эта тема обсуждалась в рамках цивилизованных механизмов, исключая маргинальные сценарии и защищающих права наций на самостоятельный курс. Дискуссию имеет смысл структурировать вокруг таких проблем, как: (1) международный режим реализации инфраструктурных проектов (пока мультинациональные проекты такого рода воплощаются в жизнь в индивидуальном формате, при котором политические риски регулируются в режиме «ручного управления»); (2) международные стандарты предоставления доступа к энергетическим ресурсам.

Решение первой проблемы будет способствовать серьезному улучшению имиджа России как международной транзитной державы, поскольку в связи с высокими политическими рисками нашу страну в последнее время все активнее пытаются обходить (коридоры Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Тбилиси — Эрзерум, «Трасека», планируемые газопроводы Туркменистан — Иран и Иран — Турция, идеи строительства транскаспийских трубопроводов).

В отношении второй проблемы к России есть вопросы, избежать которых в ходе дискуссии в Санкт-Петербурге, судя по всему, не удастся. Они связаны в первую очередь с условиями доступа международных корпораций к нефтегазовым ресурсам, активно обсуждаемыми в последнее время в связи с подготовкой новой редакции российского законодательства о недрах. Как известно, есть намерения серьезно ограничить права иностранных инвесторов в том, что касается их доступа к разработке российских нефтегазовых месторождений. Однако существующая редакция законопроекта «О недрах» пока не позволяет точно установить, какой именно правовой режим для иностранных компаний формируется в данной сфере. Предполагается, что значительная часть этого правового режима будет определяться в соответствии с индивидуальными решениями исполнительной власти, при этом четкие критерии отнесения месторождений к «стратегическим» (где участие иностранцев будет ограничено) отсутствуют.

**Leading You to a New World of Opportunities
“The Gulf Investor Window 2005”**

Встреча правительственных представителей и бизнес-лидеров с торгово-инвестиционным сообществом арабских стран Персидского залива на Лондонской конференции, которая состоится 21–22 ноября 2005 года.

UCI Group, специализирующаяся на организации конференций для представителей торгового и финансового мира, представляет The Gulf Investor Window 2005 (Окно к инвесторам стран Персидского залива). Этот проект разработан специально для того, чтобы вы могли встретиться, обсудить и заключить инвестиционно-торговые сделки с развивающимися странами Персидского залива.

Команда экономических экспертов UCI предлагает наиболее авторитетный One Stop Shop для развития бизнеса. В дни работы конференции делегаты-участники получают возможность представить свою компанию и торгово-инвестиционный проект широкой аудитории инвесторов и бизнес лидеров.

На второй день участникам конференции предлагаются деловые встречи один на один по модели, разработанной с учетом их бизнес-потребностей. Тем самым будет обеспечена возможность для обсуждения насущных вопросов с компаниями, которые действительно могут повлиять на положение вещей.

Для регистрации в
The Gulf Investor Window 2005
обращайтесь, пожалуйста,
к нам по адресу:

UCI House
55-57, Bideford Avenue, Perivale, London UB6 7PP
Tel: + 44 (0) 208 998 8890
Fax: + 44 (0) 208 998 8891
Web site: www.uciconferences.com

Не следует уходить от такого рода дискуссии, и стоило бы попытаться поставить в этом вопросе точки над «i». Думается, ограничения для иностранных инвесторов способствуют лишь снижению эффективности работы отечественного нефтегазового сектора и не принесут России пользы; дело заключается в эффективности государственного регулирования, а не в гражданстве инвестора. Однако возможны и другие мнения, но в любом случае, если Россия хочет быть полноценным членом сообщества цивилизованных стран, необходима ясная картина того, что в нашей правовой системе иностранным компаниям можно, а что нельзя. В других государствах – участниках «восьмерки» правовая среда построена именно на таких принципах. Есть ощущение, что, даже если мы введем для иностранных инвесторов ограничения более жесткие, но четко сформулированные в виде законодательных норм прямого действия, это будет встречено развитыми мировыми державами с большим пониманием, чем утверждение типа «проблем нет, и речь идет всего о пяти-шести месторождениях, пока не скажем каких». Если же закон «О недрах» будет принят до начала саммита в Санкт-Петербурге (такое возможно), мы только выиграем с точки зрения своего имиджа и избежим ненужной дискуссии на предстоящей встрече на высшем уровне.

На фоне такого рода фундаментальных проблем обсуждение неких сиюминутных шагов наподобие использования стратегических запасов нефти развитых стран для краткосрочного воздействия на рынок вряд ли имеет смысл. По итогам встречи министров энергетики стран «восьмерки» в Детройте подобные идеи уже были отклонены. Их главный недостаток заключается в том, что борьба ведется со следствием – текущими ценами, а не с причиной – фундаментальными ожиданиями дефицита нефти на рынке в будущем. Кроме того, основы рыночной экономики не позволяют надеяться на то, что правительствам развитых стран удастся определить так называемую справедливую цену нефти (или коридор цен) и что вообще такая «справедливая» цена, определяемая субъективно, может существовать (попробуйте, например, определить «справедливый» рыночный курс рубля!). Кстати, и идея «справедливого ценового коридора ОПЕК» в 22–28 долларов за баррель, широко разрекламированная этой организацией еще несколько лет назад, с треском провалилась, поскольку относилась к политико-спекулятивной категории, не имея отношения к реальным процессам, происходящим на мировом рынке.

Безусловно, энергетическая повестка дня «восьмерки» не обойдет и вопросы развития альтернативных технологий выработки энергии. В первую очередь имеются в виду водородные технологии — главная надежда человечества как возможное средство вытеснения нефти в транспортной сфере (см. статью автора «На исходе нефтяной эры» в журнале «Россия в глобальной политике», № 4, июль — август 2004 г.). В принципе России есть чем обогатить эту дискуссию: в последнее время широкий резонанс получили разработки в области водородной энергетики, финансируемые «Норильским никелем». Вполне возможно, что наша страна имеет шансы превратиться в один из международных центров разработки экономически эффективных водородных технологий, и саммит «восьмерки» этому будет способствовать.

Такова могла бы быть примерная повестка дня глобальной энергетической дискуссии в рамках саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 году. Ее смысл — в отбрасывании «маргинальных идей» и концентрации на нескольких действительно важнейших приоритетах глобальной энергетической безопасности. Если Россия выработает именно такую повестку дня, у нее появится шанс улучшить свой международный имидж и укрепиться в роли глобальной энергетической державы.

Российские углеводороды и мировые рынки

Александр Арбатов, Мария Белова, Владимир Фейгин

Важная роль России на мировой арене в значительной степени обусловлена богатством ее природных ресурсов. На территории России сосредоточено около 13 % всех мировых разведанных запасов нефти и 34 % запасов природного газа. Успешное участие в современном мировом разделении труда предполагает полноценное использование подобных преимуществ, хотя и не должно сводиться к нему.

Ежегодное производство первичных энергоресурсов в стране составляет более 12 % от общего мирового производства. На долю топливно-энергетического комплекса (ТЭК) приходится сегодня около четверти производства валового внутреннего продукта (ВВП) России и трети объема промышленного производства, около половины доходов федерального бюджета, экспорта и валютных поступлений страны. В отличие от большинства стран – экспортеров углеводородов, в России имеется крупный внутренний рынок их переработки и потребления. Важно, чтобы внешний спрос не входил в противоречие с динамикой и приоритетами внутреннего рынка.

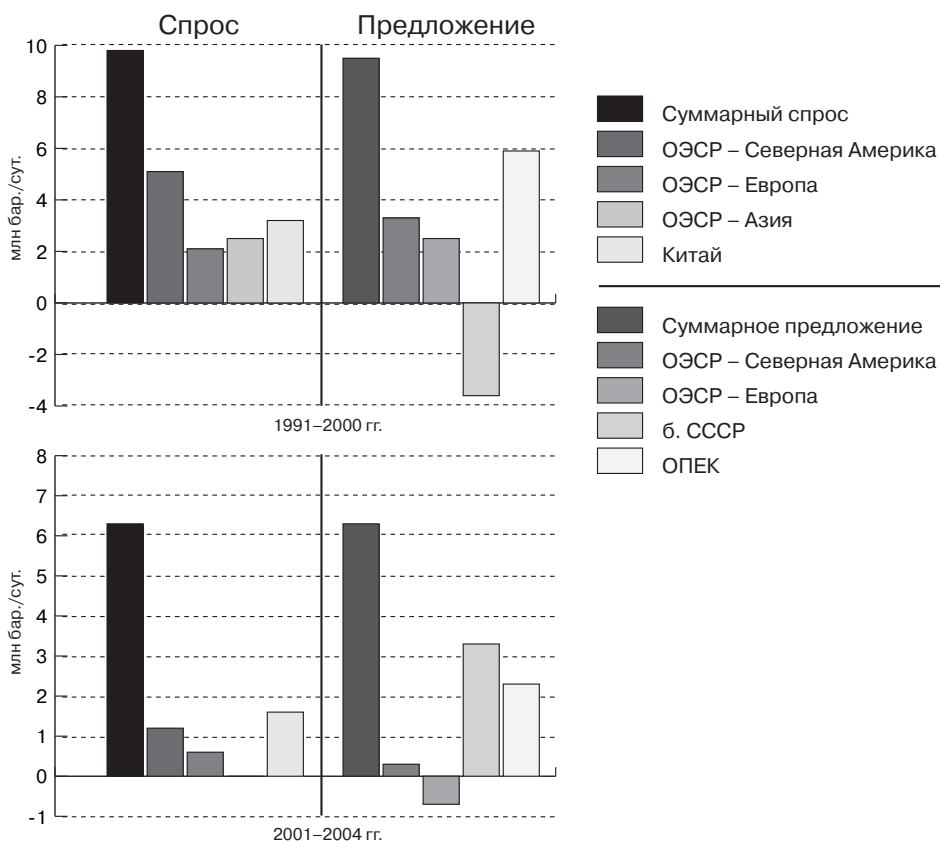
СИТУАЦИЯ НА ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ РЫНКАХ УГЛЕВОДОРОДОВ

В последние полтора десятилетия (см. рис.) на мировом рынке нефти происходило наращивание ежегодных темпов прироста потребления нефти. В период с 1991 по 2000 год этот показатель увеличил-

А.А. Арбатов – заместитель председателя Совета по изучению производительных сил Министерства экономического развития и торговли и Российской академии наук. **М.А. Белова** – эксперт департамента энергетики Института энергетики и финансов, **В.И. Фейгин** – главный директор Института энергетики и финансов.

ся на 9,8 млн бар./сут., а в 2001–2004 годах – на 6,3 млн бар./сут. При этом рынок был сбалансирован, а вот в том, что касалось спроса и предложения, ключевая роль отводилась на том или ином этапе разным регионам.

**Суммарный прирост спроса и предложения нефти
(в мире и по отдельным регионам), млн бар./сут**

Источник: МЭА

Если в начале указанного периода спрос расширился за счет роста объемов потребления нефти в Северной Америке, Европе и странах Азии, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), то в последние годы лидерство по темпам роста перешло к Китаю. Годовой прирост увеличился там с 0,32 до 0,4 млн бар./сут, в то время как в Северной Америке этот показатель

упал с 0,5 до 0,3 млн бар./сут, в Европе — с 0,2 до 0,15 млн бар./сут, а в азиатских странах — членах ОЭСР приблизился к нулю.

Растущий спрос начала 1990-х в основном удовлетворялся за счет увеличения добычи нефти в государствах, входящих в Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК): среднегодовой темп роста составлял 0,6 млн бар./сут. В странах же бывшего СССР наблюдалось значительное падение объемов добычи. Однако к началу XXI века ситуация в корне изменилась: при сохранении среднегодовых темпов увеличения добычи нефти в странах ОПЕК, падении объемов добычи в Европе и замедлении темпов роста в Северной Америке именно Россия стала главным стабилизатором мирового рынка нефти.

В 2002–2004 годах на фоне беспрецедентного роста нефтяных цен среднегодовые темпы прироста потребления удвоились, достигнув 2 %. В прошлом году при среднегодовой цене нефти марки *Brent* 38,3 дол./бар. потребление нефти в мире увеличилось на 3,3 %. Однако сочетание высоких цен и замедления темпов роста мировой экономики может привести к снижению темпов прироста потребления нефти в 2005–2006 годах до 2,5–2,7 % и ниже.

Тем не менее в течение последних 2–3 лет темпы увеличения спроса на рынках превысили ожидания, поскольку в полной мере не были учтены ни фактор «новых экономик» — прежде всего Китая и в значительной мере Индии, ни быстрый рост в этих странах промышленного производства, в том числе энергоемкого (например, черная металлургия, производство цемента и т. п.), ни растущее потребление (например, начавшаяся в Китае автомобилизация). Если процессы бурного экономического подъема этих стран продолжатся и будут сопровождаться ростом среднего класса и формированием характерного для него стандарта жизни и потребностей, то общее увеличение спроса может опережать рост суммарного мирового ВВП — явление, не отмечавшееся с 1970-х.

Конечно, трудно предположить, что быстрый рост цен и спроса составят долговременную устойчивую тенденцию. Параллельное существование этих двух явлений, как таковое, несет в себе противоречие. Высокие цены позволяют как осваивать новые, ранее считавшиеся нерентабельными ресурсы нефти, так и расширять круг ее заменителей. Последнее может особенно сильно повлиять на снижение спроса.

Что касается предложения, то с ним пока не все так безоблачно, как представляется. Освоение новых месторождений требует боль-

ше времени и средств, при этом добыча не всегда способна вовремя восполнить продукцию истощающихся месторождений.

Неясность с ресурсной базой, резкое снижение числа вновь открытых крупных нефтяных ресурсов (и фактическое отсутствие новых нефтеносных провинций, в прошлом служивших основным фактором развития глобальной нефтедобычи) добавили нервозности и иррациональности игрокам на рынке, повысили обеспокоенность политических кругов. Не вызывает оптимизма и уровень политической стабильности в целом ряде основных стран-экспортеров. Скорее всего, тенденция к увеличению спроса сохранится, но темп роста будет подвержен резким колебаниям как в силу внутренних и внешних конфликтов, так и по причине возможного появления новых быстроразвивающихся экономик.

В 1980–1990 годы преодоление последствий нефтяных кризисов, обусловленных эмбарго со стороны арабских стран или договоренностями стран – членов ОПЕК об уровнях добычи, связывалось с развитием ликвидного глобального рынка нефти и соответствующими инструментами преимущественно краткосрочного характера. Однако в последнее время упор делается на построение двусторонних преференциальных связей между потребителями и поставщиками нефти, что особенно характерно как для политики США последних лет, так и для «нефтяной дипломатии» Китая и Индии, активной и по-своему тоже глобальной.

Рекордные цены на нефть и соответственно на газ (на либерализованных рынках цены на газ связаны также и с высоким спросом на него) способны в определенной степени «развернуть» ситуацию или уменьшить степень ее драматизма, но вряд ли приведут к радикальным переменам в краткосрочной перспективе. С другой стороны, до сих пор, как известно, развитым странам удавалось так или иначе справляться с угрозами такого рода, и на этом простом доводе основывают свою позицию ряд оптимистов.

«НЕФТЯНЫЕ» ПОЗИЦИИ РОССИИ

С 2000 по 2004 год Россия, выступая на мировом рынке нефти в качестве главного стабилизирующего фактора, обеспечила самый высокий прирост добычи в мире – в три раза выше, чем у ОПЕК. Однако ввиду падения в последние месяцы темпов прироста добычи нефти и воздействия других, более фундаментальных факторов Россия вряд ли сможет в дальнейшем сохранить эту роль, хо-

Рис. Насти Белявской, 10 лет.
Лауреат конкурса «Северное сияние», проводимого компанией «Тюментрансгаз»

тя и продолжит оказывать существенное влияние на развитие мирового рынка.

К настоящему моменту в России уже открыто и разведано более трех тысяч месторождений углеводородного сырья, причем разрабатывается примерно половина из них. Более половины российской нефтедобычи и более 90 % добычи газа сосредоточены в районе Волго-Урала и Западной Сибири. Большинство этих месторождений отличаются высокой степенью выработанности, поэтому возникает необходимость развивать и альтернативные регионы добычи. В долгосрочной перспективе такими приоритетными регионами нефте- и газодобычи являются Тимано-Печора, полуостров Ямал, западная часть арктического шельфа, Каспийский шельф, Прикаспий, Восточная Сибирь и Дальний Восток. Однако в обозримой перспективе в России не ожидается открытия нефтегазоносной провинции, сопоставимой по масштабам с Волго-Уральской или тем более с Западно-Сибирской и способной кардинально повлиять на уровень добычи. Другие центры нефтедобычи будут в основном смягчать последствия истощения наиболее крупных старых центров. Поэтому в ближайшее десятилетие вероятно снижение

Рис. Максима Рыжкова, 11 лет.
Лауреат конкурса «Северное сияние», проводимого компанией «Тюментрансгаз»

темпов роста добычи с их последующей стабилизацией. При этом не исключаются колебания в ту или другую сторону, вызванные конъюнктурой мирового рынка.

Экспорт нефти из России зависит как от добычи нефти, так и от ее потребления на внутреннем рынке. Внутреннее потребление нефти растет медленно вследствие резкого падения производства наиболее энергоемких отраслей. Поэтому доля экспорта нефти и нефтепродуктов еще долго будет превалировать над долей внутреннего потребления в российской нефтедобыче. Тем не менее экономический рост в условиях неразвитости энергосберегающих технологий приведет к росту внутреннего потребления.

Основные районы нефтедобычи связаны единой системой нефтепроводов акционерной компании «Транснефть», которая обеспечивает транспортировку 95 % нефти на нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) России, а также к экспортным терминалам по системе нефтепроводов «Дружба» и через глубоководные нефтеналивные терминалы на Черном и Балтийском морях.

Потенциально Россия имеет возможность выхода на все три крупнейших мировых рынка нефти и нефтепродуктов — европей-

ский, североамериканский и рынок Юго-Восточной и Южной Азии. Но пока наша страна наиболее тесно связана с европейским рынком (включая республики бывшего СССР). До 70-х годов прошлого столетия бóльшая часть нефти добывалась в европейской части России, после освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции ее транспортная инфраструктура была подключена к уже сложившимся мощностям, ориентированным на европейский рынок. Исключение составляли только восточное и южное ответвления, сравнительно незначительные по своим возможностям (они поставляют нефть на Омский, Ачинский, Ангарский и центрально-азиатские НПЗ бывшего СССР).

Постепенно растут поставки нефти на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На этом рынке преобладают поставки в Китай, они же обеспечивают и основной прирост. При нынешней степени разведанности и уровня разработки ресурсов Восточной Сибири (и даже с учетом поставок из Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции) экспорт нефти из России в страны АТР может составить 60–70 млн т, что не превысит 15 % объема китайского потребления. Таким образом, Россия не только будет не в состоянии удовлетворить потребности стран АТР в нефти, но и рискует вообще потерять этот рынок в случае промедления с развитием транспортной инфраструктуры или сахалинских проектов. Вместе с тем большая емкость нефтяного рынка АТР позволяет рассчитывать на рост экспорта российской нефти в ряд стран этого региона.

Если после 2010 года в основных нефтепроизводящих странах АТР – Китае, Индонезии, Малайзии, Австралии – произойдет, как ожидается, снижение добычи, то для удовлетворения растущего здесь спроса на нефть потребуются значительное увеличение поставок из других районов мира. Главным источником окажется Ближний Восток, также увеличится объем импорта из Северной и Центральной Африки, будут организованы крупномасштабные поставки из Центральной Азии (в том числе из Каспийского региона) и России.

До сооружения Восточного нефтепровода Россия планирует дальнейшее наращивание железнодорожных поставок нефти в КНР. В целом экспорт нефти в Китай по железной дороге в этом году составит более 11 млн т. К 2010-му железнодорожные поставки нефти российских компаний в КНР должны увеличиться до 20 млн т/г. В перспективе возможно увеличение этого показателя до 30 млн т/г. Сдерживающим фактором являются железнодорожные тарифы. Од-

нако, по информации РАО «Российские железные дороги», при возрастающих объемах транспортировки нефти через Забайкальск предусматривается возможность уменьшения тарифа с 72 дол./т до 30. Что, кстати, может сделать железнодорожный маршрут более привлекательным по сравнению с «восточной трубой».

На американском рынке главным потребителем российской нефти являются США, но эти поставки не играют заметной роли (в 2004 году они составили всего 7,3 млн т – 4 % суммарного российского нефтяного экспорта). По словам президента «Транснефти» Семена Вайнштока, США не готовы гарантировать достаточные объемы закупки российской нефти. Более того, у компании «нет уверенности в том, что США действительно требуются не только заявленные 30 млн., но и даже 20 млн т российской нефти».

Европейский рынок нефти является наиболее «скромным» по объемам потребления, ценам и темпам роста. Тем не менее сложившаяся транспортная инфраструктура продолжает поддерживать российско-европейские «нефтяные» связи. На этом направлении возникают проблемы Черноморских проливов, прохождения танкеров в Финском заливе, Балтийском море и Датских проливах. Благоприятное для России решение этих вопросов позволит закрепить ее роль стабильного масштабного поставщика нефти на европейский рынок. Россия заинтересована в том, чтобы в максимальной степени осуществлять экспорт нефти со своей территории непосредственно потребителю, сокращая транзит. Поэтому она будет стремиться к сохранению имеющихся трубопроводных и терминальных мощностей и их наращиванию (расширение Балтийской трубопроводной системы, строительство терминалов в Варандее, Индиге, на Кольском полуострове). Только в порту Приморск на Балтийском море, ориентированном на увеличение экспорта в Европу, предусматривается развитие мощностей до 62 млн. т в год.

Обсуждаемый сейчас вопрос о перенасыщенности европейского рынка тяжелой высокосернистой нефтью, к которой относится российская экспортная смесь *Urals*, кардинально разрешим только путем отдельной транспортировки различных сортов нефти. А этого, в свою очередь, можно добиться через строительство новых нефтепроводов из районов, в которых добываются малосернистые сорта. Перенасыщенность европейского рынка – не столько следствие увеличения предложения, сколько результат роста цен на саму нефть. В период относительно низких цен за рубежом было введе-

но в действие значительное количество перерабатывающих мощностей, ориентированных на тяжелую сернистую нефть, относительно дешевую. Разница в цене в 2–4 дол./бар. делала сложные и дорогие процессы переработки экономически эффективными. Когда цены удвоились и даже утроились, подобная разница в цене утратила всякий смысл и соответствующие перерабатывающие мощности стали выводиться из эксплуатации, как неконкурентоспособные. Выжившим предприятиям пришлось установить разницу в цене в размере 6–8 долларов против стандартных сортов. Остается ждать снижения цен до прежнего уровня, что маловероятно, или строить новые трубопроводы для транспортировки более дорогих сортов нефти.

Конечно, есть еще один вариант – перерабатывать всю высокосернистую нефть в России, но он потребует не только осуществления крупной технической программы модернизации нефтепереработки в районе Урала и Поволжья, но и принятия эффективных политических и законодательных решений. Дело в том, что в данном случае целые компании будут отключены от экспорта своей нефти и это потребует компенсации за счет тех компаний, которые выигрывают от такого решения.

В настоящее время правительство РФ предусматривает максимально увеличить экспорт на растущий рынок АТР, переадресовав туда значительную часть поставок со стагнирующего европейского рынка. Эту, безусловно, актуальную задачу можно решить разными способами: интенсифицировать поставки железнодорожным транспортом, реанимировать «спящие» сахалинские проекты и возобновить работы на других перспективных участках шельфа Охотского моря, использовать возможности строящегося нефтепровода Казахстан – Китай, воспользоваться нефтяным потенциалом Восточной Сибири. Как уже упоминалось выше, принято решение первоначально транспортировать нефть из Западной Сибири, что при предполагаемых тарифах ставит нефтяные компании в трудное положение. При всем оптимизме руководства страны успех этого предприятия далеко не очевиден – прежде всего из-за неопределенности с сырьевой базой Восточной Сибири.

НЕФТЕПРОДУКТЫ: СДЕЛАНО В РОССИИ

В условиях относительно низких внутренних цен на сырье и отсутствия возможности существенно увеличить экспорт нефти многие российские компании вплотную занялись наращиванием производ-

ства нефтепродуктов и продажи их за рубеж. Основные экспортные продукты – мазут (45 % экспорта) и дизтопливо. Экспорт бензина (5 % в структуре экспорта в физическом объеме и около 6,5 % в структуре экспортной выручки) пока относительно невыгоден, так как внутри страны на него существует устойчивый платежеспособный спрос по достаточно привлекательным для поставщиков ценам. Кроме того, введение в Европе еще более жестких требований к качеству нефтепродуктов заставляет российские компании все больше тратить на модернизацию перерабатывающих мощностей.

В Энергетической стратегии страны до 2020 года об увеличении поставок за рубеж нефтепродуктов и переработке растущей части предназначенных на экспорт объемов нефти говорится как об одном из важных приоритетов.

Оператором соответствующих статей экспорта по нефтепродуктопроводам является государственная компания «Транснефтепродукт» (ТНП). По сравнению с «Транснефтью», контролирующей подавляющую часть нефтяного транспорта и экспорта, позиции ТНП скромнее: более 23 % российского транспорта светлых нефтепродуктов, около 60 % экспорта дизельного топлива и примерно четверть экспортного автобензина. Остальные нефтепродукты вывозятся железнодорожным транспортом, который фактически составляет конкуренцию ТНП. Одна из причин такого положения кроется в проблеме сохранения качества нефтепродуктов при их транспортировке по трубопроводам ТНП.

Большинство российских НПЗ в настоящее время проводят модернизацию, с тем чтобы наладить выпуск моторных топлив, соответствующих европейским стандартам качества. Поэтому есть основание предполагать, что через несколько лет произойдет значительный рост экспорта светлых нефтепродуктов. Соответственно должна увеличиться и пропускная способность магистральных нефтепродуктопроводов, принадлежащих ТНП. Компания «Транснефтепродукт» активизировала свою деятельность по развитию экспортных мощностей. Предусматривается реализация ряда проектов, позволяющих вывести магистральные продуктопроводы на побережье Балтийского и Черного морей, снизить зависимость российского экспорта нефтепродуктов от транзита по территории сопредельных стран и повысить коммерческую эффективность поставок. Особенно важную роль здесь способен сыграть проект «Север»: в результате его реализации появится новый экспортный нефтепродуктопровод к

российскому побережью Балтийского моря. Как по маршруту, так и по концепции он аналогичен Балтийской трубопроводной системе, успешно решающей задачу минимизации транзита нефти через третьи страны. Кроме того, российские компании намерены расширять участие в собственности и управлении ряда европейских нефтеперерабатывающих и сбытовых организаций.

Что же касается восточного вектора, то в прошлом году из России в страны АТР было поставлено около 7 млн т нефтепродуктов, в основном дизельного топлива и мазута. В дальнейшем объем экспорта может быть доведен до 10–12 млн т, но только при условии значительного повышения качества продукции.

СИТУАЦИЯ С ПРИРОДНЫМ ГАЗОМ

Добыча. По разведанным запасам газа Россия занимает первое место в мире (приблизительно 34 % мировых запасов). На Западную Сибирь приходится 76 %, на Урало-Поволжье – 8 %, на районы Европейского Севера – 1 %, на Восточную Сибирь – 3 %, на Дальний Восток – 3 %, на шельф – 8 %. В настоящее время более 90 % добычи газа обеспечивают уникальные крупные месторождения. На долю Уренгойского, Ямбургского и Медвежьего месторождений приходится больше половины газа, добываемого ОАО «Газпром», и примерно 65 % всего российского газа. Однако эти три месторождения постепенно вырабатываются.

В настоящее время «Газпром» занят разработкой сразу нескольких новых проектов по добыче газа: на Дальнем Востоке, полуострове Ямал, арктическом шельфе и некоторых других. Их реализация потребует строительства новых и реконструкции действующих газотранспортных мощностей, а себестоимость добычи будет возрастать.

Инфраструктура. Единая система газоснабжения (ЕСГ) России, принадлежащая ОАО «Газпром», является крупнейшей в мире системой транспортировки газа. Ее протяженность – более 153,3 тыс. км, при этом возраст и состояние инфраструктуры требуют все более пристального внимания. Пропускная способность ЕСГ превышает 600 млрд куб. м, но уже начиная с 2006-го предполагается ее увеличение.

Экспорт и импорт газа. «Газпром» осуществляет экспорт газа в страны Центральной и Западной Европы преимущественно в рамках долгосрочных контрактов. Евросоюз – основной покупатель российского газа; крупными импортерами являются такие страны, как Германия, Италия, Франция, Венгрия, Словакия, Чехия, Поль-

ша. Значительная доля приходится на Турцию. В ближайшие годы ожидается существенное увеличение экспортных поставок в Великобританию. В дополнение к собственному производству «Газпром» на основании среднесрочных и долгосрочных контрактов закупает газ у независимых производителей и продает его потребителям, в том числе и на экспорт.

Рынки. Европейский рынок испытывает потребность в увеличении поставок российского газа. Емкость этого рынка устойчиво растет (в прошлом году потребление газа странами – членами ЕС-25 составило порядка 470 млрд куб. м, а к 2010-му, по данным Международного энергетического агентства (МЭА), достигнет 610–640 млрд куб. м). Проведение странами Европейского союза политики жестких ограничений на выбросы парниковых газов в соответствии с Киотским протоколом, а также неспособность возобновляемых источников энергии конкурировать с традиционными также повлечет за собой рост потребления газа в Европе. Возможно, эта тенденция изменится, если будут приняты решения в пользу развития атомной энергетики. Пока же прогнозы на 2020 год показывают, что зависимость ЕС от импорта природного газа возрастет с нынешних 40 % до 70–80 % объема потребления, при этом доля российского газа в объеме импорта может увеличиться с нынешних 26 % до 40–50 %.

Конечно, такая степень зависимости и даже ее вероятность вынуждают резко повысить уровень взаимодействия и вести поиск новых форм сотрудничества в энергетической (и прежде всего газовой) сфере.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОЕКТЫ НА БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ

● **Северо-Европейский газопровод (СЕГ).** Его реализация позволит освоить принципиально новый маршрут (по дну Балтийского моря от Выборга до побережья Германии) экспорта в Европу, диверсифицировать экспортные потоки, напрямую связать газотранспортные сети России и стран Балтийского региона с общеевропейской газовой сетью. Отличительной особенностью СЕГ является отсутствие на его пути транзитных государств, что снижает как страновые риски, так и стоимость транспортировки российского газа, одновременно повышая надежность его поставок на экспорт. Проектом предусмотрено строительство по договоренности морских газопроводов – отводов для подачи газа потребителям других стран – чле-

нов Евросоюза. Начало поставок по СЕГ запланировано на 2010-й, максимальная производительность составит 55 млрд куб. м/г.;

- проекты, которые призваны решить важнейшие задачи, обозначенные в Энергетической стратегии России на период до 2020 года. Их цель – формирование и развитие нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Дальнего Востока, реализация перспективных проектов с возможным выходом России на Азиатско-Тихоокеанский энергетический рынок.

В настоящее время к внесению на рассмотрение правительства готовится Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР. Авторы программы (а готовилась она не Министерством промышленности и энергетики, а «Газпромом») предлагают сделать ставку на сахалинские проекты и почти полностью заморозить разработку уникальных Ковыктинского и Чаюдинского месторождений. Полная реализация сахалинских проектов позволит создать новую крупную базу нефтегазодобычи для обеспечения углеводородами российского Дальнего Востока и стран АТР вплоть до западного побережья американского континента;

- газопровод Ямал – Европа, предназначенный для обеспечения контрактных и перспективных поставок природного газа в Европу.

Полуостров Ямал – один из наиболее перспективных нефтегазовых районов Западной Сибири, наиболее важный из новых стратегических регионов «Газпрома». Здесь открыто 26 месторождений, их разведанные запасы газа составляют 10,4 трлн куб. м, извлекаемые запасы конденсата – 228,3 млн т, извлекаемые запасы нефти – 291,8 млн т.

На первом этапе реализации проекта в качестве сырьевой базы используются действующие и новые месторождения Надым-Пур-Тазовского региона Тюменской области. В дальнейшем газ будет подаваться с Бованенковского месторождения на полуострове Ямал. Протяженность трассы газопровода на первом этапе – 2 675 км, проектный объем транспортировки газа по первой нитке – порядка 33 млрд куб. м/г.

Поставки сжиженного природного газа (СПГ). В связи с возрастающим спросом на газ на всех основных рынках (США, Европа, Азия) и постоянным снижением стоимости производства и транспортировки СПГ (на 35–50 % за последние 10 лет) в России ведут-

ся интенсивные работы по подготовке и реализации крупных проектов производства и поставки СПГ на все основные мировые рынки. Это, например, штокмановский проект, который позволит поставлять СПГ, произведенный на базе Штокмановского газоконденсатного месторождения, на рынки сбыта в Европе, на побережье Мексиканского залива и на Восточное побережье США. Ожидается, что эксплуатация этого месторождения, запасы которого превышают 3 трлн куб. м газа, начнется в 2010-м, а годовая добыча достигнет ориентировочно 67,5 млрд куб. м/г. Кроме того, разрабатываются проекты создания комплекса по сжижению газа на побережье Балтийского моря в Ленинградской области, а также технико-экономические обоснования морской поставки сжатого природного газа как в отдельные регионы РФ (Калининградская область), так и на экспорт.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Важнейшим фактором изменения внешнеэкономической среды для газовой отрасли России становятся либерализация европейского рынка газа, интенсивное формирование новых производителей в Северной и Западной Африке, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, а также рост атлантического и дальневосточного рынков вкрупне с созданием сетевого рынка газа в Китае.

В течение нескольких лет потребители российских углеводородов настаивают на строительстве энергетических мостов и приглашают к полномасштабному сотрудничеству в области энергетики. Однако пока все сводится к экспорту энергоресурсов из России и участию иностранных компаний в российских добывающих проектах. Необходимо менять тип взаимоотношений — перейти от простых поставок сырья к сотрудничеству в области переработки энергоресурсов, а впоследствии и к широкому взаимодействию в инвестиционной сфере.

Построить современную развитую экономику возможно только при максимально эффективном использовании возможностей выработки продукции с высокой добавленной стоимостью, и Россия неизбежно будет все активнее продвигаться в этом направлении. Учитывая традиции взаимодействия в предыдущие эпохи, экономический потенциал стран — потребителей российских углеводородов и их постоянную заинтересованность в углублении партнерства с РФ, можно ожидать, что зарубежный бизнес станет важнейшим участником этих процессов. Участие в российских проектах обеспечит

энергоемкие производства наших зарубежных партнеров продукцией высоких переделов, что создаст мощный синергетический эффект для экономик обеих сторон.

Бесспорно, большим потенциалом обладают также проекты, связанные с энергосбережением за счет внедрения современных технологий, процессов и оборудования: они будут способствовать формированию экспортных энергоресурсов. При этом, однако, во многих случаях может потребоваться адаптация применяемых средств к российской среде, включая ценовые условия и возможности потребителей/покупателей; для этого крайне важны взаимодействие с российскими партнерами и нахождение эффективных форм включения «российского компонента».

Между тем ключевым условием активизации сотрудничества России и зарубежных партнеров в энергетической сфере является сближение законодательно-нормативных баз. Так, есть необходимость в дополнительном регулировании вопросов по трансграничным трубопроводам, например таких, как обмен информацией и порядок взаимодействия при чрезвычайных происшествиях. Следует также учитывать обязательства России по действующим международным соглашениям и перспективу заключения новых договоренностей. В частности, Договор к Энергетической хартии может потребовать уточнения правил использования транзитных мощностей.

Другой аспект связан с продвижением интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в основе которых лежат «стыковка» инфраструктурных комплексов, взаимные поставки и транзит энергоносителей. Правда, здесь все более существенную и не всегда позитивную роль играет политическая составляющая.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Уникальный доступ к информации

Компания East View Information Services, Inc., надежный поставщик информации, предлагает электронные полнотекстовые базы данных периодики России и стран Ближнего зарубежья:

Центральная пресса России

- Около 60 наиболее авторитетных столичных газет и журналов
- Освещают события в сфере политики, экономики, науки, культуры и общественной жизни России
- Представляют широкий диапазон мнений
- Ориентированы на государственные и коммерческие структуры, ученых, специалистов, экспертов
- Глубина архива - с 1996 года
- Тексты изданий приводятся без сокращений
- Ряд изданий появляются на сайте накануне выхода из печати

Гуманитарные науки и литературно-художественные журналы

- Более 30 изданий Российской академии наук
- «Толстые» литературные журналы
- Независимые научные журналы
- Глубина архива - с 1997 года
- Для удобства цитирования сохранена пагинация печатных оригиналов
- Предназначена для ученых, политических консультантов, информационно-аналитических центров

Периодика стран СНГ и Балтии

- Авторитетные газеты, журналы и информационные ленты новостных агентств государств бывшего СССР
- Освещают внутренние и международные события
- Достоверный источник обширной и оперативной информации из Ближнего зарубежья
- Глубина архива – с 1997 года

Издавания Украины

- Единственное в мире электронное собрание газет, журналов и библиографических изданий Украины
- Политическая, экономическая и культурная жизнь страны, ее движение по пути реформ
- Взгляды и позиции различных политических сил, изменения в законодательстве
- Тенденции военного строительства, Украина и НАТО, роль Украины как военной державы
- Академические исследования, проблемы экономики, межнациональных отношений
- Глубина архива – с 2001 года

Смотрите полный список изданий по адресу: <http://www.online.eastview.com/titles>
По Вашему запросу предоставим бесплатный тестовый доступ
По вопросам подписки обращайтесь:

в России:
тел: (095) 777-6557, 318-0937,
факс: (095) 318-0881
E-mail: sales@mosinfo.ru

в США:
тел.: (763) 550-0962,
факс: (763) 559-2931
E-mail: sales@eastview.com

Разговор по существу

“Если вы готовы предоставлять народу всю возможную информацию и убеждать его в своей правоте всеми доступными вам методами, к вам рано или поздно придет успех. Если же вы считаете, что люди не способны понять вас и ими следует манипулировать ради принятия правильных решений, то это — начало больших неприятностей”

Фернандо Энрике Кардозо:
«Только демократия может укротить рынок»

Фернандо Энрике Кардозо:

«Только демократия может укротить рынок»

Фернандо Энрике КАРДОЗО, один из самых блестящих латиноамериканских интеллектуалов, родился в Рио-де-Жанейро в 1931 году. Демократ и социалист, он активно включился в политическую жизнь Бразилии после падения военной хунты. В 1988-м сенатор Кардозо основал Бразильскую социал-демократическую партию и возглавлял ее фракцию в Федеральном сенате до октября 1992 года, когда был назначен министром иностранных дел. Находясь на посту министра финансов (май 1993 — март 1994), реализовал эффективный план борьбы с гиперинфляцией и добился стабилизации национальной валюты. Дважды — в 1994-м и в 1998-м — избирался президентом Бразилии. С 2003 года руководит Институтом Фернандо Энрике Кардозо (iFHC) в Сан-Паулу.

*Профессор Кардозо — классик «теории депендентизма», утверждавшей возможность ограниченного самостоятельного развития периферийных экономик при сохранении приоритета национальных целей и задач над интересами международного капитала. Автор более 20 книг. В августе 2005-го с профессором Кардозо встретился в его офисе в Сан-Паулу председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике» **Владислав ИНОЗЕМЦЕВ.***

Владислав Иноземцев: В первой половине 1990-х годов Вы, будучи министром финансов, провели в Бразилии финансовые реформы, по масштабу сравнимые с российскими преобразованиями того же периода. Но в отличие от российских реформаторов Вам удалось не только укрепить свой авторитет, но и выиграть президентские выборы. Как Вы можете объяснить такую популярность бразильских реформ? Может быть, их следует считать образцовыми?

Фернандо Кардозо: Успех моих реформ, а также и мой успех как политика основывались на ряде факторов. Во-первых, я являлся

последовательным противником военной хунты в Бразилии ¹. К тому же я был широко известен своими левыми (подчеркну — левыми, а не левацкими) взглядами, а бóльшая часть населения страны в 1980-е — начале 1990-х видела в левых политиках представителей наиболее последовательной оппозиции военному режиму.

Во-вторых, после выработки плана подавления инфляции, так называемого *Plano Real* ², я считал необходимым объяснять людям каждый наш шаг, любое действие правительства — с помощью радио, телевидения, пресс-конференций, публичных дискуссий и пр. В результате мы довольно легко провели наш план через Национальный конгресс, так как отнюдь не только предприниматели, но и значительная часть среднего класса поддержала нашу программу действий, поскольку была хорошо информирована о ее сути. Разумеется, мы не смогли заручиться поддержкой со стороны профсоюзов или левацких партий, таких, например, как Партия трудящихся ³, но как только реформа начала давать результаты, практически никто уже не сомневался, что снижение инфляции и восстановление экономической стабильности действительно отвечает общим интересам. На волне этих настроений я и выиграл президентские выборы. Иными словами, сила моя и моих сторонников в середине 1990 годов заключалась в детальной проработке плана реформ и в технике его преподнесения — предельно демократической и по сути, и по форме.

Став президентом, я продолжил реформы. Но теперь на повестке дня стояли реформы системы социального обеспечения, налоговая реформа и др., и они, разумеется, уже не воспринимались столь позитивно, как программа стабилизации. Но мне, думаю,

¹ Военный режим, установленный в 1964 г. маршалом Умберто де Кастелло Бранко, привел к резкому сокращению демократических свобод и впоследствии к роспуску Национального конгресса. В конце 1970-х началась либерализация режима, а в годы правления генерала Жоао Фигейредо (1979—1985) были заложены основы для возвращения страны к демократии (здесь и далее примечания В. Иноземцева).

² План борьбы с гиперинфляцией, обесценивавшей бразильскую валюту, был разработан председателем Центрального банка Бразилии Густаво Франко и предполагал ряд монетарных и фискальных мер, в частности замораживание заработной платы, прекращение государственных заимствований, секвестр бюджета, установление внешнего контроля над кредитной политикой 40 крупнейших банков страны и введение условной денежной единицы. С замедлением роста цен последняя была конвертирована в июле 1994 г. в новую валюту — бразильский реал.

³ Партия трудящихся (*Partido dos Trabalhadores, PT*) — одна из наиболее влиятельных политических партий левого толка в Латинской Америке. Основана в 1980 г. рядом представителей бразильской интеллигенции и активистов рабочего движения. Контролирует 18 % мест в нижней палате парламента.

удавалось действовать в рамках некоего консенсуса — ведь по крайней мере через четыре года я был переизбран уже в первом туре, получив 53 % голосов. Этот консенсус основывался на широком признании необходимости «открытия» бразильской экономики, быстрого встраивания в мировое хозяйство, что мы считали инструментом преодоления нашей отсталости. Правда, та девальвация реала, которую мы вынуждены были допустить в 1999 году ⁴, серьезно подорвала мои позиции. Население увидело, что в чем-то мы отступили от прежней политики, и потому вторая половина моего второго срока оказалась непростым этапом. Отчасти поэтому мы, точнее, мой кандидат потерпел поражение от Лулы ⁵.

Однако в последнее время положение меняется, и у меня есть основания полагать, что на приближающихся выборах моя партия снова возьмет верх. Я имею в виду президентские выборы. Избрание парламента не определяет здесь политику: ни одна партия не имеет в нем более 20 % мандатов. Бразилия — большая и слишком многообразная страна, чтобы мы могли позволить себе двухпартийную систему. Но как бы то ни было, я чувствую возрождение прежних настроений. Люди начинают осознавать необходимость развиваться быстрее, ибо мир не стоит на месте и нельзя не видеть, что мы рискуем утратить наши позиции из-за конкуренции с Китаем, Индией и, возможно, Россией.

В. И.: Ваш опыт и талант как социолога помогли в проведении реформ. Между тем очень часто политики не уделяют должного внимания адекватному восприятию обществом их действий и даже гордятся тем, что их не понимают...

Ф. К.: В свое время мне пришлось долго убеждать коллег-экономистов в правильности моего решения. Многие из них считали его пагубным и говорили, что нельзя заставить народ принять заведомо непопулярные меры, невозможно растолковать суть сложной и комплексной реформы большинству населения. Но я насто-

⁴ В начале 1999 г. Бразилию поразил финансовый кризис, спровоцированный кризисами на восточноазиатском и российском фондовом и долговом рынках. Правительству пришлось девальвировать реал на 8 %. Хотя повышение курса доллара по отношению к реалу, составившее чуть более 55 %, стало самым незначительным на фоне девальваций в Азии и России, Кардозо и сегодня воспринимает это как одну из своих самых больших неудач.

⁵ Луис Инасио «Лула» да Силва — один из основателей и лидер Партии трудящихся; одержал победу на президентских выборах в октябре 2002 г. (53 % голосов избирателей). Его соперник Жозе Сера, предложенный Кардозо в качестве своего преемника, получил лишь 32,5 % голосов.

ял на своем и не ошибся. Метод, который мы применили, я называю «демократической педагогикой» я и по сегодняшний день верю в его эффективность. Исключительно важно не бояться снова и снова объяснять народу свою политику.

В больших странах, таких, например, как Бразилия или Россия, это, разумеется, нелегко сделать, но никогда нельзя оставлять попытки привлечь избирателя на свою сторону. Сам я остаюсь последовательным демократом и не сомневаюсь: если вы готовы предоставлять своему народу всю возможную информацию и убеждать его в своей правоте всеми доступными вам методами, к вам рано или поздно придет успех. Если же вы считаете, что люди не способны понять вас и ими следует манипулировать ради принятия правильных решений, то это — начало больших неприятностей. Да вы и не добьетесь ничего такими методами — конечно, если мы говорим об открытом обществе.

Бразилия же — открытое общество в полном смысле слова. И это не может не вызывать удивление, если знать нашу историю и учитывать масштаб расслоения общества, степень разрыва между богатыми и бедными ⁶. Однако эта особенность становится инструментом утверждения открытого общества — ведь каждый гражданин стремится к истине и справедливости, и любое сокрытие властью общественно значимой информации чревато социальным взрывом.

Еще одна важная черта нашего народа — толерантность, сформировавшаяся в бразильском социуме на протяжении многих поколений. В том, что касается сочетания неравенства с открытостью и толерантностью, мы похожи на Соединенные Штаты и радикально отличаемся от России. Отчасти это обусловлено уникальным смешением в нашей стране рас и национальностей. Бразильцы, ведущие свою родословную от португальских колонистов, у нас в явном меньшинстве. Есть негры — не те, что в Соединенных Штатах, а скорее мулаты; более 10 миллионов наших граждан происходят от этнических немцев; итальянцев здесь около 24 миллионов — даже в Аргентине столько не наберется. Есть также выходцы из Польши и Украины; очень много

⁶ Согласно официальной статистике, в конце 1990-х годов на долю беднейших 10 % населения в Бразилии приходилось 0,7 % совокупного дохода, на долю самых богатых 10 % — 48 %; основной индикатор имущественного неравенства — коэффициент Джини — составляет здесь 0,607, то есть показатель диспропорции в распределении доходов вдвое больше, чем в странах ЕС.

японцев; почти 9 миллионов человек — выходцы из Ближнего Востока, причем ливанцев здесь больше, чем в самом Ливане...

Таким образом, в Бразилии мы имеем своеобразный «плавильный котел». В Соединенных Штатах этот «котел», похоже, оказался не без изъяна. В Америке возникают замкнутые национальные и этнические сообщества, что очень плохо. У нас же — полное, практически хаотическое смешение представителей разных рас и народов, и мы горды этим, воспринимаем различия как нечто естественное...

По сравнению с американцами мы придаем различиям гораздо меньше значения и больше склонны к всеобщему сотрудничеству. Соединенные Штаты часто восхищают меня в том числе и потому, что американцам удается быстро и радикально менять свое общество. Как быстро, например, преодолели они расовую сегрегацию! И афроамериканцы получили равные права с остальными гражданами. Но это — равенство перед законом. Мы же, бразильцы, традиционно не уделяем законам слишком много внимания. На деле, однако, дискриминация проявляется в Бразилии гораздо реже, чем в США, хотя нам, возможно, и не хватает институциональных инструментов для ее подавления. Пускай мы и не равны, но мы не чужды друг другу.

В. И.: Все сказанное Вами о бразильской политической системе заставляет только порадоваться за нее. К сожалению, этого не скажешь о России. У нас демократизация потерпела неудачу, в стране установлен полный контроль Кремля над нижней палатой парламента, а «депутаты» верхней не избираются, а назначаются. А что происходит в этом контексте у ваших соседей по континенту? Приуси ли им ценности открытого и толерантного общества?

Ф. К.: Государства Латинской Америки существенно отличаются друг от друга — как в культурном отношении, так и по существующим в них моделям социальной интеграции. Если говорить о Парагвае и Аргентине, то наши общества весьма похожи и, я бы сказал, представляют собой определенную культурную общность. К Аргентине, Уругваю, даже к Чили применимо многое из того, что выше говорилось о Бразилии, — с некоторыми поправками, разумеется. Это открытые общества, причем отличающиеся гораздо более низким, чем у нас, уровнем имущественной дифференциации и этнонационального разнообразия. Если говорить о карибских государствах и странах Центральной Америки, то здесь социального неравенства не меньше, чем в Бразилии, и оно также существует на фоне серьезной этнической фрагментированности, правда обусловленной

прежде всего значительной долей выходцев из Африки. А вот в государствах Андской группы качественно иная ситуация. Ибо в Боливии, Эквадоре, Гватемале и в меньшей степени Перу главной социальной проблемой остается вопрос о формах и методах интеграции коренного населения в общественную жизнь. Этим обществам свойственна значительная национальная раздробленность, и этнические противоречия в них могут принять еще более радикальный характер. Это серьезно отличает их от Бразилии, Аргентины, Уругвая или Чили. Посмотрите, например, на то, что происходит в Боливии, где потомки индейцев составляют самую крупную этническую группу: они даже не ставят вопроса об интеграции, а требуют власти и самоуправления; кроме того, обсуждается возможность автономии для южных районов страны. Подобные тенденции наблюдаются практически во всем регионе. В общем, Латинская Америка состоит из совершенно непохожих друг на друга обществ.

Но имеется и еще одно обстоятельство. В силу особенностей своего исторического развития и географического положения Европа оказала особенно значительное культурное воздействие на юго-восточную часть континента, а также на некоторые страны Карибского бассейна и даже Мексику, где сильно испанское и французское культурное влияние. В действительности концепция Латинской Америки, даже сам этот термин — французское изобретение. Прежде говорили о некоей иберо-американской цивилизации, а мы и сейчас используем это понятие, чтобы подчеркнуть наши исторические корни. И совсем по-другому обстоит дело с Панамой или Венесуэлой, традиционно ориентирующимися на Соединенные Штаты.

Если обратиться к экономическому аспекту, к глобализации (а глобализация похожа на землетрясение, переворачивающее все прежние представления об успешно развивающемся обществе), то большинству стран приходится тратить много сил, чтобы ответить на ее вызовы и достойным образом интегрироваться в мировую экономику (некоторым это так и не удастся). Шансы, предоставляемые глобализацией той или иной стране, неодинаковы, да и люди пользуются ими по-разному. Например, в 1990-е Бразилия серьезно оторвалась от Аргентины в плане приспособления к новым реалиям, и сегодня отчасти сохраняется разрыв и в темпах экономического развития обеих стран.

Если оценивать ситуацию с точки зрения инвестиций — как иностранных, так и внутренних, — то несомненным лидером, далеко

оторвавшимся от прочих стран региона, является Бразилия. В результате активных усилий, предпринимаемых на протяжении 1990-х годов, наша страна оказалась намного лучше интегрированной в глобальную производственную систему, чем ее соседи, исключая, возможно, Мексику, которая в те же годы успешно подстроила свою экономику под нужды Соединенных Штатов. Но поскольку Бразилия находится гораздо дальше от США, то ее экономическая мощь позволяет ей стать своего рода «полюсом притяжения», вокруг которого могут интегрироваться другие страны. Начиная с 1995 года — после достижения финансовой стабилизации — в страну поступило не менее 150 млрд дол. прямых иностранных инвестиций, и это весьма существенная сумма. Во время моей работы на посту министра финансов среднегодовой объем инвестиций не превышал 1–2 млрд дол., на пике делового цикла, в 2000-м, он составил 33 млрд, а сегодня, в период умеренного роста, ежегодный прирост инвестиций — 15–17 млрд долларов. Инвестиции идут к нам не только потому, что наша экономика развивается особым образом, но и потому, что Бразилия — воплощение всей Южной Америки. (Здесь стоит отметить, что в последнее время основной поток инвестиций поступает на наш континент из «латинских» стран Европы, и можно даже сказать, что понятие «Латинская Америка» наполняется неким новым смыслом. Если несколько десятилетий тому назад основными европейскими инвесторами считались Великобритания, Германия, Швеция и Швейцария, то сегодня к нам хлынула волна капиталов из Франции, Испании, Португалии и несколько в меньшей мере из Италии.)

Чили, государство с более слабой экономикой, также сумело воспользоваться эффектами глобализации, закрепив свое присутствие в целом ряде ключевых ниш мирового рынка. При этом чилийцы продемонстрировали незаурядную сообразительность. Они не только экспортируют сырьевые товары, но и производят вина и фрукты, разводят рыбу, всё активнее действуют на рынке услуг. В последние годы накопление капитала в Чили идет настолько быстро, что страна становится серьезным региональным инвестором, вкладывающим средства в экономику соседних государств.

Аргентина или Уругвай, напротив, похоже, не вполне понимают, какое направление развития и какие ориентиры им следует выбрать. А вот центральноамериканские государства, наоборот, стабильно ориентированы на США — одни больше (как Колумбия, зависящая

от американской военной помощи, или Венесуэла, поставляющая в США львиную долю своей нефти), другие меньше. Их рынки открыты для американских товаров, а американский рынок в свою очередь открыт для их продукции. Поэтому в данном случае направление интеграции вполне понятно.

В. И.: Недавно в России перевели новую книгу профессора Джагдиша Бхавати о глобализации. Он утверждает, что сама по себе глобализация вряд ли способна оказать разрушительное воздействие на периферийные страны, если только их правительства не попытаются ей противостоять или неумело ее регулировать.

Ф. К.: Если в некоторых странах (назовем их «более развивающимися») правительствам удастся разглядеть не только опасности, но и возможности, связанные с глобализацией, они смогут продвигаться вперед намного быстрее. Пример тому – Чили. В других случаях власти, напротив, борются против неизбежных проявлений глобализации и тем самым замедляют развитие страны, порой вообще обращая его вспять. Вместе с тем серьезной опасностью становятся недовольство и озлобленность тех, кто отстает от задаваемого глобализацией темпа. Однако, если оценивать состояние экономик латиноамериканских стран, опираясь на статистические данные, окажется, что регресса нигде не наблюдается, хотя темпы хозяйственного роста различны. Даже утверждения о том, что глобализация вызывает рост безработицы, приводит к сверхэксплуатации, – и те не находят подтверждения. В то же время нельзя недооценивать роль правительств. Возможно, им следует избегать чрезмерного вмешательства в экономику, но они обязаны заложить фундамент, позволяющий стране включиться во всемирное разделение труда. Иными словами, они должны обеспечить гражданам получение образования, сделав общество восприимчивым к технологиям и создав эффективные социальные институты. Если это есть, то участие в глобализации принесет пользу. Если нет – можно ожидать проблем.

В. И.: В некоторых странах руководители склонны «уповать на собственные силы» и «идти особым путем», считая, что глобализации можно противостоять и «избавить» от нее свои страны. Например, как мне кажется, именно это и случилось во многих африканских государствах. История, однако, показала: от глобализации можно защититься, но тогда придется остаться на обочине мирового развития. Можно быть независимым от мира, но в таком случае и он не будет зависеть от вас...

Ф. К.: Вы правы. Ведь что такое глобализация? Это прогрессивная интеграция мировых рынков — финансовых и прочих. Это — формирование относительно единой производственной системы и распространение ее на весь мир. Такова современная форма капитализма. Динамика глобализации определяется крупными корпорациями. Именно они обладают ресурсами, необходимыми для рационализации производства, а также информацией и средствами ее обработки, что позволяет ориентироваться в ситуации и принимать верные решения. В определенном смысле глобализация — это современное воплощение прогресса, и в этом ее можно сравнить с индустриализацией в Европе в начале XIX века, радикально изменившей привычный порядок. Многие выступали тогда против промышленной революции, но их протесты не остановили ход истории. То же самое и с глобализацией. «Что за странные люди!» — наверняка сказал бы об антиглобалистах Карл Маркс, будь он сегодня жив. Выступать против глобализации — это практически то же самое, что отрицать саму идею прогресса.

В то же время любой процесс имеет позитивные и негативные аспекты, и у правительств есть средства сглаживать его отрицательные эффекты. Так, необходимо возмещать издержки тем, к кому глобализация повернулась спиной, — ведь ее основой является возрастание роли рынка, а рыночные силы непредсказуемы и могут быть жестоки по отношению к значительной части населения. Но размер компенсаций и пути их обеспечения должны определяться открытым гражданским обществом на основе внимательного отношения к самым различным мнениям и демократических подходов к анализу альтернатив. Только демократия способна укротить такое буйное животное, каким иногда может оказаться рынок.

В. И.: Вы упомянули о том, что Латинская Америка исторически близка Европе. Не означает ли это, что на вашем континенте возможна реализация чего-то похожего на европейский проект, на интеграцию?

Ф. К.: Да, разумеется. МЕРКОСУР⁷, например. Конечно, можно сказать, что МЕРКОСУР сегодня — это не более чем экономический союз. Но изначально мы рассчитывали на большее. На политическую интеграцию, некую региональную солидарность. В реальности все свелось к торговым отношениям. И даже в этой сфере у нас постоянно возникали разногласия, и порой довольно существенные, поскольку в 1990-е годы экономики всех наших стран или,

точнее, двух главных участников — Бразилии и Аргентины находились не в лучшей форме, имея значительные торговые дисбалансы и порой непредсказуемые курсы валют. Пик этих противоречий пришелся как раз на годы моего президентства, и я предложил сместить акценты на серьезные инфраструктурные проекты, которые могли бы оказаться полезными для всех их участников. Я выступил с инициативой проведения встречи президентов в Бразилиа⁸, пригласив на нее не только лидеров государств — членов МЕРКОСУРа, но и многих других латиноамериканских руководителей, и предложил Интерамериканскому банку развития⁹ вынести на наше рассмотрение ряд проектов, которые могли бы способствовать странственному сближению наших народов. Причем за образец следовало взять проекты, осуществлявшиеся в Бразилии с целью ускорения интеграции между отдельными районами страны. Банк вышел с рядом проектов в области железно- и автодорожного строительства, прокладки линий электропередач и совместных программ в области энергетики и телекоммуникаций, многие из которых были одобрены. Таким образом, мы решили начать заново — причем именно с того, с чего в свое время начинали европейцы с их Европейским объединением угля и стали. Сделав акцент на торговых вопросах, мы немного забежали вперед. Но даже сейчас мы не вполне понимаем, что собираемся делать со всем этим.

Все, что у нас сейчас есть, — это лишь определенная политическая близость. Да и ее не стоит переоценивать. Например, на последних выборах в руководящие органы ВТО и ряда других международных организаций кандидатура Бразилии в ряде случаев не получала под-

⁷ МЕРКОСУР (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) — Южноамериканский общий рынок, региональное объединение в составе Бразилии, Парагвая, Уругвая и Аргентины, которое должно было положить начало таможенному союзу между этими странами. Основан в Асунсьоне 26 марта 1991 г. В 1996 г. образован так называемый «политический МЕРКОСУР», куда, помимо этих стран, входят также Чили и Боливия. В последние годы испытывает видимые трудности в реализации ранее одобренных экономических мер. С Евросоюзом МЕРКОСУР связывает Межрегиональное рамочное соглашение о сотрудничестве, подписанное 15 декабря 1995 г. в Мадриде и вступившее в силу 1 июля 1999 г.

⁸ Имеется в виду первый саммит в Латинской Америке, состоявшийся в столице Бразилии в августе 2000 г. Одним из его результатов стало образование Латиноамериканского совета по предпринимательству (*Consejo Empresario de América Latina*), действующего на постоянной основе.

⁹ Межамериканский банк развития (*Inter-American Development Bank, IDB*) — первый в мире региональный межгосударственный банк, кредитующий программы развития; был создан в 1959 г. по инициативе президента Бразилии Жуселино Кубичека. Странами — учредителями банка стали 19 латиноамериканских государств и США.

держки даже со стороны наших партнеров по МЕРКОСУРу. Так что сегодня явно неудачный момент для подведения каких-то обнадеживающих итогов, хотя, я уверен, не следует отказываться от самой идеи более тесной интеграции. Нужно только попытаться переосмыслить многое из того, что мы сделали и упустили в области интеграции.

Мы стремились также начать выстраивать отношения между Европейским союзом и МЕРКОСУРом. Когда Жак Ширак приезжал в 1997 году с официальным визитом в Бразилию, мы выступили с совместной инициативой проведения конференции в Рио-де-Жанейро, но ныне, похоже, и ЕС переживает не лучшие свои времена после провальных референдумов по европейской Конституции. Поэтому сейчас следует немного подождать, прежде чем возобновить усилия по установлению контактов между МЕРКОСУРом и Евросоюзом.

Билл Клинтон в свою очередь активно предлагал альтернативный план – Панамериканскую зону свободной торговли¹⁰. Мы в Бразилии не слишком хорошо относились к этому плану, опасаясь конкуренции со стороны США, которые, несомненно, стали бы главной силой в новом альянсе. Со временем американцы переориентировались на региональные альянсы с центральноамериканскими странами и государствами Андского региона. Параллельно они начали предпринимать активные попытки изолировать Бразилию посредством заключения двусторонних преференциальных соглашений с отдельными странами – членами МЕРКОСУРа.

Вы как россиянин можете понять причины наших проблем: очень сложно убедить большую страну пойти по пути интеграции с малыми государствами и разделить с ними свои и так нелегко доставшиеся преимущества и возможности.

В. И.: Что до меня, я был бы счастлив, если б Россия стала 26-м членом Европейского союза и имела б в нем такие же права и возможности влияния, как, скажем, Люксембург. Все происходящее в России убеждает меня в том, что наш политический класс не способен должным образом управлять собственной страной...

Ф. К.: И мне порой кажется, что так было бы лучше – и для Европы, и для мира...

¹⁰ Панамериканская зона свободной торговли (*Free Trade Area of the Americas, FTAA*) – региональная организация, призванная обеспечить свободу передвижения товаров и капиталов в пределах Западного полушария. Однако общее замедление темпов роста мировой экономики и другие многочисленные проблемы обусловили затяжку переговорного процесса, который продолжается и поныне.

В. И.: ...и прежде всего для самой России.

Ф. К.: Но подобные мысли практически невозможно донести до значительной части населения, поскольку идея суверенитета исключительно глубоко укоренена в каждой нации. У нас нередко приходится слышать: «Зачем предоставлять иностранцам равные возможности? Зачем допускать их вмешательство в наши дела?» А ведь если бы нам удалось создать в Южной Америке более тесно интегрированную зону — и многие бы выиграли. Больше того, Бразилия обязана стать естественным лидером этого движения: всё же мы больше и богаче наших соседей.

В. И.: Интеграция Европы имеет, помимо прочих, такие измерения, как социальное, личное, культурное, интеллектуальное. Как мне кажется, происходит рождение европейской нации, но, конечно, пройдет, вероятно, столетие, прежде чем она окончательно оформится. Возможно ли что-нибудь подобное в Латинской Америке? Можно ли утверждать, что народы латиноамериканских стран начинают лучше понимать друг друга?

Ф. К.: При всех несходствах, о которых я уже говорил, различия между народами Латинской Америки, пожалуй, даже менее существенны, чем между европейцами. Возможно, наша близость — это следствие иммигрантского прошлого латиноамериканских наций, отголосок общего ощущения открытого пространства, и по сей день живущего в каждом жителе нашего континента (португальцы, например, гораздо больше похожи по менталитету на других европейцев, нежели на нас). Разумеется, это не означает, что мы всегда и во всем понимаем друг друга, но стоит нам начать общаться, и мы быстро осознаём свое «родство».

Общность языка также является важнейшим фактором, способным намного облегчить интеграционные процессы. Но вместе с тем нельзя не учитывать, что наш регион занимает огромную площадь. На территории одной лишь Бразилии легко уместится вся Западная Европа. Активизирующееся трансграничное передвижение людей может послужить опорой для дальнейшего сближения латиноамериканских народов. Интенсивность туризма выросла в несколько раз за 1990-е годы. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов торговлю. И, разумеется, университеты.

Должен сказать, однако, что в 1960–1970-х степень культурной близости была несколько выше сегодняшней. Отчасти это обуславливалось тем, что в силу социальной и политической нестабильно-

сти или из-за диктатуры в Чили и ряде других стран региона людям приходилось подолгу жить за границей и они лучше узнавали друг друга. Сегодня мы «объединяемся» через Соединенные Штаты: учимся в американских университетах, работаем в американских компаниях. Мы даже в шутку говорим о том, что лучшее место для встреч латиноамериканцев друг с другом – Майами.

В. И.: Этой весной в чилийской столице прошла четвертая встреча министров иностранных дел стран – участниц «Сообщества демократий». Это объединение (а я поддерживаю его основную идею) постепенно становится значимой силой на международной арене и, не исключено, станет играть еще большую роль в мире. Человечество пребывает в поисках нового порядка, но как-то не хочется, чтобы он оказался всецело американским. Как Вы думаете, возможно ли в будущем установление нового международного порядка, основанного не на американской гегемонии?

Ф. К.: Новый мировой порядок, его становление будут тесно связаны с тем, насколько интенсивным окажется процесс формирования всемирного гражданского общества. С одной стороны, имеет место невиданная активизация усилий неправительственных организаций, сил гражданского общества, региональных организаций, разного рода благотворительных и протестных движений, которые хотят играть более значительную роль в международных процессах. С другой – отдельные государства всё решительнее выступают против однополярности современного мира. Однако, хотя наш мир и выглядит однополярным, в действительности он является таковым лишь до определенного предела. Пять великих держав никуда не исчезли, а мы, например, прилагаем усилия к тому, чтобы двери этого закрытого клуба – Совета Безопасности ООН – приоткрылись и для нас. Скорее всего, со временем Европа станет сильнее, глобальное значение Китая многократно возрастет, а страны типа Индии, России, Бразилии, Мексики будут играть в этом новом мировом порядке роль балансира. Вопрос на самом деле в том, каким образом будет установлен такой порядок. Ведь Америка располагает столь значительной военной и технологической мощью, что соперничество с ней попросту бессмысленно. И, на мой взгляд, странам – оппонентам Соединенных Штатов сегодня нужно делать ставку на «мягкую» силу (*soft power*) как на эффективное средство «нейтрализации» США.

Я говорю так потому, что воспринимаю Соединенные Штаты как великую демократическую державу. Сегодня, увы, у власти там

находятся крайние силы Республиканской партии, настоящие фундаменталисты, но они в конце концов уйдут. Важно, чтобы сами американские избиратели проявляли бóльшие интерес и внимание к тому, как их страна воспринимается в остальном мире. Путь к новому порядку видится мне лежащим не через оспаривание американского превосходства, а через вовлечение Соединенных Штатов в обновленное мировое сообщество. В нынешнем однополюсном мире абсолютно доминировать США не в состоянии, у их мощи есть очевидные пределы. В Ираке, например, они легко разрушили прежний режим, но пока не построили ничего нового. Да и в борьбе с терроризмом особого прогресса не видно.

Международный терроризм способен подтолкнуть развитые страны к единству, причем основанному на применении именно «мягкой» силы. Ставка на «жесткую» силу (*hard power*) в борьбе с террором практически неминуемо приведет к неудаче. Напротив, необходимы как раз те качества, о которых я говорил выше: готовность убеждать, приверженность плюрализму и совещательности, толерантность, умеренность. Все это еще в большей мере понадобится нам, если мы и впрямь собираемся строить что-то новое, а не только бороться со злом...

Памяти Алексея Салмина

В начале 1980-х годов у студентов и молодых ученых, занимавшихся историей и политологией, настоящей библией была книга с непритязательным названием «Промышленные рабочие Франции». На самом деле это был необыкновенно захватывающий, похожий на авантюрный роман рассказ о традициях и политической культуре французского общества. Книга опередила свое время, она была написана человеком словно из другого мира и другого, расположенного в далеком будущем, времени.

Больше никто у нас в стране таких книг не напишет.

8 сентября на 55-м году жизни скончался Алексей Михайлович САЛМИН. В последние десятилетия политолога такого уровня в нашей стране не было – Салмин был один, и он был уникален.

Выпускник восточного отделения факультета международных отношений МГИМО, Алексей Салмин работал в Институте международного рабочего движения АН СССР (ныне Институт сравнительной политологии РАН). Там он возглавлял отдел, преобразованный в Центр сравнительной политологии. Позже, уже в 90-е годы, этот центр дал новое название и самому институту.

В 1992–1994 годах Салмин был директором Центра прогностических программ в Горбачёв-фонде. В 1994 году он становится директором научных программ Центра политических технологий, стоял у истоков создания Фонда развития парламентаризма в России. С конца 1994 года возглавил и кардинально преобразовал фонд «Российский общественно-политический центр».

Исследовательскую и организаторскую деятельность Алексей Михайлович успешно совмещал с преподавательской работой. Так, с 2000 года на протяжении двух лет он возглавлял кафедру общей политологии в Государственном университете – Высшей школе экономики. С 2002 года – профессор кафедры политической теории факультета политологии МГИМО(У), с 2004 года — декан этого факультета.

Алексей Салмин был человеком исключительного личного обаяния, широчайшей и глубочайшей эрудиции – качеств весьма дефицитных у современной российской элиты. Он был не только полиглотом (свободно владел английским, французским, итальянским и тайским языками), но и ученым-энциклопедистом – социологом, историком, философом, политологом. Международное признание получили его труды в области сравнительного анализа политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.

Друзья Алексея Михайловича по Совету по внешней и оборонной политике, одним из основателей и наиболее активных членов которого он являлся, глубоко скорбят по поводу его безвременной кончины и выражают искреннее соболезнование его дочерям и близким.

Президиум Совета по внешней и оборонной политике

Рецензии

“ В начале XXI века отношение большинства граждан Соединенных Штатов к войне изменилось настолько, что теперь они с готовностью смиряются как с перспективой войны, которой не видно конца, так и с тем, что Соединенные Штаты более не считают войну исключительным и экстраординарным средством разрешения международных проблем ”

Логика «нового милитаризма» Владислав Иноземцев
204
Евроскептицизм по-английски Александр Кузяков
210

Логика «нового милитаризма»

Владислав Иноземцев

Bacevich, Andrew. The New American Militarism. How Americans are Seduced by War Supremacy. Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2005. xvi + 270 pp.

Эндрю Басевич, профессор политологии, возглавляющий Центр изучения международных отношений при Бостонском университете, приобрел широкую известность несколько лет назад, после публикации книги об американской империи (см.:

Bacevich, Andrew. American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2002). Сегодня автор вновь обратился к той же теме, но – в соответствии с изменившейся ситуацией – сконцентрировал внимание уже не на специфике американской дипломатии, а на исторических истоках, особенностях и опасности американского милитаризма.

Казалось бы, проблема уже разработана: в советские времена мы воспитывались на книгах об «американ-

ской военщине», в последние годы эта тема приобрела широкую популярность в Европе, а отчасти и в самих США. Однако, если внимательнее присмотреться к книгам, десятками лежащим на полках российских и западных магазинов, окажется, что подавляющее их большинство посвящено *агрессивности* современной Америки, а не *милитаризму* в собственном смысле этого слова. Профессор Басевич пытается предложить читателю новый подход, рассматривая милитаризм не только как атрибут внешней политики администрации Джорджа Буша-младшего, но и как одну из важнейших черт, определяющих мировоззрение современного среднего американца.

По мнению автора, в начале XXI века отношение большинства граждан Соединенных Штатов к войне изменилось настолько, что теперь они «с готовностью смиряются как с перспективой войны, которой не видно конца, так и с политикой, в

В.Л. Иноземцев – д. э. н., главный редактор журнала «Свободная мысль-XXI».

которой не содержится и намека на оборонительный характер действий США или на то, что Соединенные Штаты считают войну исключительным и экстраординарным средством [разрешения международных проблем]» (р. 19). Такая ситуация явилась следствием нескольких тенденций: роста числа американских военных операций за границей, развернутой правительством пропаганды военной мощи США, активного подчеркивания американского исторического предназначения как основы единства нации и даже — парадоксальным образом — глубокой религиозности значительного числа жителей страны. Милитаризм американцев, подчеркивает Басевич, не следует отождествлять с агрессивностью Америки; последняя может снизиться или возрасти со сменой хозяина Белого дома, но первый вряд ли может быть преодолен.

Профессор Басевич рисует подробную картину нарастания военной риторики высших лиц государства (pp. 31–33), рассказывает о том, как американские религиозные организации фактически превратились в апологетов войны и насилия (pp. 127–128, 140–142), показывает, насколько свыклось с неизбежностью милитаристской истории американское общественное мнение (pp. 25–26), как дешевое позирование политиков на броне танка или палубе военного корабля становится залогом их популярно-

сти и успеха (pp. 30–31 и др.). На фоне всего этого, отмечает автор, уже сегодня военный бюджет Соединенных Штатов на 12 % превышает средние военные расходы страны в период холодной войны, а «к 2009 году будет превышать их на 23 %, несмотря на отсутствие сколь бы то ни было достойного соперника» (р. 17). Поддержание милитаристского «настроя» в обществе стало, таким образом, частью не только внешне-, но и внутривнутриполитической стратегии правительства, и в подобной ситуации мало кто из политиков искренне заинтересован в ослаблении его «накала».

Эндрю Басевич считает, что нынешнее положение вещей не следует воспринимать как неожиданность, так как курс президента Буша отнюдь не противоречит вильсоновской логике внешней политики Соединенных Штатов. Он подчеркивает, что обусловленность последних акций США на международной арене приверженностью руководства страны вильсоновскому мессианизму (pp. 10–13) выглядит не менее очевидной, чем их подкрепленность неоконсервативной идеологией (pp. 82–87). Соглашаясь с мнением Лоуренса Каплана о том, что Джорджа Буша-младшего можно воспринимать как «наиболее “вильсоновского” президента после самого Вильсона» (см.: Kaplan, Lawrence. *Regime Change in: The New Republic*. 2003.

March 3), автор *de facto* солидаризируется со знаменитой формулой Роберта Кейгана, гласящей, что «после 11 сентября Америка не изменилась — она лишь в большей мере стала самой собой» (Kagan, Robert. *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order*. New York: Alfred A. Knopf, 2003. P. 85). И это является очередным подтверждением малой вероятности изменения политического курса Соединенных Штатов в обозримой перспективе.

Особый интерес, на мой взгляд, представляют рассуждения автора о месте армии в нынешнем американском обществе и о восприятии военнослужащими и гражданским населением друг друга. По мере того как доля служивших в армии американцев среди представителей высокообеспеченных слоев и политического класса снижается (так, например, сегодня лишь 36 % сенаторов и 23 % членов Палаты представителей имеют за плечами опыт армейской службы, тогда как в 1970-е таковых было соответственно 3/4 и около половины — см. р. 26), многие всё охотнее соглашаются с тем, что моральные качества военных выше нравственных стандартов большинства членов общества (pp. 28–29). Однако еще более примечательно то, что и «две трети [опрошенных в 2003 году военнослужащих] выразили мнение, что военные обладают более прочными моральными устоями, нежели народ, которому они служат»,

что, по мнению Басевича, «свидетельствует о нездоровых тенденциях в армии, призванной служить демократической стране (курсив мой. — В.И.)» (р. 24). Все это наводит на некоторые мысли относительно российской ситуации, где в условиях меньшей укорененности демократических традиций псевдопатриотическая риторика и вопли о неисчислимых внутренних и внешних угрозах оправдывают апологетизацию армии и ведут к увеличению числа людей в погонах на высших постах — параллельно со свертыванием демократии и упадком законности. Хотя Россия не является ныне «более развитой страной», чем Соединенные Штаты, нельзя исключать, что ее опыт, перефразируя слова Маркса, «указывает им на их собственное будущее».

Однако за провокационными и будоражающими мысль рассуждениями об американском милитаризме в книге скрыта и другая «сюжетная линия», заслуживающая, быть может, даже большего внимания, нежели та, которая заявлена в ее названии. По сути, автор пытается «вырваться» из рамок традиционной доктрины, четко разделяющей историю второй половины XX столетия на период холодной войны и эпоху, открытую ее завершением. Исходным элементом ревизии этого подхода стала для автора позиция известного ультраконсерватора Нормана Подгореца. Последний попытался сотворить нечто подобное ин-

теллектуальному «подвигу» Фрэнсиса Фукуямы и отождествить бушевскую «войну с террором» с... Четвертой мировой войной (см.: Podhoretz, Norman. *How to Win the World War IV?* in: *Commentary*. No 113. February 2002. pp. 19–29). Допуская возможность подобной трактовки (pp. 175–176), профессор Басевич, однако, выступает против датирования начала этой «мировой войны» 11 сентября 2001 года. По его мнению, само понятие холодной войны, «как бы втискивающее всемирную историю в некий абстрактный период, служит своего рода ярлыком, всё объясняющим и пригодным для самых разнообразных целей, ярлыком, обозначающим весь период между серединой 40-х и концом 80-х годов XX века» (p. 177), но в действительности обладающим крайне небольшим теоретическим и прогностическим значением.

В предлагаемой автором версии холодная война (которую многие исследователи склонны называть Третьей мировой войной) разделена на две фазы: Карибским кризисом 1962 года, после которого каждый из противостоявших блоков утратил надежду на военную победу над противником, переключившись на сомнительные аферы в периферийных регионах, закончившиеся соответственно в Вьетнаме и Афганистане (см. pp. 178–179). Зона же американских интересов сместилась

из Европы на Ближний Восток. Именно с этого времени, а точнее, с 1979-го, когда под влиянием исламской революции в Иране и ввода советских войск в Афганистан «Дж. Картер считал, что отношение к Ближнему Востоку как к второстепенному внешнеполитическому направлению, имеющему подчиненное к основному “театру” холодной войны положение, более недопустимо» (p. 181), профессор Басевич и ведет историю «Четвертой мировой войны». Такой поворот в оценке ранее казавшихся очевидными временных границ позволяет ему сделать оригинальные выводы.

Во-первых, подобная трактовка подчеркивает, что центральной задачей «войны» является не пресловутое «сдерживание» идеологического врага, а банальное установление контроля над регионом, в котором (ввиду непреодолимой зависимости Америки от импортируемой нефти — см. p. 184) у США имеются жизненно важные интересы. Во-вторых, в случае принятия данного подхода оказывается, что Соединенные Штаты начали эту новую «мировую войну» сами, стремясь укрепить свое влияние в регионе и поддержать своего стратегического союзника — Израиль; именно в ходе этой «войны» Америка и «воспитала» ненависть к себе со стороны всего исламского мира. В-третьих, что наиболее важно, «всемирно-исторические» события 11 сентября 2001 года

практически ничего не изменили в этой «войне», но сделали ее из скрытой вполне явной и очевидной (pp. 200–201). (Или, можно сказать так: перевели ее из подобия холодной войны в состояние традиционно понимаемого военного конфликта.)

Таким образом, предлагаемое автором видение послевоенной истории «не создает образа США как невинной жертвы... и не может оправдать военные акции в стиле Дж. Буша-младшего; напротив, оно подчеркивает угрозы, порождаемые новым американским милитаризмом, так как не за горами оказываются Пятая и Шестая мировые войны, которые неизбежно будут оправдываться неудержимым стремлением к [утверждению] свободы» (p. 181). Перспектива, таким образом, не выглядит вдохновляющей. По мнению автора, окончание холодной войны не привело к миру, пусть даже и «холодному», а лишь раздвинуло занавес, за которым вырисовывались контуры нового — на этот раз даже более опасного — глобального вооруженного конфликта.

Что следует противопоставить американскому милитаризму? Может ли международное сообщество быть препятствием на его пути? Вряд ли. Ведь сегодня нельзя создать коалицию, способную стать реальным военным противником Соединенных Штатов и заставить их скорректировать свою политическую линию. А до тех пор пока другие государства

не смогут этого сделать, в Америке по-прежнему будет доминировать мнение о том, что «международное сообщество — это фикция», а «коллективная безопасность — это всего лишь мираж» (Krauthammer, Charles. *A World Imagined in: The New Republic*. 1999. March 15; Idem. *The Anti-Superpower Fallacy in: Washington Post*. 1992. April 10). Поэтому, убежден Эндрю Басевич, ситуация может измениться лишь в случае, если сами американцы проявят решимость ее изменить. Но не свидетельствуют ли последние десятилетия об утопичности такой перспективы?

Автор не столь пессимистичен. По его мнению, американцев можно «переубедить», если доказать им, что нынешний курс отнюдь не делает Америку такой, какой она должна быть, а, напротив, попирает большинство принципов, на которых строилось американское государство и основывалась идентичность нации. Основным должна стать апелляция к тем идеям отцов-основателей США, к которым американцы — эта «нация с душой Церкви» (высказывание Герберта Честертона; цит. по: Huntington, Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Schuster. 2004. P. 48) — относятся, как к строкам Священного Писания.

Профессор Басевич предлагает план преодоления проблемы американского милитаризма, основанный на возрождении американских цен-

ностей и состоящий из десяти основных мер (pp. 205–226), – план, амбициозно и двусмысленно названный им «*Common Defense*». Не хочется вдаваться в его детали – это было бы пересказом книги, а не такова наша задача. Основная же идея заключена в необходимости преодоления той отчужденности народа от армии и армии от народа, которая, убежден автор, и стала важнейшей предпосылкой усиления позиций современного милитаризма в Соединенных Штатах. По его мнению, масштабы военного доминирования США позволяют переосмыслить проблемы безопасности, «принять на вооружение» доктрину применения силы лишь в исключительных случаях (см. p. 211), демократизировать силовые ведомства и в конечном счете возродить исконно американскую доктрину гражданина-солдата, в рамках которой эти два качества человека были неотделимы друг от друга (pp. 221–222). «Короли, армии и непрекращающиеся войны

определяли облик Европы [XVIII века], – пишет он, – и отсутствие всего этого явилось исходным пунктом, из которого Америка начала свой исторический путь. Полные решимости сохранить завоеванные свободы и развить опыт народного самоуправления, американцы интуитивно понимали, что милитаризм может стать главной помехой на этом пути» (p. 33). Что ж, скорее всего, они не ошибались. Ведь, как учил Екклесиаст, «всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать... время разрушать и время строить... время войне и время миру» (*Екклесиаст*, III, 1–2, 7–8). Но американцам, видимо, так и не суждено стать мессианской нацией, если все их мессианство сводится к тому, чтобы поменять местами слова в последней фразе и до конца пройти путь, ведущий от мира к войне. А в то, что эту страну удастся повернуть вспять, не верится даже по прочтении глубокой и основательной книги Эндрю Басевича.

Евроскептицизм по-английски

Александр Кузяков

Christopher Booker and Richard North. The Great Deception. A Secret History of the European Union. London, New York: Continuum, 2005. 474 pp. (Кристофер Букер, Ричард Норт. Большой обман. Секретная история Европейского союза. Лондон; Нью-Йорк, 2005).

Привычка британцев нестандартно мыслить и во всем сомневаться неискоренима с незапамятных времен. Пожалуй, с тех самых пор, когда принц Датский был отослан в Англию, чтобы, как предположил смысленный шекспировский персонаж, не слишком выделяться, поскольку там все такие. Быть или не быть в единой Европе, туманный Альбион обсуждает уже четверть века, несмотря на свое активное участие в европейском процессе. А началось все с того, что британский замминистра торговли Рассел Брезертон во время переговоров о создании Общего рынка заявил: «Договор, который вы обсуждаете, не имеет шансов на успех; да-

же если он будет согласован, у него нет шансов быть ратифицированным, но даже если он и будет ратифицирован, то никогда не будет воплощен в жизнь» (р. 73).

Это отчасти объясняет манеру написания «секретной истории» Европейского союза, предлагаемой вниманию читателя обозревателем газеты *The Sunday Telegraph* Кристофером Букером и исследователем отношений с Европейским союзом Ричардом Нортом. Книга стала не только бестселлером, но и своеобразным знаменем евроскептиков. Впрочем, это — скорее журналистское расследование, проводившееся в течение десяти лет с целью сделать тайное явным. Однако подлинная ценность исследования, на мой взгляд, состоит как раз в том, что в нем систематизирован огромный документальный материал, который отчасти помогает разобраться в причинах нынешнего кризиса (кстати сказать, материал этот стал «про-

А.В. Кузяков — ответственный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

зрачным» благодаря усилиям чиновников Евросоюза, ежегодно публикующих подробные отчеты о своей деятельности).

Главная «тайна», с которой авторы попытались «сорвать завесу», заключается в демоническом намерении основоположника европейской интеграции Жана Монне построить общеевропейскую унитарную державу на фундаменте из руин, бывших когда-то суверенитетами отдельных государств. Одержимость этой целью, по мнению обоих авторов, составляла смысл деятельности и других отцов-основателей — Робера Шумана, Конрада Аденауэра, Альчиде де Гаспери и Поля Анри Спаака. Этот смысл нашел свое воплощение в емком понятии «европейская архитектура».

Принятый на вооружение Монне вид «зодчества», сравнивается в книге с замыслом Шарля Ле Корбюзье, который противопоставлял свой «линейный город» хаотичной застройке дикого капитализма. Идеология, положенная в основу обоих проектов, разрабатывалась одновременно — в начале 20-х годов прошлого века. Судьбы европейского проекта и проекта гармоничного «города будущего» во многом совпадают: начиная с 1950–1960-х они практически одновременно стали воплощаться в жизнь. Повсюду в Европе в окружении развязок эстакад вырастали колоссы новостроек из бетонных башен и многоэтажных панельных зданий. Идеология модерна преврати-

лась в ведущую «ортодоксию» XX века (р. 453). Букер и Норт считают симптоматичным тот факт, что к началу 1970-х годов неоновые города, обещанные архитекторами, обернулись бездушными и гнетущими монстрами, уродливые улицы которых замусорены, а стены испещрены граффити. В недрах этих городов не решаются проблемы преступности и процветает наркомафия.

Жан Монне испытывал устойчивое предубеждение против обветшалых государств-наций. Он мечтал о рационально-функциональной «архитектуре» Новой Европы, которая развивалась бы по собственной «внутренней логике», управлялась бы наднациональным правительством технократов, способных упорядочить тот хаос проблем, с которыми сталкивались европейские демократии. Это чувство, комментируют авторы книги, вдохновило целое поколение еврочиновников, возводивших на месте национальных государств «гнетущие технократические структуры новой системы». Символом подобных «конструкций» явилась, по мнению авторов, прежде всего европейская законодательная система, которую они сравнивают с «уходящими за горизонт грядами мощных бастионов европроекта», а это десятки тысяч директив, правил, предписаний и резолюций (р. 453).

Неужели кто-то посмеет подарить евробюрократам старую добрую Анг-

лию? Ту самую, о которой бывший британский премьер Джон Мейджор любил говорить как о «стране теплого пива, длинных теней перед закатом в зеленых предместьях, стране любителей собак и старых монахинь, спешащих на мессу сквозь утренний туман» (р. 288)?

С самого начала, пишут Букер и Норт, на вооружение был принят так называемый «метод Монне», в соответствии с которым идея политической интеграции, осуществляемой «сектор за сектором», тщательно камуфлировалась под экономическую. В этом, как выясняется, и заключалась «главная суть обмана» (р. 68).

После образования Европейского экономического сообщества задачей Комиссии (исполнительный орган ЕЭС) было «создание общей структуры тарифов, противостоящей внешнему миру»; к 1963-му задача была в целом выполнена (р. 122). При этом, подчеркивают авторы, обещанная «зона свободной торговли» Общего рынка превратилась «в самое регламентированное в мире экономическое пространство». С помощью принципа «гармонизации» законодательства отдельных государств-членов проводилась интеграция практически всех аспектов их экономической активности — «от нанесения маркировочных знаков на огнетушители вплоть до дизайна мягких игрушек» (р. 297). Работала целая фабрика по штамповке все новых директив и распоряжений (р. 293). К 1997 году, как от-

мечала *The Sunday Telegraph*, число страниц официальных документов, издаваемых Евросоюзом, достигло 1 916 808 страниц, увеличиваясь ежегодно на 20 процентов (р. 348).

Вполне понятно желание обоих авторов, сетующих на «разбухший» аппарат евробюрократов, «сделать “Европу” ближе простым людям». Однако, обличая засилье европейской номенклатуры, скептики создают миф о ее масштабах. Например, доля административных расходов Комиссии Европейского союза (КЕС) приблизительно соответствует скромным расходам правительства Бельгии, да и по численности персонала аппарат КЕС составляет лишь одну пятидесятую часть от числа федеральных чиновников США.

Но главное, что, по мнению авторов, вызывает дефицит доверия европейского населения, — это во многом еще сохраняющаяся система голосования в Европарламенте: «голосование согласно квалифицированному большинству» (*QMV*), которое в качестве основополагающей характеристики «наднационализма» с самого начала явилось мотором европейского «проекта». Действительно, еще в 1920-м сам Монне признавал, что с помощью *QMV* государства будут вынуждены принимать решения вопреки своим национальным интересам. Именно этим мотивом, считают Букер и Норт, руководствовались европейские чиновники, постоянно ставя вопрос об от-

мене права вето, предоставленного странам-членам, справедливо полагая, что до тех пор, пока у них сохраняется это оружие, они способны препятствовать любым нововведениям. Но и «квалифицированное большинство», постепенно отвоевывавшее себе все больше позиций, столкнулось с проблемой, поскольку «меньшинство» пока еще способно объединиться в мощный блок. Помощь пришла с неожиданной стороны. Каждое «расширение» ЕС может быть использовано «в целях увеличения его наднационального потенциала» (р. 313). Общей же целью, как предполагают авторы, является переход от «представительной демократии», основу которой составляли национальные государства, к общеевропейской «консультативной демократии» (р. 397). Это дало повод ведущему «евродиссиденту» в Лейбористской партии Тони Бенну заявить о том, что сложившаяся система «подменила собой парламентскую демократию» (р. 289).

По мнению авторов, за обещанным созданием экономического и валютного союза (знаменитый план Вернера начала 1970-х) скрывалась цель политического характера — образование «Европейского федеративного государства», в котором «весь базовый инструментарий управления национальной экономикой (финансы, денежное обращение, доходы и региональная политика) сосредотачивался бы в руках

центральной федеральной власти» (р. 134).

Единая валюта и единая экономическая политика, а также выработка общей внешней политики логически предполагали создание единого правительства, пишут Букер и Норт (р. 252). Своего рода кульминацией явился тот факт, что в августе 1973 года Жан Монне собственноручно разработал план, в котором уже просматривались контуры «временного правительства Европы». На него возлагалась миссия по созданию Европейского союза с постоянным «кабинетом министров» и законодательной ассамблеей. Уже в сентябре 1974-го Валери Жискар д'Эстен и Гельмут Шмидт приняли идею Монне о «временном правительстве», окрестив его *European Council* — Европейским советом (р. 162).

Неоднозначность и двусмысленность, констатируют авторы, возникли вследствие постоянно противоборствующих и радикально несовместимых точек зрения на перспективы развития Европы. Первую из них оба автора окрестили «наднациональной ортодоксией Жана Монне». Вторую — «федеративным» решением, которое поддерживала Германия (Англия была против). Наконец, еще одна точка зрения основывалась на представлении Шарля де Голля о принципе «*Europe des Etats*» (Европа государств) и получила развитие благодаря растущей роли Европейского совета, конкурирующего с Ев-

рокомиссией за статус «правительства Европы». Эта идея, разделяемая также Жаком Шираком, представляла собой новую форму «межправительственного» подхода, а поскольку де-факто в нем доминировали бы Франция и Германия (предлагалось и Англии), он получил название «Директория», с помощью которой «концерт держав» контролировался бы его крупнейшими участниками (р. 383).

В январе 1990 года, обращаясь к зрителям по французскому телевидению, председатель Европейской комиссии Жак Делор впервые открыто произнес слово «федерация»: «Моя цель состоит в том, чтобы до конца нынешнего тысячелетия Европа стала подлинной федерацией. Комиссия должна превратиться в политический исполнительный орган, который сможет определять важнейшие общие интересы» (р. 251).

В проекте Маастрихтского договора европейская интеграция определялась как процесс, ведущий к созданию союза, цель которого — федерация. На саммите ЕС в Ницце в 2000 году появилась идея Хартии основных прав человека, которую впоследствии предполагалось положить в основу общеевропейской Конституции. Франция, Германия и Еврокомиссия представляли себе эту хартию как «окончательную трансформацию процесса европейской интеграции, носившей изначально экономический характер, в процесс, це-

ликом направленный на создание политического союза» (р. 377).

Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор) предусматривал «проведение общей политики в области внешних отношений, безопасности и обороны, а также “сотрудничество” в сфере юстиции и внутренней политики». Авторы книги особо подчеркивают, что этот «договор значительно расширял область “компетенций” Комиссии и квалифицированного большинства» (р. 274).

Маргарет Тэтчер, еще в бытность свою премьер-министром, предостерегала, что под политическим союзом могут подразумеваться потеря национальной идентичности, упразднение должности глав отдельных государств, ликвидация национальных парламентов, ослабление НАТО, сужение роли государств в области осуществления собственной внешней политики (р. 252). На что тогдашний итальянский премьер Джулио Андреотти заявил, что было бы опрометчиво заранее пытаться прийти к «однозначной дефиниции термина “политический союз”» (р. 252).

Обвинения в адрес сторонников федерализма в стремлении к излишней централизации власти Брюсселя способствовали тому, что в 1991-м Еврокомиссия приступила к разработке принципа «субсидиарности» (введенного в заключительную часть договора). Как считают Букер и Норт, это была «большая идея» Жака Делора, заимствованная им из энци-

клики папы Пия XI *Quadragesimo Anno* (1931), согласно которой за любое сильное дело должна браться мельчайшая социальная ячейка, начинающая с отдельного индивида и семьи. И лишь в случае фиаско в действительности вступала более крупная социальная группа. Введение этого принципа вызвало немалую долю сарказма у комментаторов, поскольку считали они, как раз более скромные «части большой группы» в данном случае лишались права вето. Решение же о применении принципа «субсидиарности» должно было приниматься, по мысли Делора, «высшей инстанцией» (р. 285). Последний с самого начала, констатируют авторы, рассчитывал на этот принцип как на инструмент усиления политического вектора интеграции.

Начиная с 1 ноября 1993 года Европейское сообщество стало именоваться Европейским союзом. Теперь в развитие горячо любимого авторами книги «проекта Монне» оставалось ввести единую валюту. Логическое завершение ЭВС — единая валюта, как заявил впоследствии экс-премьер-министр Португалии Антониу Гутерриш, стала тем краеугольным камнем для единой Европы, каким стал в свое время «св. Пётр (греч. — камень) для христианства» (р. 325).

Твердый сторонник «наднациональной ортодоксии» (р. 383), профессор экономики Романо Проди, с января 2000 по октябрь 2004-го председатель Еврокомиссии, говоря

о «стратегических целях» ЕС, заявил: «То, к чему мы стремимся, — это новый тип глобального управления. Европейская модель интеграции, успешно работающая в масштабе континента, представляет собой бесценную сокровищницу идей (дословно: каменоломню!), которые могут и должны быть извлечены из нее для строительства глобального управления» (р. 374). В ходе подготовки проекта новой европейской Конституции, считают авторы книги, федералисты и сторонники «межправительственной» Директории уступили позиции точке зрения Проди. На ней и базировался проект европейской Конституции. Возможно, именно посему этот «решающий шаг в историческом процессе европейской интеграции» (р. 401) был заблокирован и привел к кризису.

Накануне введения евро в обращение одна немецкая газета обратилась к Романо Проди с вопросом: «Можно ли с философской точки зрения считать, что евро явился способом купить европейскую душу?» Ответ только подтвердил подозрения авторов в его демонических намерениях: «Деньги (в т. ч. национальных государств. — Авт.) — не только материя, но и душа». С боем часов в полночь 31 декабря 2001 года единый евро «стал материальным» (р. 402). К сожалению, Кристофер Букер и Ричард Норт не могут дать ясного ответа на вопрос: «Станет ли когда-нибудь единая Конституция “душой” Европы?»

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль–XXI»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., первый вице-президент ЗАО «КРОС»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ

ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завкафедрой европейской интеграции МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор Национальной инновацион- ной компании «Новые энергетические проекты», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «Уралсиб»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/> индекс издания									
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Количество комплектов									
на 2005 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА		<input type="text"/> индекс издания									
ПВ	место	литер	на газету журнал								
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Стоимость подписки		_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов						
				_____ руб. _____ коп.							
			на 2005 год по месяцам								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>										
	Почтовый индекс (адрес)										
Кому	<input type="text"/>										
	(фамилия, инициалы)										

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- **ТРК «МЕГА»** (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- **ТЦ «Глобал Сити»** ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- **Никитский б-р, 17** (тел.: 291-8303, 789-9187)
- **ТК «Галерея Аэропорт»** Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «**Книжная лавка историка**» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «**Книжная лавка обществоведа**» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «**Книжный киоск РОССПЭН**» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «**Ad Marginem**» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «**Политическая книга**» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «**МН-Пресс**»
- 1-й подъезд **Российской Государственной Библиотеки**
- В киоске «**Деловые люди**» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках **МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА**
- **Клуб «Проект О.Г.И»** Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «**Летний сад**», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «**Русское богатство**» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «**Книжный магазин**» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»

или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»

Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»

129110, Москва, ул. Гиляровского, 39

Тел.: (095) 681-9137, 681-9763

Факс: (095) 681-3798

E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications

3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA

Tel: 1-763-550-0961

Fax: 1-763-559-2931

E-mail: eastview@eastview.com

<http://www.eastview.com>

117638, Москва

ул. Азовская, 6/3

Тел.: (095) 777-6557, (095) 318-0927

Факс: (095) 318-0881

E-mail: mosunova@mosinfo.com

<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)